
ОГОНЁК
№ 31 ИЮЛЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На механизированном току зерносовхоза «Озерный», Кзылтуского района, Кокчетавской области, Казахской ССР.

Фото Я. Босина.

На первой странице обложки: в праздничный день на крейсере.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: двадцать три года служит на Черноморском флоте кок-инструктор Константин Григорьевич Бебия.

Фото Я. Рюмкина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 31 (1520)

34-й год издания

29 ИЮЛЯ 1956

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В атаку пошло целое звено...

Завтра снова в море...

29 июля—День Военно-Морского Флота СССР

Электроколокол нарушил тишину. Заработали моторы. Боевая тревога!

На палубе выстроился личный состав корабля. Загорелые, обветренные лица матросов сосредоточенны. Командир, старший лейтенант Владислав Петрович Сергунов, объяснил задачу: получен приказ выйти в море на поиски «противника», обнаружить и атаковать его.

...Боцман Александр Ефимов придирчиво осматривает палубу: все ли убрано, все ли хорошо закреплено? А тем временем матросы надевают летнюю штормовую форму: черные прорезиненные брюки, куртки, надувные спасательные жилеты.

Моторы набирают обороты, и торпедные катера, взбивая винтами воду, один за другим отходят от причальных стенок. На мостике командир Сергунов. Коренной москвич, он свыкся с Балтикой, полюбил ее, хорошо знает свой мужественный, энергичный экипаж.

Катера выскочили на морские просторы. Скорость бешеная. Корпус вибрирует, над мокрой рубкой изгибается тонкий прут радиоантенны. Вода хлещет в лицо, стекает по непромокаемым костюмам. Положив руки на штурвал, командир всматривается в морскую даль...

Мичман А. Кутьин прокладывает курс корабля. Поглядывая на приборы и в иллюминатор, он то и дело обращается к радиометристу Анатолию Богомолову, наблюдающему с помощью радиолокатора за морем, берегами, воздухом, к штурманскому электрику Евгению Васильеву, стоящему у прибора, который фиксирует отклонения от курса, к радисту Анатолию Синкевичу, поддерживающему связь со штабом...

Торпедный катер — маленький, но довольно вместительный кораоль с водонепроницаемыми переборками, с матросским кубриком, где в два яруса подвешены койки.

В каюте слышатся жесткие удары днища о воду, гул моторов. От взлетов и падений захватывает дух.

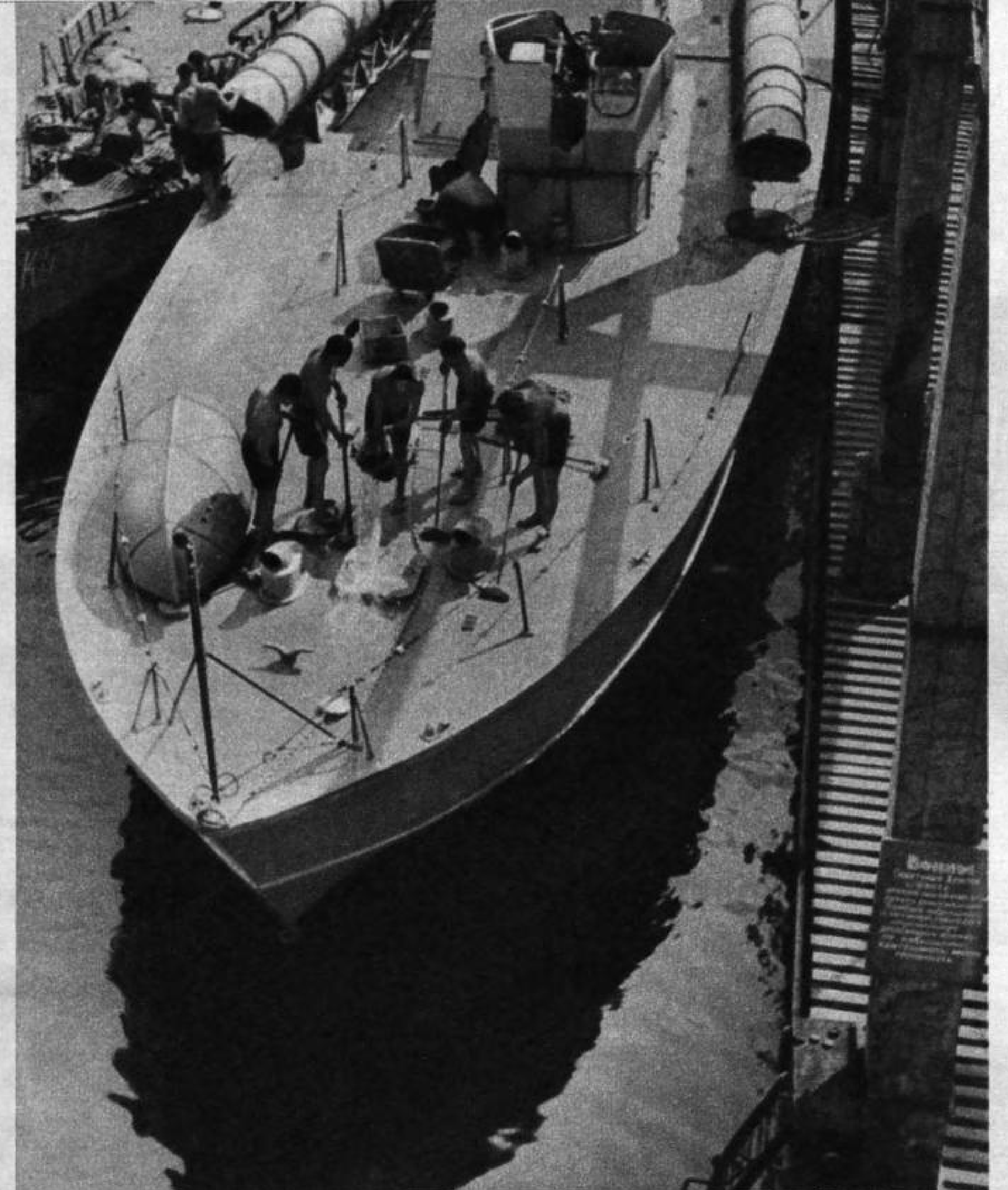
Через штурманскую и мостик выходим на палубу. Катер идет так быстро, что ветер сбивает с ног. Приходится держаться за трубу торпедного аппарата. Широкоплечий, коренастый торпедист Василий Уваров улыбается, но тут же переводит свой взгляд на приборы.

На горизонте возникает крохотная черная точка. Вскоре можно различить и весь силуэт корабля. Это «вражеский» эсминец. Вот когда особенно необходимы крепкие нервы, выдержка, молниеносный расчет и подлинная отвага! Командир резким рывком поворачивает штурвал, и катер, развернувшись под углом в сто пять градусов, ложится на боевой курс. От быстрого движения звенит в ушах.

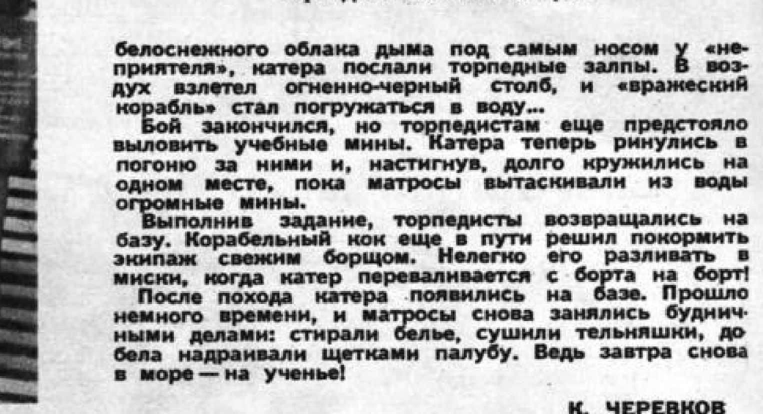
Командир на какое-то мгновение обернулся, поднял руку и сразу ее опустил: это означало приказание дать залп.

Василий Уваров нажал боевой рычаг. С правого борта из торпедного аппарата с шумом вырвалась сигарообразная торпеда и, врезавшись притупленным носом в воду, устремилась к цели, оставляя за собой бурлящую полосу. Выпустив торпеду, катер развернулся и стал менять курс. Забрызганный черной гарью Уваров стоял у борта, наблюдая, как след торпеды стремительно приближается к «вражескому» эсминцу. Но бой еще только начинался, и торпедист быстро перебежал на левый борт к другому аппарату.

Резкий гул моторов нарастал. На этот раз под прикрытием дымовой завесы, поставленной с нашего корабля, в атаку пошло целое звено. Вынырнув из-за

Торпедист Василий Уваров.

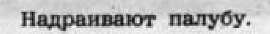
белоснежного облака дыма под самым носом у «неприятеля», катера послали торпедные залпы. В воздух взлетел огненно-черный столб, и «вражеский корабль» стал погружаться в воду...

Бой закончился, но торпедистам еще предстояло выловить учебные мины. Катера теперь ринулись в погоню за ними и, настигнув, долго кружились на одном месте, пока матросы вытаскивали из воды огромные мины.

Выполнив задание, торпедисты возвращались на базу. Корабельный кок еще в пути решил покормить экипаж свежим борщом. Нелегко его разливать в миски, когда катер переваливается с борта на борт!

После похода катера появились на базе. Прошло немного времени, и матросы снова занялись будничными делами: стирали белье, сушили тельняшки, добела надраивали щетками палубу. Ведь завтра снова в море — на ученье!

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Надраивают палубу.

↓Боцман А. Ефимов и командир корабля В. Сергунов.

Совещания работников сельского хозяйства Урала и Сибири

Первый Секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Н. С. Хрущев и секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Н. И. Беляев приняли участие в совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Урала, которое происходило в Свердловске 19—20 июля.

Затем товарищи Н. С. Хрущев и Н. И. Беляев побывали на целинных землях Чкаловской области, беседовали с новоселами, интересовались их работой, бытом.

После поездки по совхозам и колхозам товарищи Н. С. Хрущев и Н. И. Беляев прибыли на совещание работников сельского хозяйства Сибири, которое происходило в Новосибирске 23—24 июля. Участники совещания призвали всех хлеборобов Сибири развернуть соревнование за быстрейшее претворение в жизнь решений XX съезда КПСС и сдать государству в этом году не менее миллиарда пудов хлеба.

На снимке: встреча Н. С. Хрущева и Н. И. Беляева с работниками целинного Бурухтальского зерносовхоза, Чкаловской области.

Фото А. Устинова.

Под знаменем пролетарского интернационализма

С 18 по 21 июля в Гавре происходил XIV съезд Французской коммунистической партии. Съезд выразил решимость Французской коммунистической партии и дальше вести рабочий класс Франции под знаменем пролетарского единства по пути мира, демократии и социального прогресса. Съезд продемонстрировал боевую сплоченность французских коммунистов, их солидарность с братской Коммунистической партией Советского Союза и всем мировым коммунистическим движением.

На съезде присутствовали представители коммунистических и рабочих партий 29 стран. Неизменным вниманием и горячей симпатией участников съезда была окружена делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Президиума и секретарем Центрального Комитета КПСС М. А. Сусловым. Речь товарища М. А. Суслова на XIV съезде Французской коммунистической партии и оглашенное им приветствие Центрального Комитета КПСС были с энтузиазмом встречены делегатами съезда.

На снимке (справа налево): товарищи М. А. Суслов, Морис Торез А. И. Кириченко и Марсель Кашен беседуют во время съезда.

Фото из газеты «Юманите».

День Возрождения Польши

По приглашению Правительства Польской Народной Республики в праздновании Дня Возрождения Польши приняла участие Правительственная делегация Советского Союза во главе с Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным. Выступая на торжественном заседании в Варшаве, Н. А. Булганин передал польскому народу от имени советского народа, Советского правительства и Коммунистической партии Советского Союза дружеские пожелания успехов в социалистическом строительстве народной Польши.

Правительственная делегация Советского Союза совершила поездку по Польше. Она посетила города Лодзь и Краков. Повсюду тысячи поляков горячо встречали членов советской делегации.

Этот снимок сделан 22 июля в Варшаве на площади, где происходил парад в честь Дня Возрождения.

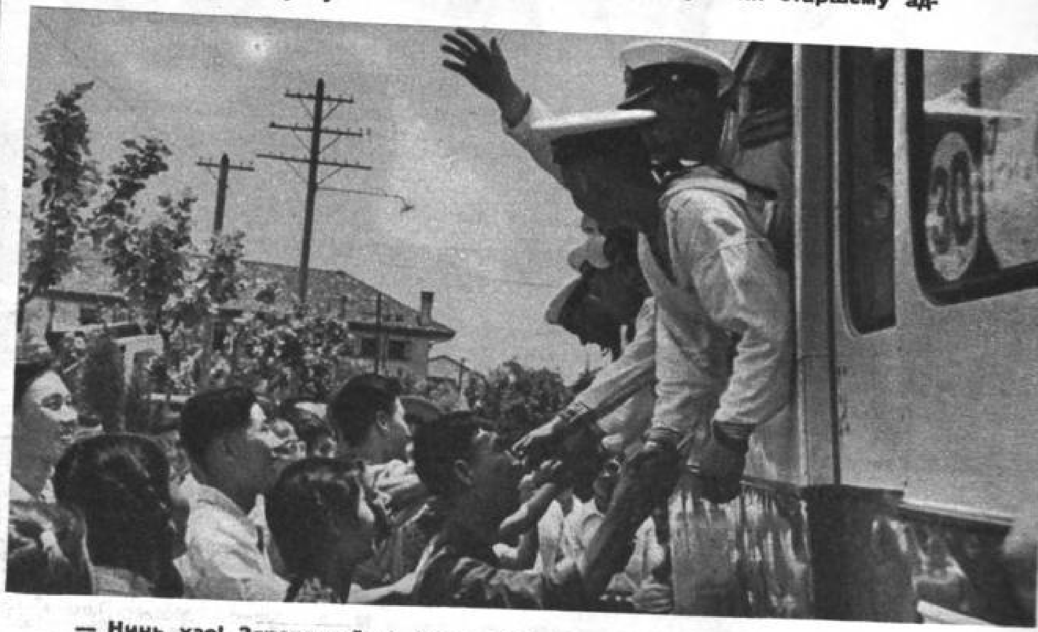
Дружба

Л. КОРЯВИН
Фото специального корреспондента «Огонька» М. САВИНА.

Недавно отряд военных кораблей Тихоокеанского флота в составе крейсера «Дмитрий Пожарский», эскадренных миноносцев «Вдумчивый» и «Вразумительный» отправился с визитом дружбы в крупнейший порт Китайской Народной Республики — Шанхай. Семь дней пробыли советские моряки в стране великого китайского народа.

Визит командующего отрядом советских военных кораолей вице-адмирала В. А. Чекурова заместителю министра обороны командующему военно-морскими силами Китайской Народной Республики старшему адмиралу Сяо Цзин-гуану.

— Нинь хао! Здравствуйте! Нинь хао! Здравствуйте! — На заводском дворе слышится и китайская и русская речь. Рабочие шанхайского турбинного завода сердечно приветствуют советских моряков.

← Все хотят пожать руку советскому офицеру.

Над Шанхаем — яркие знамена, море живых цветов. Тысячи людей собрались на набережной Вайтань, чтобы приветствовать советских военных моряков.

Каждый день в живописных парках Шанхая проходили концерты советских моряков и китайских артистов. Русский танец «Березка» в исполнении китайских танцовщиц.

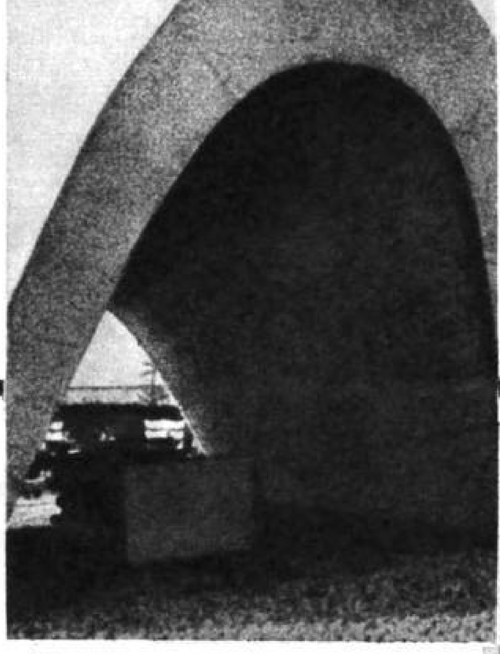
Наша морская дружба.

Сегодня особенно весело на борту крейсера. В гостях у советских моряков шанхайские пионеры.

— Дяди советские моряки,— говорили юные шанхайцы,— большое спасибо за подарки. Передайте наш пламенный привет и подарки советским пионерам.

„МЫ НЕ ПОЗВО

Памятник жертвам атомного взрыва.

Б. ПЕТРОВ

Когда я читал заявление Верховного Совета СССР в связи с обращением японского парламента о запрещении ядерного оружия, перед моими глазами снова возник небольшой памятник, воздвигнутый в виде шатра, открытого с двух сторон. Под шатром зарыты списки людей, погибших 6 августа 1945 года, когда разорвалась первая атомная бомба. У памятника всегда цветы, голубой дымок курительных свечей и склоненные фигуры. На монументе надпись: «Спите спокойно, мы никогда больше не позволим применить атомную бомбу». Это звучит как клятва.

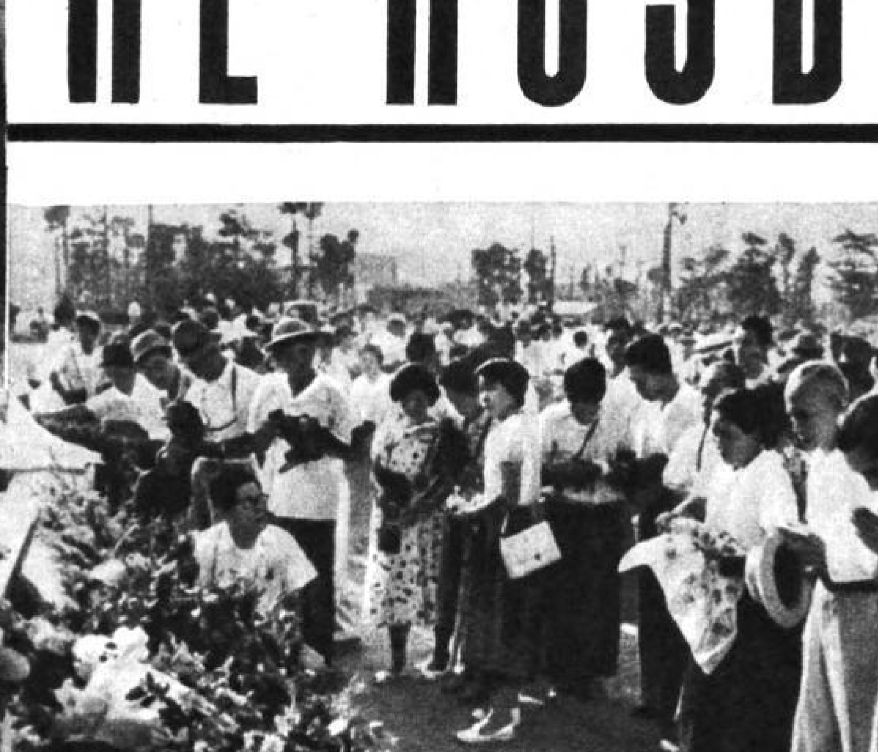
Памятник этот я видел в городе Хиросима...

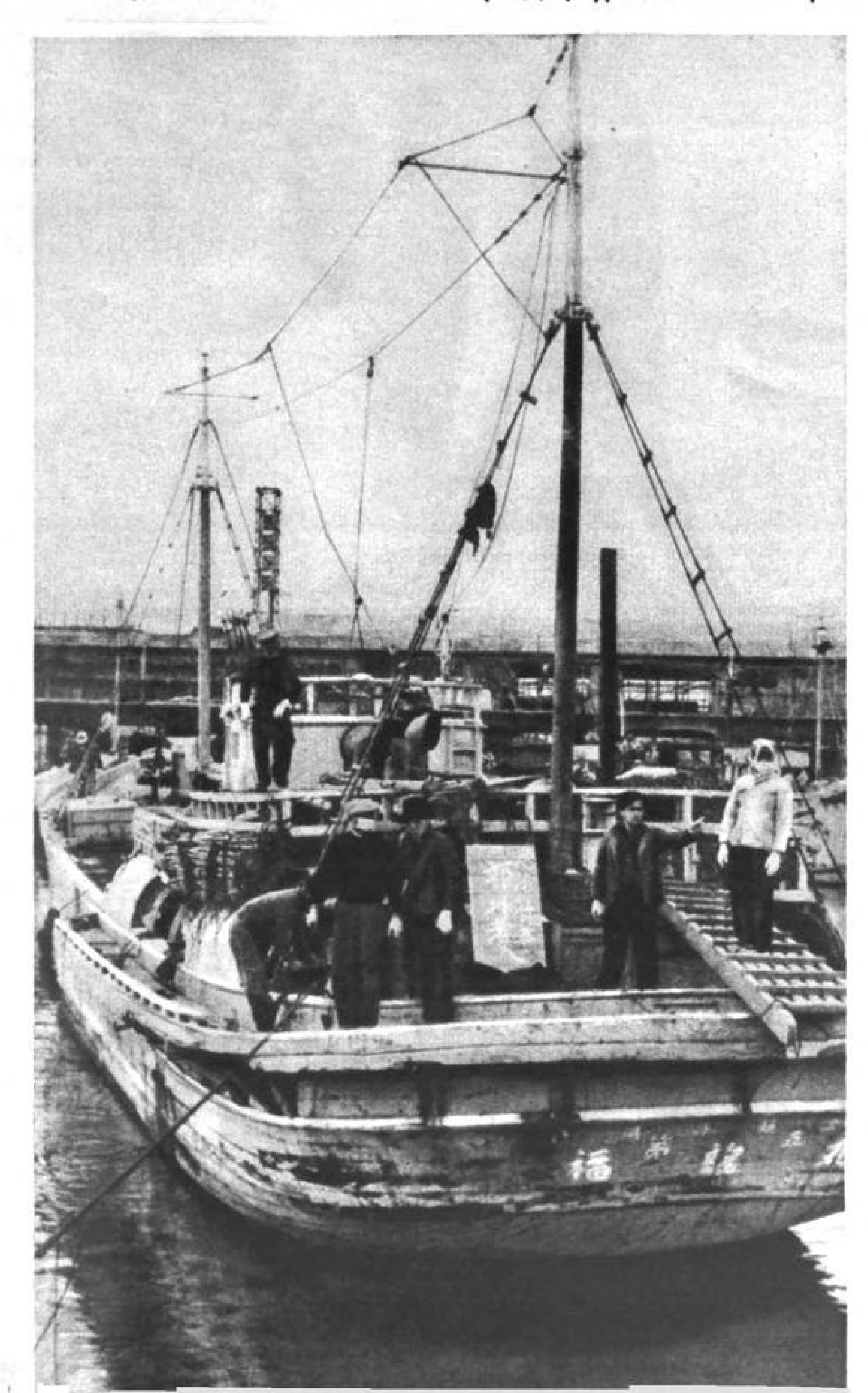
* * *

Путь в Японию, который нам, советским делегатам на международную конференцию против применения термоядерного оружия, пришлось проделать в прошлом году, был долог и сложен. Получив приглашение в Токио, мы наивно думали, что доедем до Владивостока, а там рукой подать до Японии. На деле же оказалось далеко не так. Самолетный маршрут наш лежал через Хельсинки, Стокгольм, Копенгаген, Дюссельдорф, Женеву, Рим, Каир, Карачи, Калькутту, Бангкок.

Мы, конечно, не очень сетовали на такой «осмотр» земного шара: он был интересен и поучителен, — но едва ли можно считать нормальным столь длинный путь к соседу.

Хиросима... Нагасаки... Эти два города, траурная слава о которых в последние недели войны пронеслась по всему миру, были избраны местом работы конференции. Запоздание с получением японских виз привело к тому, что мы поспели только на второе заседание, происходившее в Нагасаки.

Возле памятника жертвам атомного взрыва в Хиросиме.

В эти дни мы со всей силой ощутили, как велика решимость японского народа бороться до конца против повторения Хиросимы. Навстречу нашему пароходу, подходившему к Нагасаки, вышел, помнится, катер. Мы увидели на нем знамена, оркестр, множество людей. Оказалось, что это группа японских борцов за мир, выехавших нам навстречу. Мы говорили с ними о священной дружбе народов, о совместном отпоре, который должны дать народы тем, кто хочет ввергнуть человечество в кошмар термоядерной войны...

Тут мы в первый раз услышали две песни, которые потом во всех городах Японии слышали десятки раз, — песню о борьбе против атомной бомбы и нашу советскую «Катюшу». Эти две песни, такие, казалось бы, далекие друг от друга по содержанию и мелодии, здесь, в Японии, объединяют всех, кто хочет бороться за мир. Единство это не только духовное, но и как бы физическое: поющие становятся в ряд, берутся за руки и в ритм песни раскачиваются направо и налево. Это мы видели на маленьких железнодорожных станциях, куда нашу делегацию выезжали встречать молодые рабочие; это мы видели и на митингах, где тысячи людей, крепко взявшись за руки, раскачивались, создавая картину волнующегося людского моря.

←
Рыболовная шхуна «Фукурю-мару 5», пострадавшая от испытания американской атомной бомбы на Бикини.

«Наш любимый город сожжен атомной бомбой, — так начинается песня, которую в Японии поют все, от школьника до профессора. — В земле нашего города мы погребли останки горячо любимых, близких. Но на их могилах уже выросли, расцвели белые цветы, и мы никогда не позволим больше сбросить атомную бомбу. Долой атомную бомбу! Трижды долой!..»

Лица людей взволнованны. «Долой! — дружно скандируют они всей массой. — Трижды долой!» В этом энергичном призыве слышны голоса миллионов, и в этих горящих глазах — отблеск силы, от которой не по себе поджигателям войны.

Нашу «Катюшу» поют и по-японски и по-русски. Эта песня стала всенародной, и когда японцы хотят выразить свое дружелюбие и уважение к советскому народу, они запевают: «Расцветали яблони и груши...»

Когда мы сошли с парохода, к нам подошел пожилой человек. Седая голова, усталый взгляд — таких, как он, множество. Выяснилось, что он знает русский язык: жил некоторое время в Харбине; сейчас служит в универмаге.

— Я вчера пошел к владельцу универмага, — сказал он, — и попросил, чтобы мне дали один день отпуска за мой счет, с тем чтобы я мог вас встретить и побыть с вами. Хозяин согласился: важное дело!

«Важное дело» — эту оценку ра-

ЛИМ!"

естественен. Японский народ первый на самом себе испытал, что означает атомная бомба. Борьба против этого оружия необычайно популярна в Японии.

Трудно забыть волнение, охватившее и нас и всех собравшихся, когда на трибуну вышла пожилая женщина Мисако Ямагучи. Атомная бомба убила ее родителей и пятерых детей. Тело ее до сих пор хранит следы ожогов.

— Пусть это никогда не повторится! — потребовала она. — Раны мои заживают быстрее, когда я вижу, как упорно японский народ борется против атомного оружия.

Силы мира в Японии крепнут. Всеобщее восхищение вызвало то, что делегаты Японии ездили на Всемирную ассамблею мира в Хельсинки на деньги, собранные среди простых людей; чтобы найти средства для отправки 50 делегатов в столицу Финляндии, отстоящую от Токио на 10 тысяч километров, Японский комитет защиты мира издал репродукцию картины художника Хокусая «Фудзияма». Цена каждой открытки равнялась стоимости проезда на расстояние ста двадцати пяти метров.

Прошел год с тех пор, как мы распрощались с нашими японскими друзьями. И теперь, читая обращение японского парламента по поводу запрещения ядерного оружия, я понимаю, что это голос японского народа, пережившего страшную трагедию Хиросимы и борющегося ныне за самый благородный идеал человечества — за мир.

боты друзей мира мы слышали потом много раз. Простые люди Японии не жалеют сил на это важное дело: более 33 миллионов подписей собрано под требованием о запрещении термоядерного оружия, и это в стране, где сознание народа десятилетиями затуманивалось милитаристскими бреднями!

— Меня скоро уволят, — сказал седой человек, — я уже стар, а у нас в Японии работать разрешают до пятидесяти пяти. Но сколько могу, я помогаю бороться за мир.

* * *

«Холодный чай и холодный рис — терпимы, но холодный взгляд и холодное слово — невыносимы». Так говорит японская пословица. Она вспомнилась нам, когда мы вглядывались в лица людей, собравшихся на конференцию в Нагасаки. Это были люди с горячим сердцем, люди, ненавидящие тех, кто не дает японскому народу выйти на широкую дорогу мирной жизни.

Я не буду здесь подробно рассказывать о самой конференции: о ней достаточно писали в свое время. В кипящий котел тысячного собрания мы попали почти сразу с парохода. Бурными аплодисментами было встречено сообщение о том, что прибыли советские друзья японских борцов за мир...

Борьба против атомного и термоядерного оружия объединила очень широкие круги японского народа — рабочих и крестьян, студентов и торговцев, деятелей рабочего движения и представителей всех политических партий Японии, видных ученых, служителей буддийской церкви, директоров крупных банков и железных дорог, руководителей прогрессивных женских организаций.

Такой широкий фронт вполне

Интервью «Огонька»

ДРУЖБА СТРАН АЗИИ

Токусабуро ДАН,
генеральный секретарь Японского комитета солидарности стран Азии

Японский комитет солидарности был создан 31 октября прошлого года. Цель его — основываясь на знаменитых пяти принципах сосуществования, содействовать дружбе и сотрудничеству между странами Азии. Членами комитета являются люди разного социального положения, верования, достатка, различных политических убеждений. Их всех объединяет стремление к единению стран Азии в деле упрочения добрых отношений между народами всего мира, в борьбе против остатков колониализма.

Мы встречаем поддержку во многих странах. Примером может служить наша делегация Японского комитета солидарности стран Азии. Она отправилась из Японии в апреле, чтобы посетить ряд государств, и побывала в Индии, Египте, Австрии, Советском Союзе.

В Индии нас встречал президент Прасад, который произнес двадцатиминутную приветственную речь. С нами беседовал премьер Неру. Кроме официальных лиц, нас радушно принимали многие индийцы, и члены делегации установили полезные контакты. Мы договорились об устройстве взаимных фотовыставок, об обмене делегациями. Осенью, например, японские писатели пошлют представителей на конференцию писателей стран Азии, которая будет происходить в Индии.

В Египте не существует Комитета солидарности стран Азии. Однако и там мы ощутили атмосферу сочувствия нашему делу. В Каире в этом году состоится ряд важных международных событий: там будет организована выставка искусства народов стран Азии и Африки, в которой примет участие Япония, а в конце года, возможно, состоится вторая после Бандунга конференция стран Азии и Африки.

Огромную симпатию к нашей стране и к нашему делу мы ощутили в Советском Союзе. Особенно нас взволновал эпизод, происшедший в ташкентском парке. Несколько членов нашей делегации приблизились к эстраде, где в это время шло представление. Многочисленные зрители заметили нас и, узнав, что мы японцы, попросили подняться на эстраду.

Мы рассказали, кто мы такие, и произнесли несколько приветственных слов. И тут началась овация. Когда мы сошли с эстрады, нас окружили люди, они жали нам руки, приветливо улыбались, что-то дружеское говорили. Некоторые члены нашей делегации не всегда верили тому, что им говорили официальные лица в Советском Союзе, но после такой встречи даже они поняли, что советский народ искренне желает мира и дружбы с Японией.

Простые люди в моей стране очень хотят, чтобы между Японией и СССР как можно скорее были восстановлены дипломатические отношения. Не скрою, у нас есть люди, на которых пропаганда о мнимой советской агрессии оказывала определенное воздействие. Но теперь, после прекращения войны в Корее и во Вьетнаме, после решения правительства вашей страны о сокращении вооруженных сил, таких людей становится все меньше и меньше.

Большинство японцев убеждено, что установление дипломатических отношений с Советским Союзом будет серьезным шагом на пути к дружбе между нашими странами. Я имею в виду все слои японского общества. Например, крупные капиталисты считают, что дружба с СССР будет выгодна для них. Но многие из деловых людей связаны экономически с американцами, поэтому они не решаются громко выступить за установление дипломатических отношений. Когда в октябре прошлого года, например, был создан наш комитет, то в состав его вошли некоторые капиталисты. Однако наиболее крупные из них не вступают, хотя оказывают нам практическую помощь.

В составе нашей делегации — люди, которые имеют значительный вес в Японии, и после возвращения на родину они поднимут свой голос за установление нормальных дипломатических отношений с СССР.

Японский народ стремится восстановить дипломатические отношения и с Китаем. В этом заинтересованы и капиталисты, которые экономически всегда были тесно связаны с нашим соседом.

До тех пор, пока еще не все народы Азии освободились от колониальной зависимости, будет существовать угроза войны. Поэтому мое глубокое убеждение: борьба этих стран против колониализма является вкладом в укрепление мира во всем мире.

Дружба стран Азии — отпор всем, кто хочет развязать новую войну.

Токусабуро Дан.

→ Монумент мира в городе Явата (остров Кюсю).

На первомайской демонстрации женщина несет плакат, на котором написано: «Запретить атомную войну!»

13 июля 1956 года в Белом дворце президент Федеративной Народной Республики Югославии Иосип Броз Тито устроил прием в честь президента Республики Египет Гамаль Абдель Насера. На снимке: Йованка Броз, президент Насер и президент Тито во время приема.

20 июля в Москву по приглашению Верховного Совета СССР прибыла делегация Национального собрания Исламской Республики Пакистан. На снимке: делегация Национального собрания Пакистана на приеме у Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР П. П. Лобанова и Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. Т. Лациса.

Слева направо: член Законодательного собрания Восточного Пакистана г-жа Анвара Хатун, П. П. Лобанов, В. Т. Лацис; руководитель делегации — один из лидеров Мусульманской лиги, бывший главный министр провинции Синд г-н Мохаммед Аюб Хуро.

Фото Е. Умнова.

Голландская эскадра в Ленинграде

Голландские моряки беседуют с ленинградцами на Дворцовой площади.

Фото автора.

Корабли голландского военно-морского флота вошли в Неву ночью, тем не менее множество ленинградцев приветливо встречало гостей, прибывших в Советский Союз с визитом дружбы. У мостов лейтенанта Шмидта и Дворцового встали эскадренные миноносцы «Фрисланд» и «Зееланд», а между ними, напротив памятника Петру I,— крейсер «Де Зевен Провинсиен».

И вот на улицах и площадях Ленинграда запестрели бескозырки с незнакомыми надписями на лентах. Разговоры завязывались быстро и непринужденно. В Эрмитаже, Русском музее, Петродворце, в подземных станциях метро, на стадионе, в садах, в военно-морских училищах и клубах — всюду в эти дни слышалась голландская речь вперемежку с русской.

После нескольких дней пребывания в Ленинграде контр-адмирал г-н Гослингс в сопровождении офицеров выезжал в Москву, где был принят главнокомандующим Военно-Морским Флотом адмиралом Горшковым.

Командир эскадры контр-адмирал г-н Гослингс в беседе с корреспондентом «Огонька» поделился впечатлениями о пребывании в Советском Союзе.

— Я тридцать лет офицер, двадцать из них плаваю, видел многие страны мира, но в вашей стране я никогда не был. Мы знали о Советском Союзе очень мало. Из школьных учебников нам известно о давней дружбе наших народов. Во время второй мировой войны Советский Союз помог освободить Голландию от врага — это мы хорошо помним. Я прочитал много книг и статей, но они так противоречиво освещали жизнь вашего великого государства, что я, обращаясь к офицерам и матросам, сказал примерно следующее: «Ребята, мы уходим в большую страну, но даже я не знаю, что мы там встретим». И вот нам было оказано трогательное, подлинно русское гостеприимство. Прием был впечатляющим, дружеским,— одним словом, чудесным.

На вопрос о значении взаимных визитов военно-морских кораблей обеих стран г-н Гослингс ответил:

— Такие визиты сближают народы всех стран в их стремлении к мирной жизни. Я хотел бы закончить свое интервью словами, которые мне часто напоминала мать: «Все хорошее надо любить и долго хранить, его надо высекать на граните, а плохое — писать на песке, чтобы оно как можно скорее стерлось». Покидая вашу страну, я мысленно хочу впечатления о ней высечь золотыми словами на граните, чтобы навсегда сохранить их в памяти.

К. ЧЕРЕВКОВ

МОСКВА—РОТТЕРДАМ

24 июля корреспондент «Огонька» вызвал по телефону Роттердам, эскадренный миноносец «Суровый». К аппарату подошел командир корабля капитан III ранга Владимир Ильич Акимов.

«Огонек». Расскажите, Владимир Ильич, как встретили голландцы советских моряков?

В. И. Акимов. Очень и очень радушно. Я не буду рассказывать вам об официальных приемах — о них вы знаете из газет. Встречи наших моряков с простыми голландцами проходят также чрезвычайно дружественно. Каждый день наши корабли, стоящие сейчас в самом центре города, открыты для посетителей на два часа. И всегда этих двух часов не хватает — так много гостей. И поминутно возникают разговоры между нашими моряками и здешними людьми. Они подчеркивают, что их страна и Россия издавна поддерживают традиционные дружественные связи, не забывают упомянуть и о Петре I, который бывал в Голландии и обучался здесь корабельному делу.

Особенно взволнованно говорят о том, что Голландия была в свое время оккупирована той самой фашистской армией, которая потом была разбита в России под Сталинградом. Голландцы отмечают, что Советский Союз внес огромный вклад в избавление их родины от гитлеровского ига. «Холодная война,— говорят они,— ухудшила наши связи. Давайте же их восстановим как можно скорее».

«Огонек». Скажите: а не мешает ли разговорам незнание языка?

В. И. Акимов. Командование позаботилось и снабдило всех членов экипажей русско-голландскими разговорниками. Многие наши офицеры знают английский или немецкий языки. Здесь всегда можно объясниться при их помощи.

«Огонек». Что вам понравилось в Голландии больше всего?

В. И. Акимов. На меня, как на моряка, большое впечатление произвел Роттердамский порт. Кроме того, мне понравилась образцовая чистота городов и деревенских поселков. Ну и, конечно, голландцы — очень приветливый и гостеприимный народ.

«Огонек». Как голландцы оценивают наши корабли?

В. И. Акимов. Они высоко отзываются о наших кораблях и выучке экипажей.

«Огонек». Скажите, что бы вы хотели передать своим друзьям на родине?

В. И. Акимов. Передайте, пожалуйста, что все мы стараемся с честью нести здесь, на голландской земле, высокое звание советского моряка. Надеемся, что наш визит принесет пользу укреплению дружественных отношений между двумя народами.

«Огонек». Спасибо, товарищ Акимов. До свидания!

На учениях.

Фото Я. Рюмкина.

Югославия. Набережная города Сплит. Сейчас и эти ребята получат автографы советских моряков, прибывших с визитом дружбы.

Фото Я. Рюмкина.

I

Деревня Сяома привольно расползлась по отлогому взгорью. Вблизи домов лежали замшелые, забитые илом берега. Блестел хрупкий узорчатый ледок. Еще до восхода солнца сюда пришли люди и кирками, лопатами раскрошили ледяную кожуру, разворочали черно-сизое илистое русло.

Усердно трудился и старый Хоу. Жилистый, худой, с седыми клоками вислых бровей, он вонзал лопату в нетвердую почву, выворачивал холодные скользкие комья. Его младший сын, Сян-ян, с женой выносили эти комья на берег и укладывали в тележку. Тяжко постукивали колеса, по проселку одна за другой тянулись ослиные упряжки. Поле суглинистое, будто припорошенное кирпичной пылью, чернело бугорками.

Хоу нажимал ногой лопату, не разгибался и то думал о том, что сообща, всей деревней, легко и русло углубить для вешних вод и землю илом удобрить; то мысли его обращались к Хуан Кэ. Коренастый, с сильными руками парень стоял на перекинутой с берега на берег доске и орудовал киркой. Чуть поодаль работал бедняк Мяо, тот самый многодетный Мяо, у которого Хоу забрал за долги землю... Как же странно и неожиданно изменилась жизнь! Совсем недавно Хуан Кэ батрачил у Хоу, а тот клочок земли стал общим, и лежит он, как и прежде, за курганом. Хуан Кэ теперь бригадир, и мог бы он подойти к своему бывшему хозяину и посмеяться над ним. Мог бы и Мяо напомнить о земле. Не подходили и ничего не говорили. Неужели забыли? Может, и старому Хоу не следует так часто думать о своем прошлом? Пусть оно, как русло этой речки, заилится и забудется... А если не забудется? Разве можно забыть то, что еще так свежо в памяти?

За спиной частая дробь ослиных копытц и чей-то басовитый голос:

— А посмотри, как наш помещик действует лопатой!

— Роет усердно. Старается!

— Верно, старается, а только знать бы, что у него на уме.

— Известно, у волка думка волчья.

— Наверно, поджидает старшего сына, Тянь-бао. Он же еще отсиживается где-то там, на острове...

«Знать бы, что у него на уме... Известно, у волка думка волчья». Какие же обидные слова! Острее ножа они ранили сердце, но старик не выпрямился, не поднял головы. «Значит, не забыли, все помнят... А может, поговорят да и забудут? А если узнают, что Тянь-бао уже не на острове, а дома?..»

Глядя себе под ноги, Хоу сильным ударом всадил лопату в ил. Те двое, что с усмешкой говорили о нем, понукая ослов, прошли мимо. Хоу подозвал младшего сына и, склонясь на лопату, как на посох, тихо сказал:

— Слыхал?

— Разве у меня ушей нет? — ответил Сян-ян, вытирая рукавом лицо.— Или я глухой?

— А ты лучше не слушай. Делай вид, что тебя это не касается и ты ничего не слышишь. Ведь Хуан Кэ и слова плохого нам не говорит.

— Погоди, отец, заговорит и Хуан Кэ. И мы еще и не такое услышим, когда в деревне узнают о Тянь-бао. А они узнают, непременно узнают. И Хуан Кэ узнает.

— Нет, что ты... Да и как же он узнает?

— А так и узнает... Сам я расскажу.— Сян-ян побледнел, сжал кулаки.— Не буду молчать...

— Да ты что? — зашептал отец.— Погубить нас хочешь?

СТАРШИЙ СЫН

Рассказ

Семен БАБАЕВСКИЙ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

— А ты зачем приютил его?.. Сегодня же скажи ему, пусть убирается из нашего дома туда, откуда заявился. Не скажешь, так я не посмотрю, что он мне брат... Вышвырну, как паршивую собаку.

— Не горячись, сын, не надо,— озираясь, чуть слышно говорил старший Хоу.— Ты молод, горяч... А мы спокойно все обдумаем, обсудим по-семейному... Разве тебе не жалко Тянь-бао? Он же твой брат, а мне он сын, и такой же родной, как и ты...

Сян-ян не слушал. Махнул рукой и ушел к корзинам, которые жена доверху завалила илом. Обычно Сян-ян просил жену помочь поднять груз. Теперь же молча подлез под коромысло, рывком поднялся и, багровея и твердо ставя согнутые в коленях ноги, понес корзины к тележке...

Старый Хоу еще долго стоял, опершись на лопату и думая о Тянь-бао. Старший сын вернулся домой в глухую зимнюю ночь. По селу гулял пронизывающий январский ветер без снега. Холодно было и в доме. Натягивая на голову одеяло, старик сквозь сон услышал настойчивый стук в окно. Встал, зажег фонарь. Проснулся и Сян-ян, поднялась и его жена. Старый Хоу открыл дверь. Все трое с удивлением смотрели на высокого человека в лохмотьях, смело переступившего порог... Неужели это Тянь-бао? Почему ж он не обнял отца, не поздоровался с Сян-яном? Измученное его лицо поросло грязной щетиной, усталые глаза смотрели в одну точку. Колючим взглядом он покосился на молодую женщину, как бы спрашивая, кто она и как попала в дом. Не проронив ни слова, стянул с плеч пустой мешок и попросил воды. Пил жадно, припав к кружке дрожащими губами. Потом опустился на еще теплую лежанку, согнул ноги в изорванных, побитых в дороге сапогах и, вздрагивая всем телом, уснул.

II

Сырой и холодный вечер укрыл деревню. То там, то здесь светлячками маячили огоньки. Теплился свет и в доме Хоу. Семья только что вернулась с работы. Невестка разожгла очаг, готовила ужин. Сян-ян умывался над тазом, а старый Хоу подсел к огню и раскурил трубку. В это время вошел Хуан Кэ и, стоя у порога, сказал, что Сян-ян с женой назначены в бригаду, которая с завтрашнего дня начинает рыть колодцы.

— Можно и колодцы,— согласился Сян-ян, вытирая руки влажным полотенцем.— Это мы сможем. А вот скажи, Хуан Кэ... скажи, это правда, что с нас снимут звание помещика и будем мы называться крестьянами, как все?

— Если заслужите честным трудом,— ответил Хуан Кэ и хотел было уйти, но остановился.— Станете жить честно, как все, с мозолями на ладонях, тогда люди сами дадут вам другое название... Так не проспи, Сян-ян.

И ушел. Старый Хоу взял горящий стебелек, разжег потухшую трубку и направился к дверям. Сян-ян преградил ему дорогу и спросил:

— Опять к беглецу?

Старик промолчал. Отстранил рукой сына и вышел во двор. Возле сарайчика уселся на камне, курил трубку, уронив на колени голову. За стеной похрюкивала свинья, копошились, шелестя соломой, поросята. Они родились недавно, но не радовали старого Хоу, как бывало прежде... Не о них думал Хоу, а о том, что там, где лежит со своим выводком свинья, есть углубление, похожее на нору. Еще дед Хоу вырыл его и стены выложил камнем. В темной прохладе хранилось вино. С годами камни покрылись плесенью, а отверстие заткала липкая бледнорыжая паутина. Не думал Хоу, что заброшенное подземелье станет убежищем для его старшего сына.

Обычно каждый вечер с наступлением темноты Тянь-бао появлялся в дверях неслышно, как кошка. Минуту стоял, оглядывался. Потом молча проходил мимо отца, точно не видя его, и скрывался во тьме. А старик до зари сгибался возле сарайчика, поджидая возвращения сына. Когда же начинали гаснуть звезды и чуть-чуть белел восток, мимо старого Хоу, сутулясь и пряча в плечи голову, так же молча проходил Тянь-бао. Куда он уходил и где пропадал ночь, никто не знал. Младший сын злился, а отец боялся заговорить об этом с Тянь-бао. Сегодня же он решил это сделать. Как только Тянь-бао выглянет из убежища, старый Хоу тут же и скажет ему, что так жить нельзя и что грешно прятаться от людей... Но Тянь-бао не выходил. Зажав в кулаке холодную трубку, Хоу еще ниже склонил голову и терпеливо ждал.

И дождался. Тянь-бао неслышно встал в дверях и шепотом сказал:

— Сидишь, отец? Все караулишь? А я не убегу, не тревожься. Сигарет принес?

— Что сигареты? Они есть в доме, можно взять. Пойдем в дом, Тянь-бао.

— Что мне в нем делать? Я не привык жить в доме.

В это время к сарайчику незаметно подошел Сян-ян. Не выходя из-за угла, он видел широкую спину брата, слышал его тихий, срывающийся на шепот голос.

— В доме брат,— тоже тихо говорил Хоу.— Обдумаем, обсудим по-семейному... Поговорим, посоветуемся.

— О чем же? — Тянь-бао насильно усмехнулся.— Может, проведем семейную беседу о том, как мой отец, помещик и уважаемый в Сяома человек, терпит издевательства, насмешки?.. И от кого? От своего работника Хуан Кэ... Или всей семьей порадуемся тому, что коммунисты забрали нашу землю, разорили нас, сделали нищими, а тебя и младшего сына заставили гнуть спину в кооперативе вместе с твоими батраками? Или будете рассказывать

мне сказки о том, как такие оборванцы, как Хуан Кэ, решили перевоспитать кулаков и помещиков? Нечего сказать, веселая у нас будет беседа!.. Нет, эти сказки не для меня. Мне и смешно и горько смотреть на вас... И тут, отец, нам нужна не мирная семейная беседа, а твердая рука, спайка...

Сян-ян не мог стоять за стеной. Тупая спазма хватала горло, сами сжимались кулаки. Глотая воздух, он подступил к брату и прошептал:

— Что ж это получается, старший мой брат? И сам не живешь и нам жить не даешь?

— А, брат! — приветливо ответил Тянь-бао.— Вот и хорошо, что ты пришел. Отец хочет, чтобы мы поговорили, побеседовали по-семейному... Ты как думаешь, Сян-ян? Побеседовать нам? А?

— Беседа у нас будет короткая,— Сян-ян подступил к брату.— Ты скажи, откройся мне и отцу, кто ты теперь, откуда пришел и как думаешь жить?

Наступило молчание. Старый Хоу сосал трубку. Сян-ян отошел и привалился плечом к сарайчику. Тянь-бао подсел к отцу, и только теперь старик заметил на груди у сына поросенка, укрытого полами ватника. Крохотный, как котенок, он высунул остроносую мордочку и не двигался.

— Посмотри, отец, какой славный кабанчик,— заговорил Тянь-бао.— Слабенький еще. Старшие братья и сестры обижают малыша, не подпускают к матери. Ему, бедняжке, и холодно и голодно. Так я согреваю его и помогаю отвоевать местечко у матери на животе... Мы с ним друзья. Спит со мной. Прижмется, согреется и так спокойно дышит... Вырастет, будет большой кабан... Мы его тогда...

— Не морочь голову,— охрипшим голосом перебил Сян-ян.— Поросенок пусть растет, пусть. Не о нем речь. Мы спрашиваем тебя, кто ты теперь? Кто?

— Разве забыли? — лаская поросенка, ответил Тянь-бао.— Китайский офицер и старший сын помещика Хоу.

— Не то, сын, не то,— заговорил Хоу.— Ты скажи нам, не таись, чего прячешься? От кого? И где ты бываешь по ночам?.. Знаю, ты виноват перед людьми и как офицер и как мой сын... Воевал против своих же китайцев... потом уплыл на остров. Но ты теперь дома. Пойди к людям, откройся... Сам пойди и расскажи, покайся... Правительство издало такой закон... Слышишь, Тянь-бао, такой закон, что тех, кто добровольно вернется с острова и во всем раскается, простят...

— И вы этому поверили? — Тянь-бао усмехнулся.— Вот так и ищут дураков...

— А ты умный? — Сян-ян подступил к брату.— Умный? Мы хотим работать и жить, как все люди...

— Как все? — Тянь-бао говорил совсем тихо, по-воровски оглядываясь и наклоняясь к отцу.— Молод ты, Сян-ян, и наивен.— Нет, отец, как все,— мы так жить не будем. И я пришел сюда не каяться и не просить прощения... Скоро с острова придут все наши, а нас много... Америка придет...

— Америка? — переспросил Сян-ян.— Америка? Так, значит, ты не китаец и сюда не сам пришел, а тебя прислала Америка? Отвечай... Молчишь? Так слушай, что я тебе скажу. Или ты завтра утром сам пойдешь в волостное правительство, или я тебя свяжу и отведу как пойманного зверя...

— Руки коротки,— прошептал Тянь-бао, вынув из-за пазухи наган и сжимая в кулаке шершавую рукоятку.— Видал эту игрушку? Она усмиряет пыл...

И тут вдруг случилось то, чего никак не ожидал старый Хоу. Не отвечая и задыхаясь, Сян-ян наотмашь кулаком ударил брата по руке. Наган отлетел в сторону. Тянь-бао вскочил, потянулся, хотел поднять оружие — поросенок вывалился у него из-за ватника и побежал в закут. И в ту же секунду братья точно слиплись, затопали ногами, закружились, потом покачнулись так, что чуть не свалили стенку сарайчика. Вокруг них бегал перепуганный Хоу. И когда братья, тяжело дыша, со стоном повалились на землю и Сян-ян оказался под горячим, тяжелым телом Тянь-бао, отец с трудом разогнул, отвел в сторону руку младшего сына, навалился на нее и так пролежал на ней, пока старший сын нашел наган и, не оглядываясь, торопливо ушел со двора.

— Ой, сыны, сыны, какие ж вы оба дураки,— сказал отец, вставая.— Чего ж вы бросаетесь один на другого? Разве можно так?.. Ведь вы же родные братья!..

— Были родные,— ответил Сян-ян, продолжая лежать на земле.— Да, были... Ну, ничего, так просто он от меня не уйдет.

III

Дни шли за днями. Наступила весна, ранняя, холодная, с восточными ветрами и с тучами гуляющего над степью серого песка. Вторую весну пахали сообща. Ходил за плугом и Сян-ян, мрачный, нелюдимый. Ни днем, ни ночью из его головы не выходил Тянь-бао. С того вечера, когда они сцепились в драке, братья не встречались, но непрестанно думали друг о друге. И хотя они оба не знали, как и когда встретятся снова, но ни тот, ни другой не сомневался, что такая встреча неизбежна.

Тянь-бао попрежнему дневал в подземелье. Ночами же где-то бродил и возвращался лишь на рассвете. Укрывшись в темноте, Сян-ян караулил его приход. Ночь ли коротая вблизи сарайчика, по сырой ли борозде идя за плугом, он только и думал о том, как схватить Тянь-бао. И то ему казалось, что сделать это можно легко и просто. Необходимо было лишь спрятаться в закуте и в тот момент, когда Тянь-бао подойдет к дверям, выйти и крикнуть: «Стой! Руки вверх!» Затем связать ему руки за спиной и отвести в волостное правительство... То ему виделся Тянь-бао, разъяренный, страшный, как зверь. «Нет, голыми руками его не возьмешь»,— думал Сян-ян. И он решил взять хитростью: забраться на крышу сарайчика и заарканить брата петлей.

Так и сделал. В магазине выбрал тонкую, упругую веревку, дома сделал петлю, навощил ее. Готовился долго. Пробовал, бросал аркан на спинку стула. Взметнувшись, петля летела со свистом и хватала цепко, как руками. Сян-ян улыбался. Но в ту ночь, когда надо было бросить веревку не на стул, а на плечи брату, Сян-ян не сомкнул глаз. Ворочался, вздыхал. На вопросы жены, что с ним и почему он не спит, отвечал, что простудился на поле, что ему нездоровится. Так и пролежал, пока время не ушло за полночь. Отец и жена давно спали. Сян-ян вынул из-под тюфяка аккуратно сложенную веревку, нащупал скользкую петлю, тихонько надел башмаки, брезентовую куртку и вышел.

Ночь стояла темная, мокрая. Тучи укрыли дома, улицы. Сеялся, как сквозь сито, дождь. Сян-ян лежал на крыше, слышал, как монотонно стучат о куртку частые капли — дождь припустил сильнее. С трудом начинало светать. Тучи не расходились и из черных постепенно делались серыми, косматыми. И вот послышались за воротами осторожные шаги. Кто-то остановился. До настороженного уха Сян-яна долетели бубнящие мужские голоса. Кто-то тяжело затопал по мокрой улице, а во дворе мимо забора промелькнула тень. Это был Тянь-бао. Он подошел к дверям, на минуту остановился, точно хотел заглянуть на крышу.

Затаив дыхание и чувствуя горячий стук в висках, Сян-ян взметнул веревку над головой брата. Петля со свистом захлестнула шею. В ту же минуту тишину разорвал животный стон. Тянь-бао рванулся, потянул веревку с такой силой, что Сян-ян слетел с крыши. С хрипом, скрежеща зубами, братья обнялись и повалились на землю. Но схватка продолжалась недолго. Два раза что-то глухо треснуло, точно в чьих-то сильных руках разорвался ременный пояс, и сразу все стихло... Белел восток, и все так же мирно шумел дождь.

IV

Совсем рассвело, когда Хоу проснулся, взял купленные вчера вечером сигареты и вышел навестить старшего сына. Возле сарайчика старик вдруг остановился и остолбенел. Перед ним в луже крови растянулся Сян-ян. Он раскинул руки, точно обнимал землю, и в правом кулаке его была зажата веревка. Он был убит наповал. Одна пуля пробила спину, обожгла порохом рубашку, другая просверлила затылок.

Старый Хоу понял все. Он не мог сойти с места. Тело его точно окоченело. Не зная, что ему делать, старик спустился в подземелье, надеясь там увидеть Тянь-бао. Держа в вытянутой руке пачку сигарет, он торопливо спускался по ступенькам, ноги его дрожали, подкашивались...

В погребке было пусто. На каменном выступе догорал огарок свечи, густые тени от нее ползли по стенкам. А на земле, на тех лохмотьях, на которых обычно отлеживался Тянь-бао, спокойно спал подросший кабанчик.

Вещая птица МУЗЫКИ

К 100-летию со дня смерти Роберта ШУМАНА

«Вещая птица» — называется одна из пьес гениального немецкого композитора Роберта Шумана в фортепианном цикле «Лесные сцены»... Он сам, Роберт Шуман, был вещей птицей, возвестившей миру столь многое, что, кажется, чуть ли не все новое, еще неизвестное в музыкальном искусстве, уже звучало в его сердце. Стасов недаром говорил о Шумане: «Это был дух великий, могучий и широкий. Он был один из гениальнейших наследников Бетховена, Вебера и Франца Шуберта. Фантазия его была необыкновенно богата, разнообразна и сильна».

Впрочем, все без исключения выдающиеся русские художники, независимо от школы и направления, чрезвычайно высоко ценили Шумана и неизменно видели в нем одного из немногочисленных по праву наследников бессмертного Бетховена. П. И. Чайковский утверждал: «Музыка второй половины текущего XIX столетия составит в будущей истории искусства период, который грядущие поколения назовут шумановским». Нас не должно удивлять и то, что один из самых последовательных реалистов в мировой музыкальной культуре, А. Бородин, назвал музыку Шумана «сильной, трезвой и глубокой по содержанию». А между тем Роберт Шуман является признанным герольдом музыкального романтизма, главой романтической школы в музыке, и эпитет «трезвой» на первый взгляд плохо вяжется с обычными представлениями о романтизме с его туманными «воспарениями духа» и бегством от действительности. И все же Бородин был совершенно прав.

Шуман, великий романтик, воспринял и переработал в своем творчестве бунтарский дух молодого романтизма. Одна из самых поэтических натур в мировой истории музыки, Шуман чутким слухом гения улавливал «музыку жизни» во всех ее проявлениях и умел воплощать ее в дивно прекрасных образах. Сам мир во всем бесконечном многообразии, в неисчислимом богатстве форм, звуков и красок открывается Шуману в человеке, в мыслях и чувствах человека. В цикле фантастических характерных пьес для фортепиано «Давидсбюндлеры», в «Новелеттах» и «Крейслериане», в гениальных «Симфонических этюдах», в огнях и блеске «Карнавала» — везде и всюду мы находим искрящиеся живые образы поэзии действительной жизни. Великий поэт музыки, Роберт Шуман ни на мгновение не покидал живой действительности. Самый романтизм Шумана был не чем иным, как страстной, неистовой, безмерной любовью к жизни со всем ее шумом, волнениями, борьбой, непрестанным стремительным полетом вдаль. «Меня волнует, — писал Шуман еще в годы своей юности, — все, что происходит на белом свете, — политика, литература, люди: обо всем этом я размышляю на свой лад, и затем все это просится наружу, ищет выражения в музыке». И действительно, едва ли не в каждом произведении Шумана мы обнаруживаем отзвуки его современности, находим обилие впечатлений, чувств, мыслей, — словом, всего того, что составляет содержание и смысл жизнедеятельности всякого настоящего человека.

Такой художник, каким был Шуман, не может не быть новатором. Дух гордой независимости не позволил ему, подчиняясь авторитетам, раболепно следовать классическим образцам, хотя Шуман лучше и полнее, чем кто-либо из его современников, понимал величие Баха и Бетховена. Еще юношей он восстал против музыкальной обывательщины, мещанского филистерства, которого особенно много было в тогдашней Германии, разорванной на множество мелких государств — микроскопических княжеств и герцогств, с обезьяньей дотошностью копирующих нравы и образ жизни «настоящих монархов». Двадцати четырех лет от роду, в 1834 году, Шуман во главе маленького кружка друзей начинает издавать «Новую музыкальную газету» и задачей ее ставит «напомнить забытых великих музыкантов прежнего времени, вести войну с недостойным направлением музыки новейшего времени и ускорить появление нового поэтического времени». Говоря словами Стасова, «это была программа и всей творческой деятельности Шумана». Он образовал вокруг себя общество (союз) молодых талантливых людей, которое назвал «Товариществом во имя царя Давида». Библейский образ юного Давида, пастуха и арфиста, героя древней еврейской легенды, побеждающего в единоборстве великана Голиафа, воспламенил пылкое воображение молодого Шумана. Движение «Давидсбюндлеров» ставило новые цели перед музыкальным искусством не одной только Германии. Поэтому нельзя считать плодом романтической увлеченности слова Шумана: «Моцарт был таким же великим членом Союза, как теперь Берлиоз». Берлиоз, правда, и не подозревал своего участия в этом движении, но Шумана это не смущало. Не случайно устами одного из своих поэтических воплощений, Флорестана, Шуман восклицает: «Я не терплю людей, жизнь которых не согласуется с их творениями!» Еще и теперь, спустя более ста лет, мы с живейшим интересом читаем короткие сентенции «Из записной книжки маэстро Раро, Флорестана и Эвзебия», странной, но бесконечно привлекательной троицы, созданной фантазией Шумана. Удивительные вещи подчас говорит их устами Шуман: «Художник должен быть в равновесии с жизнью; не то ему трудно устоять». Или великолепное: «Прощайте юности ее заблуждения. Есть блуждающие огни, которые показывают путнику настоящую дорогу, ту именно, на которой нет блуждающих огней».

Надо сказать, что эта афористическая манера речи присуща Шуману и во многих его музыкальных произведениях. Двадцать пьес «Карнавала», написанного в 1834 году, представляют собой настоящую галерею музыкальных картин и образов, причем речь их поражает отточенно-лаконической афористичностью. Фантастическое смешивается здесь с реальным. Слушая «Карнавал», веришь в реальность и фантастического — так неодолимо могущественно искусство Шумана. Здесь проходят перед нами и буйные «Давидсбюндлеры», и веселый насмешник Арлекин, и нежная Кьярина (карнавальное имя невесты Шумана, будущей знаменитой пианистки Клары Вик)... Среди карнавальных масок появляется король скрипачей Паганини, и мы слышим, положительно слышим молниеносные взлеты его смычка, видим движение его рук: все это заложено в одной короткой фортепианной пьесе Шумана. Сходит с «карнавальной сцены» Паганини, и появляется Шопен, о котором, прослушав одно из самых ранних его произведений, Шуман в 1831 году писал: «Шапки долой, друзья, перед вами гений!» И сверкающий тысячами праздничных огней «Карнавал» Шумана оканчивается торжественным, полным победного ликования маршем — шествием «Давидсбюндлеров».

Считается, и не без основания, что в центре творческого наследия Шумана должны находиться его сочинения для фортепиано. Действительно, значение их колоссально: Шуман в громадной степени расширил возможности фортепианного творчества, окончательно закрепив роль фортепиано в качестве универсального инструмента музыкальной культуры современности.

Стало общим местом указание на то, что Шуман плохо владел оркестром, не умел пользоваться его колористическими богатствами. Однако гениальный симфонист Чайковский назвал Шумана замечательнейшим после Бетховена симфонистом германской школы. Такие симфонические произведения Шумана, как его Третья симфония и увертюра к «Манфреду», Чайковский причислял «к величайшим музыкальным созданиям послебетховенского времени». Чайковский недаром хотел переинструментовать все четыре симфонии Шумана, и нельзя не пожалеть о том, что ему не удалось осуществить эту мечту. Можно представить себе, каким чудом искусства явились бы симфонии Шумана в новом оркестровом наря-

де, созданном рукой такого бесподобного колориста, каким был Чайковский!

Разумеется, невозможно в одной статье исчерпать громадную тему творчества Шумана — о нем пишут уже целое столетие, и, вероятно, пройдет еще, по крайней мере, столько же времени, прежде чем наши потомки смогут сказать: великая книга о великом художнике окончена. Ведь есть еще одна область музыкального творчества, в которой значение Шумана не уступает его значению для развития фортепианной музыки. Это область вокальной лирики. Здесь, в песенно-романсовом творчестве, Шуман поднимается до высоты поистине недосягаемой. И именно в песенной лирике больше и ярче всего проявляются черты Шумана как великого немецкого национального поэта. Песенные циклы и песни на слова Гете, Гейне, Шиллера и других имеют, в сущности, такое же значение в немецкой поэзии, как и стихи самих поэтов, в отдельных случаях решительно возвышаясь над своими стихотворно-поэтическими прообразами. Это, во всяком случае, верно, например, по отношению к циклу песен на слова Адальберта Шамиссо «Любовь и жизнь женщины» — единственной в своем роде поэмы в честь женщины, ее жизни, любви и страданий. Другим гениальным циклом песен Шумана является «Любовь поэта» на стихи Гейне. Особенно знаменит романс из этого цикла «Я не сержусь», давно уже вошедший в репертуар решительно всех певцов мира.

Тематический охват песенной поэзии Шумана поразительно широк. Здесь и чисто народные тексты Бернса, и глубокомысленные создания Гете, и прелестнейшие детские песенки. Число песен, созданных Шуманом, очень велико. Только в 1840 году он написал их 138. Это был год женитьбы Шумана.

Мы упоминали уже о словах Шумана: «Я не терплю людей, жизнь которых не согласуется с их творениями». Жизнь Шумана вполне гармонирует с его творениями — такая же ясная, чистая, поэтическая. Шуман родился в 1810 году в саксонском городке Цвиккау в семье книготорговца. Детство будущего композитора протекало в мещанской обстановке маленького немецкого городка, но в культурной семье с довольно широкими духовными интересами. Музыкальные вкусы и интересы Шумана развиваются уже в годы отрочества.

Подобно своему гениальному современнику Генриху Гейне, Шуман по окончании гимназии принужден был готовиться к юридической карьере и восемнадцати лет поступил на юридический факультет Лейпцигского университета. Судя по всему, толку от шумановских занятий юриспруденцией было немного: юный студент был, по его собственным словам, слишком «переполнен музыкой», и для университетской науки места явно не хватало. Впрочем, сам Шуман первоначально мечтал главным образом о карьере пианиста-виртуоза. Но, поздно начав заниматься игрой на фортепиано и прибегнув к модным в то время механическим приспособлениям для развития техники, Шуман повредил себе руку настолько, что мысль о карьере пианиста пришлось оставить навсегда. Теперь Шуман должен был целиком обратиться к деятельности композитора.

В 1830 году, проживая на квартире у своего учителя Фридриха Вика, он начинает заниматься с его одиннадцатилетней дочкой Кларой. Привязанность к маленькой музыкантше по мере того, как она превращается в молодую девушку, постепенно переходит в настоящее сильное чувство. В 1837 году Шуман просит у «старого Вика» руки его юной дочери и получает категорический отказ. Молодые люди вели упорную борьбу за свое счастье. «Старый Вик» (даром, что находился в числе «Давидсбюндлеров») оказался свирепым деспотом и жестоко преследовал влюбленных, не останавливаясь перед самой гнусной клеветой на Шумана. Только в 1840 году, после достижения Кларой совершеннолетия и добившись судебного решения, позволяющего молодым людям вступить в брак без согласия отца, Роберт Шуман и Клара Вик стали мужем и женой. Это был союз счастливый и прекрасный во всех отношениях. Обнажая голову перед памятью великого художника, мы не забудем помянуть добрым и благодарным словом его верную подругу, мать его детей, которую такой великой любовью любил Шуман.

В 1844 году Шуман вместе со своей женой приехал в Россию. Супруги пробыли у нас два месяца, но, по выражению Стасова, Шуман приехал в Петербург «вовсе не ради самого себя, а только ради своей жены, знаменитой пианистки Клары Шуман...» И в самом деле, Клара концертировала с триумфальным успехом в России, а Роберт Шуман лишь сопровождал ее. Это вовсе не значит, что он сам был тогда неизвестен в кругах русских знатоков музыки. Шуман приехал в Россию уже автором многих выдающихся произведений, в том числе «Карнавала», «Крейслерианы», «Симфонических этюдов» и т. д. Русские музыканты раньше и полнее других оценили действительное значение творчества Шумана. Обширная русская «шуманиана» восходит именно к 40-м годам, и никак не следует забывать, что она блистает такими именами исполнителей, как несравненный Антон Рубинштейн или знаменитая русская пианистка Анна Есипова, именами таких критиков, как Чайковский, Стасов и Цезарь Кюи, заслуги которых в объективно-критической оценке творчества Шумана поистине огромны...

По возвращении из России Шуман продолжает усиленную творческую деятельность. Однако многие годы нечеловеческого умственного и нервного перенапряжения скоро дали себя знать. Здоровье Шумана подтачивал страшный недуг. Уже в 1850 году появились первые грозные признаки душевного расстройства, постепенно перерастающего в тяжелое психическое заболевание. Могучий разум Шумана помрачился, он впадал в опасную меланхолию, и 29 июля 1856 года великого художника не стало.

Музыка осиротела со смертью Шумана. Еще и теперь, сто лет спустя после того, как смолкла навеки «вещая птица» музыки, мы с горечью думаем о том, что Шуман погиб рано, что еще многие бесценные сокровища искусства подарил бы он человечеству, если бы жил дольше.

В. ГОРОДИНСКИЙ

Первый спортивный...

Во всех уголках нашей страны заканчивается подготовка к крупнейшим в истории советского спорта соревнованиям — Спартакиаде народов СССР. Проходят последние тренировки, последние состязания. На спартакиадах союзных республик окончательно определились составы сборных команд. Какой спортсмен не мечтал о том, чтобы выйти на поле Центрального стадиона в Лужниках! Но осуществить свое желание смогли далеко не все. Участником Спартакиады будет тот, кто показал высокие результаты. Немало надо было потратить усилий, чтобы добиться этого. Мы рассказываем о тех, кто заслужил почетное право стать в строй лучших спортсменов страны.

На скифе

В январский день 1953 года в гребном бассейне водной станции ВЦСПС появилось несколько школьников. Здесь было тепло, шумно и по-своему уютно. За стенами стыла подо льдом Москва-река, а тут весла поднимали бурунчики пены, и гребцы сгибались и разгибались на своих подвижных банках. Ребята пришли записываться в детскую спортивную школу, и одного из них, не по летам рослого и сильного, приняли особенно охотно.

Вячеслав Иванов старательно учился грести всю зиму. Но как только наступила весна, он исчез и появился лишь следующей зимой. Иванов смущенно объяснил тренеру, неоднократному чемпиону СССР Игорю Демьянову, что лето провел в деревне. Следующей весной история повторилась, и Демьянов уже собирался отказаться от занятий с молодым «сезонником», но тот заверил тренера, что в деревню больше не поедет: он поступает на завод и все лето проведет в Москве...

Вячеслав Иванов.

Ранней весной 1955 года, едва Москва-река очистилась от льда, юные гребцы вышли на открытую воду, и токарь Вячеслав Иванов занял место в учебной восьмерке. Однако здесь он задержался недолго: тренер вскоре пересадил его на четверку. Потом юноша греб вместе с Демьяновым на двойке и наконец пересел на одиночку-скиф, самую быструю, самую легкую и самую капризную лодку.

На всесоюзных юношеских соревнованиях Вячеслав Иванов занял первое место, а осенью 16-летнего гребца допустили к участию во всесоюзном чемпионате вместе со взрослыми. Так впервые встретился Иванов, как равный с равными, с сильнейшими гребцами страны. И каково было удивление всех, когда новичок занял третье призовое место вслед за олимпийским чемпионом Юрием Тюкаловым и прошлогодним чемпионом СССР Александром Беркутовым!

Так молодой гребец стал спортсменом первого разряда. Природа наделила Вячеслава Иванова отличными данными. В семнадцать лет он весит 82 килограмма, его рост — 188 сантиметров. Но, разумеется, одной физической силы было бы недостаточно, чтобы стать первоклассным спортсменом. Иванов любит борьбу, единоборство. Даже тренировку он стремится превратить в гонку. Иванов состязается с кем угодно: с одиночкой, двойкой, четверкой, и Игорю Демьянову приходится часто сдерживать азарт своего ученика. Тренируется Иванов пять раз в неделю и проходит в каждую тренировку от 15 до 30 километров.

После первых удачных стартов нынешнего года семнадцатилетнего токаря, учащегося школы рабочей молодежи Вячеслава Иванова, включили в сборную команду Москвы. На Спартакиаде народов СССР он будет защищать честь столицы.

Борис Орлов выполняет «крест» на кольцах.

Заветная цель

Недавно в Московском авиационном институте состоялись гимнастические соревнования. Первенство оспаривало более двухсот человек. Победу одержал 19-летний студент Борис Орлов, набрав 102,05 балла. Четыре года упорных занятий потребовалось ему, чтобы добиться заветной цели — получить первый спортивный разряд. Гимнастика — «трудоемкий» вид спорта. Надо в совершенстве выполнять сложные комбинации на различных снарядах, и каждая допущенная ошибка снижает оценку. Упорный, самоотверженный труд требуется для того, чтобы перевалить за сто баллов. Недаром ладони гимнастов покрыты мозолями. Но Борис Орлов находит время на все — и учиться и заниматься гимнастикой. Девять часов в неделю проводит он на снарядах, кропотливо шлифуя каждый элемент трудной гимнастической комбинации. И вот долгожданная цель достигнута: Борис Орлов — гимнаст первого разряда.

Три победы Нины Соловьевой

Будничный день на московском стадионе «Динамо». Кругом ни души, только небольшая группа легкоатлетов неутомимо продолжает тренировки. На финише с секундомером в руке стоит Евгения Ивановна Сеченова — чемпионка Европы 1946 года и десятикратная чемпионка СССР. Сеченова дает сигнал,— и девушка срывается со старта. До чего напоминает она манерой своего бега Евгению Сеченову! Та же стремительность, та же мощь движения, сочетающаяся с легкостью бега. Глядя на Нину Соловьеву, можно безошибочно угадать ее тренера.

...Сеченова познакомилась с Ниной в марте 1954 года. Девочка появилась в закрытом зале стадиона «Динамо» и ушла, ничего не сказав, с тем, чтобы снова придти на следующую тренировку. Так повторялось несколько раз. В конце концов Евгения Ивановна обратила на нее внимание, побеседовала с ней и выяснила, что Нина мечтает стать бегуньей. Соловьеву приняли в «Юный динамовец», и вот в прошлом году преодолела она 80 метров с барьерами за 11,7 секунды. В нынешнем году Соловьева пробежала 100 метров за 12,2 секунды и 200 метров за 25,3 секунды. Все это показатели первого разряда.

Е. РУБИН

Е. И. Сеченова и Нина Соловьева на тренировке.
Фото Н. Волкова.

Рекордная высота взята.

ЕЩЕ ОДИН САНТИМЕТР

Фото Н. Волкова и Б. Светланова.

Чего стоит одна десятая секунды в обыденной жизни? Что можно сделать в такой крошечный отрезок времени? А вот в спорте, в беге на 100 метров, например, каждая завоеванная десятая секунды — большое событие. Такова же цена одной сотой метра в прыжках в высоту. Один сантиметр! Прикиньте на глаз этот микроскопический кусочек пространства: как он мал! Но вот итог семилетнего штурма высоты, который ведут наши лучшие спортсмены: 9 сантиметров — немного меньше одной десятой метра, но она выдвинула наших прыгунов в число сильнейших в мире.

До июня прошлого года ни одному советскому спортсмену никак не удавалось перейти планку на высоте 2 метра. Тут сказывались и недостатки тренировки, и несовершенство стиля, и психологическая боязнь высоты. Долго и упорно занимались прыгуны, кропотливо, по отдельным элементам шлифуя каждую деталь движения: толчок, взлет, переход через планку, приземление. Спортсмены развивали «прыжковую энергию», укрепляли силу ног и корпуса, изучали наиболее совершенные стили прыжков. И вот в прошлом году 23 спортсмена преодолели планку на высоте 1 метр 90 сантиметров. Из этой-то массы и выдвинулись три лидера — Владимир Ситкин, Юрий Степанов и Игорь Кашкаров. Между ними развернулась та борьба, которая всегда является предвестницей рекордных результатов. К осени 1955 года рекорд СССР, установленный Ситкиным, равнялся уже 2 метрам 5 сантиметрам, весной студент Энергетического института Игорь Кашкаров завоевал еще один сантиметр, в июне, выступая в Норвегии, он перешел планку на высоте 2 метра 7 сантиметров и, наконец, в Москве установил новый рекорд — 2 метра 8 сантиметров.

Казалось бы, вот она — победа! Но прыжки относятся к тем видам спорта, где человеку никогда не удается испытать полное торжество. Бегун, финишировав первым, на этом заканчивает соревнование; прыгун, победив всех своих соперников, приняв поздравления, просит поднять планку еще выше,— по условиям состязания у него после каждой взятой высоты имеется три новых попытки...

И вот Игорь Кашкаров, преодолев высоту в 2 метра 8 сантиметров, тут же попросил поднять планку еще на 2 сантиметра выше. Снова и снова устремлялся он вперед, взлетал в воздух, но планка вместе с ним летела на землю.

На сей раз Кашкарову не удалось преодолеть новый рубеж. Штурм рекордной высоты продолжается.

Я. КОНСТАНТИНОВ

Игорь Кашкаров пытается взять высоту 2 метра 10 сантиметров.

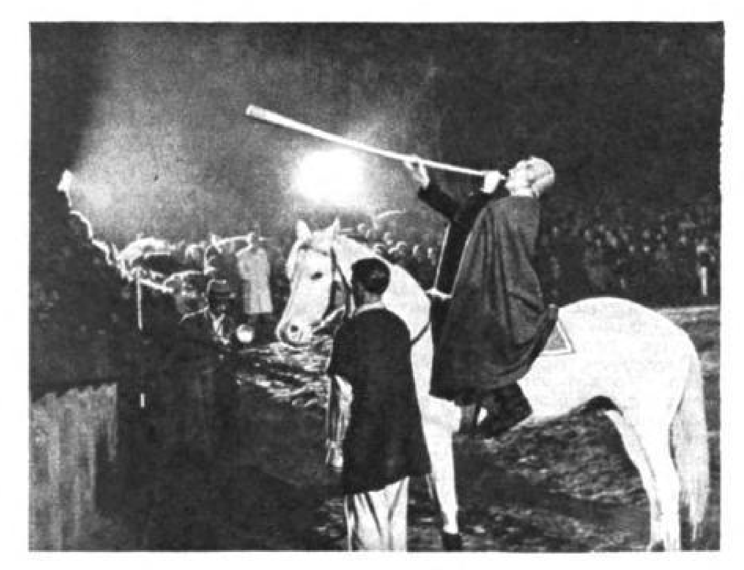
Праздник студенческой дружбы

Улицы Тарту, эстонского студенческого городка, цвели нарядами, на них звучала многоязыкая речь. Сюда приходили поезда, автобусы, машины: по приглашению хозяев — тартуских студентов — приехали гости из Латвии, Литвы, РСФСР, Украины, Белоруссии.

Вечером в Тоомеорге — долине между высокими зелеными холмами — затрубили в рога всадники, скликая гостей на праздник. Сказительница-леэлотая Ыйлме Васари по старинному обычаю призывным «леэло» приветствовала их. Исполнялись эстонские, русские, белорусские и латвийские танцы, а шуточные пляски танцевальной группы Каунасского политехнического института по настоянию зрителей пришлось повторить.

Трудно сказать, кто имел больший успех — смешанный хор Ленинградского университета или мужской хор студентов Таллина и Тарту, хоровая капелла Киевского политехнического института или студенты Минска, Вильнюса, Риги. А когда в заключение более двух тысяч студентов спели «Марш советской молодежи» и старый студенческий гимн «Гаудеамус», зрители невольно встали: такие это были волнующие минуты!

Н. ХРАБРОВА

Трубят в рога, скликая гостей на праздник.
Фото С. Розенфельда.

Актогай—Ланьчжоу

Актогай — небольшая станция на Туркестано-Сибирской магистрали, в 308 километрах от государственной границы. Ланьчжоу — крупная железнодорожная станция в Северо-Западном Китае. К концу текущей пятилетки между этими станциями проляжет стальной путь протяжением в три тысячи километров.

Главный инженер проекта дороги в пределах СССР И. М. Шамрай рассказал корреспонденту «Огонька»:

— До недавнего времени СССР и Китай связывала одна-единственная дорога, проходившая через пограничную станцию Отпор. В канун нынешнего года было открыто прямое железнодорожное сообщение между Москвой и Пекином по новой магистрали через Улан-Батор (Монгольская Народная Республика). Рельсовый путь между столицами двух великих держав сократился почти на тысячу сто пятьдесят километров. Линия строилась общими усилиями трех братских стран, и она по справедливости названа дорогой дружбы. Такой же дорогой дружбы будет и магистраль Актогай—Ланьчжоу. Проектируемой пограничной станции предполагается присвоить название Дружба.

Дорога будет иметь весьма важное значение для развития экономики быстро индустриализирующегося Китая. Она пройдет по одной из самых больших провинций КНР — Синьцзян, в недрах которой таятся богатые залежи различных полезных ископаемых.

Строительство советского участка начнется в текущем году, а движение на нем намечается открыть в 1958 году.

Огромный объем работ предстоит выполнить на китайской территории, где должно быть уложено 2 700 километров рельсовых путей. Со стороны Ланьчжоу строительные работы на трассе уже ведутся.

Дорога пройдет через известные Джунгарские ворота, представляющие естественный проход между горными хребтами. Зимою здесь дуют холодные ветры, подчас штормовой силы. От проектировщиков и строителей потребуется большое инженерное искусство и мастерство, чтобы обеспечить на этом участке, длиной примерно в сто километров, нормальную работу железной дороги.

ЛЕТОМ НА ПРАКТИКЕ

Солнце взошло, но туман еще окутывал крыши домов. Все было мокро от росы. По тропинке, проложенной среди зарослей кустарника, бегут ребята к пруду умываться.

Вскоре раздается голос дежурного:

— На зарядку становись!

Здесь, в Ленинском районе, Московской области, в деревне Ясенево, находятся на сельскохозяйственной практике ученики 8-х и 9-х классов 729-й школы Москворецкого района столицы.

Колхоз «Большевик» выделил им помещение, выдает в счет трудодней продукты, а готовят ребята сами.

...Стрелки часов подвигаются к семи. Завтрак кончен. Разобрав груду сложенных с вечера тяпок, лопат и мотыг, старшеклассники уходят в поле. Дома остаются только дежурные. Их обязанность — сварить вкусный, сытный обед и ужин.

Школьники окучивают помидоры, работают на прополке моркови, свеклы, кукурузы. Поначалу, конечно, побаливали спины, ломило ноги и руки. Иной раз случались и казусы: мальчики спутали поросль ромашки с морковной ботвой, но тут на помощь пришли овощевод Мария Николаевна Губанова и агроном Мария Глазова. С теми, кто в школе был внимательней и хорошо усвоил уроки ботаники, такого не случалось.

Три часа утреннего труда проходят незаметно. С песней возвращаются ребята в беленький домик колхозных яслей.

После обеда и отдыха еще три часа работы в поле. А затем игры, танцы...

В этом небольшом коллективе, названном самими ребятами «Колхоз «Комсомолец», у каждого есть свои обязанности и даже временная должность. Володя Середенко единогласно избран «председателем». В правление «колхоза» вошли редактор стенной газеты Володя Силантьев, культорг Рая Воробьева, «специальный фотокорреспондент» Валерий Котов, «хозяйственник» Борис Морозов, руками которого сделаны стол и скамейки, а также «колхозницы»: Нина Прохорова, Гетта Олешина и Людмила Куракина.

Школьники, освоившись на новом месте, часто выступали перед деревенской молодежью, принимали участие в концерте колхозной самодеятельности. Между школьниками города и деревни завязалась крепкая дружба. Да и взрослые колхозники с большой теплотой относятся к своим способным и старательным помощникам. Они с удовольствием показывают ребятам свое хозяйство. Председатель колхоза Алексей Григорьевич Муромский ознакомил школьников с питомником чернобурых лис, молочной и птицеводческой фермами, рассказал о методах разведения в водоемах зеркального карпа.

Руководительницы практики учительницы М. Д. Миринская и Н. В. Цыганова проводят тематические экскурсии, помогают собирать для школьных коллекций образцы пород и растений.

За три недели производственной практики на колхозных полях учащиеся окрепли, загорели и приобрели много полезных навыков.

Г. КМИТ

Колхозный тракторист Петр Суханов учит Володю Середенко управлять трактором.

АНАТОЛИЙ ПУЗЫЧ И ЕГО СЕМЬЯ

Анатолий Александрович Пузыч и его жена Анна — уважаемые люди в селе Темта. О них может рассказать любой колхозник. Чем же они заслужили такое расположение?

По инициативе Анатолия Александровича в артели имени Суворова были построены библиотека, стадион, радиофицированы все дома колхозников, а сейчас возводится Дом культуры на 300 мест.

Пузыч — неутомимый, общительный человек. Многие удивляются его энергии. Он и горячий пропагандист книги, и режиссер художественной самодеятельности, и художник, и бутафор; а на стадионе — тренер и самый суровый, но справедливый судья.

Анатолий Александрович, защищая Родину на фронтах Отечественной войны, получил тяжелое ранение в ноги. Умелые руки советских врачей, чуткость и внимание товарищей помогли ему выжить. В госпитале Пузыч познакомился с Аней Несговоровой, которая в боях за освобождение Венгрии также была тяжело ранена. Анатолий и Аня подружились и решили никогда не покидать друг друга.

В настоящее время Пузыч работает заведующим темтовской сельской библиотекой и, как уже сказано, активно участвует в общественной жизни артели имени Суворова, Уренского района, Горьковской области.

— Как вы успеваете все делать? — спросили мы Анатолия Александровича.

— Один многого не сделаешь. У меня везде помощники.

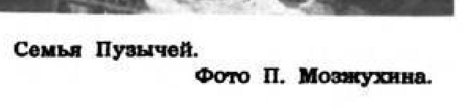
И действительно, библиотека объединила активистов, которые выполняют большую работу по пропаганде книги, помогают проводить конференции читателей, литературные вечера.

Пользуется успехом темтовский драмколлектив, созданный по инициативе Пузыча. Спектакль «Калиновая роща» А. Корнейчука в постановке этого коллектива вызвал одобрение колхозников, а на районном смотре художественной самодеятельности удостоен первой премии.

Анатолий Александрович вывел местные гибридные семена кукурузы, которые в условиях северного Уренского района дают возможность получать початки молочно-восковой спелости.

На всю округу славится его сад на приусадебном участке. Не узнать теперь того пустыря, на котором десять лет назад колхоз построил дом молодым супругам. Два мужественных и трудолюбивых человека превратили пустырь в цветущий сад. Аня Несговорова была смелым воином. Она оказалась на редкость заботливой и умелой хозяйкой, прекрасной матерью.

У Пузычей шестеро детей: два сына и четыре дочери. Самая старшая, Лида, уехала на экскурсию в Горький. Всех остальных мы сфотографировали в тот момент, когда они вышли провожать Анатолия Александровича на работу. Через несколько минут Пузыч направится в своей коляске-автомобиле с книгами, свежими газетами и журналами по проселочным дорогам от одного села к другому — к читателям, которые с нетерпением ожидают его приезда.

Семья Пузычей.
Фото П. Мозжухина.

Р. ЧЕНЦОВ

Первая промышленная выставка в Москве

Необычайное оживление царило 125 лет назад, в мае—июне 1831 года, на улицах Москвы, прилегающих к зданию, где теперь помещается Дом союзов. Множество карет и экипажей длинной цепью стояло возле него. В его залах, куда по вторникам и пятницам «вход был назначен по билетам», собиралось «лучшее общество Москвы», а «в другие дни непроходимая толпа всех званий». «Видеть эту пеструю живую толпу, деятельное движение народа, богатство предметов выставки, веселость и радость производителей, который каждый находится возле своего изделия... все это стоит посмотреть...»

УКАЗАТЕЛЬ
произведений
отечественной
ПРОМЫШЛЕННОСТИ,
находящихся
на
первой Московской Выставке
1831 года.

МОСКВА.
1831.

Так журнал «Московский телеграф» (№ 6 за 1831 год) сообщал о первой Московской выставке «произведений отечественной промышленности» в залах «Благородного собрания», «там, где прежде гремела музыка и вертелись вихрем пары в вальсах и котильонах».

Выставка занимала 18 залов и комнат, «считая коридоры». Всюду были «поставлены столы, вешалки, горки, в стройном порядке, и на них раскинуты, развешаны красивою драпировкою, и симметрически расположены, расставлены, разложены произведения русской промышленности».

В первой комнате находились «первообразные и полуобработанные материалы»: шелк Кавказа, пряжа бумажная, льняная, сало, воск. Во второй помещались бумажные ткани высших сортов, в третьей и четвертой — шерстяные ткани, и «очарование, предмет зависти и тоски дам — шали... в 3 и 4000 рублей». Пятая и шестая комнаты были заняты шелковыми изделиями. Седьмая комната была «менее других блестяща, но драгоценна для наблюдателя просвещенного»: здесь собрали «бумажные ткани низших сортов, которыми одеваются мильоны народа в России».

В Колонном зале (девятой по счету комнате) стена и колонны были «закрыты, нарочно выстроенною лестницею, которая обвешана коврами, цветными клеенками и в середине украшена огромной тканою картиною».

В середине Колонного зала были расположены «превосходно отделанные» ткацкие машины Гучкова и Нильсена, медь, железо, чугун «в разных видах: от чугунной картечи Баташевской и чугунного Калмыцкого котла до сабли в несколько тысяч рублей» Златоустовской оружейной фабрики (с изображением на клинках различных боевых эпизодов из истории русской армии), «от чугунной решетки Шепелева, до стального туалета, игол и разнообразных булавок». В этом же зале находились различные «модели, машины, математические, физические, хирургические инструменты и часы». Московский механик «ведомства Кремлевской экспедиции» Василий Лебедев экспонировал здесь модели механического копра, гидравлического пресса, часовщик Иван Толстов — часы, заводящиеся раз в год, житель Новочеркасска Игнатий Сыровацкий показывал свое новое изобретение: «рисунок и описание машины для истребления саранчи». Большое количество мореходных и геодезических инструментов выставили «Адмиралтейские Ижорские заводы».

Всего на выставке экспонировалось более 20 тысяч различных предметов по 35 разделам. «Выставка представляет живую Энциклопедию»,— писала газета «Московские ведомости» в номере от 30 мая.

Промышленная выставка вызвала исключительный интерес приезжих и москвичей. За три недели первую Московскую промышленную выставку посетило около 50 тысяч человек, что по тем временам было огромной цифрой. В отдельные дни число ее посетителей доходило до 12 тысяч человек.

В. МЕЛЬНИКОВ

Девять новых спектаклей

Многие произведения советской музыкальной драматургии начинали свою сценическую жизнь в ленинградском Малом государственном оперном театре.

Оперы «Тихий Дон», «Поднятая целина» и «Далеко от Москвы» И. Дзержинского, «Угрюм-река» Д. Френкеля, «Война и мир» С. Прокофьева были созданы в тесном контакте с коллективом этого театра и впервые исполнены им. Не у всех произведений сценический путь одинаково славен и долог. Но театр с неослабевающим энтузиазмом брался за новые темы.

Девять постановок показал коллектив москвичам во время своих гастролей. Это оперы и балеты советских композиторов, не шедшие в столичных театрах, и произведения классиков, незаслуженно забытые московскими коллективами.

Князь Андрей Болконский — артист С. Шапошников.

Гастроли театр открыл оперой С. Прокофьева «Война и мир». Постановка эта примечательна для коллектива. На протяжении 10 лет с любовью и старанием работали артисты вместе с автором, внося все новые и новые поправки в уже поставленный спектакль, принятый и одобренный зрителем. Молодые актеры сдавали в этом спектакле экзамен на зрелость. Сильно и мужественно звучит в опере героическая тема, которую театр пытается воплотить во многих своих спектаклях. В операх «Суворов» С. Василенко и «Дон-Карлос» Верди театр продолжает лучшие свои традиции. И режиссерское решение спектакля и актерское исполнение — все здесь увлекает слушателя. Особенно полюбилась москвичам молодая певица Т. Богданова, создавшая очень яркий драматический образ Елизаветы Валуа, исполнившая эту трудную вокальную партию с таким же блеском и большим актерским темпераментом, как и сложную партию Джиоконды в одноименной опере Понкиелли.

Большой интерес москвичей вызвали и спектакли балетной труппы театра: «12 месяцев» Б. Битова, «Сольвейг» — балет на музыку Э. Грига, «Семь красавиц» Кара Караева и «Корсар» А. Адана. Молодые актеры унаследовали у своих старших товарищей стремление к поискам новых тем, свежих, выразительных решений.

Через тридцать три года...

Теплоход «Тургенев» шел вниз по Енисею. Пассажиров было множество, и в этом пестром многолюдье двое — молодой мужчина и пожилая женщина — обратили на себя общее внимание. По одежде — не нашего покроя — их можно было принять за иностранных туристов, но не это удивило всех: теперь иностранный турист на Енисее не редкость. Поразило другое: иностранцы свободно говорили по-русски, а женщина даже по-северному «окала».

Мимо проносились древние красноватые горы, Енисей то раздавался вширь, то дробился на десятки проток, то стремительно мчался, сжатый грозными скалами. Иностранец, не уставая, щелкал фотоаппаратом, а женщина то и дело показывала ему на берега и что-то объясняла...

— Вы откуда, товарищи? — спросил кто-то из любопытных.

— Чехословакия! — ответил мужчина.— Братислава.— И протянул руку: — Александр Горват.

— Первый раз в Сибири? Нравится?

— А мама родилась тут,— обернулся мужчина к спутнице, и та тоже протянула руку, сказала: — Иванова, Мария Измайловна.

...Это было тридцать три года назад: минусинская учительница Мария Измайловна Иванова вышла замуж за сапожника, военнопленного Людвига Горвата, и уехала с ним на его родину. Тридцать три года... Там, в Чехословакии, похоронила она мужа, вырастила детей, обучила их русскому языку. И хотя чужая страна не была для Ивановой мачехой — чехи относились к ней, русской, по-братски,— тоска по Сибири, по раздольному Енисею не покидала женщину. В конце тридцатых годов она совсем уже собралась домой и паспорта выхлопотала, но в Чехословакию вошли гитлеровцы...

И вот теперь, сколотив деньги, они с сыном отправились в дальний путь. Надо посмотреть на Россию, на Сибирь, проведать родственников.

— Восемнадцать двоюродных сестер и братьев у меня здесь! — улыбается Александр.— Всех надо повидать...

Он все щелкает и щелкает аппаратом, готовит репортаж о Сибири для братиславских газет. А Мария Измайловна затуманенными глазами смотрит на проплывающие мимо оживленные берега, на пароходы и баржи, бороздящие великую реку, и раздумчиво все повторяет вполголоса:

— Как все переменилось! Как переменилось!..

Мы сфотографировали путешественников на пристани Новоселово, под Красноярском. В Новоселове живут и трудятся на консервном комбинате двоюродные сестры Александра.

Р. ГЕОРГИЕВ

М. И. Иванова (справа) и А. Л. Горват с родственницей на берегу Енисея.

ГОСТИ ИЗ ВЬЕТНАМА

Разговаривая, Чан Ван Хоп щурится от яркого солнца, обнажая при этом два ряда белых зубов. Улыбается он и солнцу и просто потому, что у него хорошее настроение. На улицах города Махарадзе и впрямь очень много солнца, хотя там, на родине, его еще больше.

Здесь, в Махарадзе, многое напоминает дом. Например, море и горы, некоторые растения, красные почвы, перченная, с приправами пища. Лето, правда, не такое жаркое, как там, но Хоп может вполне обойтись один год и без лета.

Хоп — руководитель группы вьетнамских практикантов, прибывших из Ханоя в советский город Махарадзе обучаться фабричному приготовлению чая.

Во Вьетнаме никогда не было чайных фабрик, хотя чая там много и он дает обильные урожаи почти круглый год. Его перерабатывают вручную. Советские друзья спроектировали для Вьетнама первые две чайные фабрики и сейчас готовят для них оборудование. Нужны кадры. Поэтому вместе с Хопом приехали в Советский Союз еще 19 его товарищей — люди разных профессий, возраста, образования, такие же, как он, простые трудовые парни республики. Сам Хоп — литейщик. А его ближайший друг, Фам Ван Занг,— машинист двигателя. Хоп — с севера, а Занг — с юга. Дом и родные Занга остались по ту сторону. Сам он участник национально-освободительной войны и ранен в ногу.

Чан Ван Хоп, Нгуэн Ван Хуанг и Фам Ван Занг в гостях у 90-летнего колхозника-чаевода Тома Шарашенидзе.

Фото В. Джейранова.

В Махарадзе десять чайных фабрик и одиннадцатая достраивается, здесь самые большие совхозы и два крупных всесоюзных института — чая и субтропических культур и чайной промышленности. Хоп, Занг и другие практиканты осмотрели опытную чайную фабрику, на которой обычно испытываются новейшие машины.

Все складывается как нельзя лучше. Трудно только с языком. И то на первых порах. Его изучали, прежде чем отправиться в Советский Союз. Будущий начальник цеха Ле Конг Ты так хорошо его усвоил, что при встрече с трудящимися Махарадзе даже произнес речь на русском языке. А Хоп и Занг считают, что через год ребята будут знать не только русский, но научатся говорить и по-грузински.

И. ИВЛЕВА

ЗЕМЛЯ ПОД ВЗГЛЯДОМ АВТОМАТА

М. АРЛАЗОРОВ

Молодой человек по имени Аксель и его дядюшка, профессор Отто Лиденброк, волновались бы гораздо меньше, если бы наука их времени располагала теми сведениями о земных глубинах, какие ей известны сегодня. Движимые бурной фантазией Жюля Верна, исследователи направлялись к центру земли.

Мрачный брат Зевса-громовержца, хозяин подземного царства Плутон, ревниво оберегал свои тайны. Как повествуют древнегреческие мифы, трехглавый пес Цербер нес караул, не смыкая глаз. Однако разум человека победил подземного владыку, перехитрил бдительность его стражей. Люди сумели прорваться к несметным богатствам Плутона, осмотреть его сокровищницу.

Мы не станем задерживаться на приключениях профессора и его племянника, достаточно подробно описанных в романе «Путешествие к центру земли». Наш рассказ — об иных следопытах: не зная волнений, они смело погружаются в земные недра. И не фантазия романиста, а точные расчеты инженеров регламентируют их поведение.

Вырываясь из сверкающих никелем приборов, летят стремительные курьеры, посланные автоматами, старательно докладывая обо всем, что встречается на пути. Гонцы аккуратны и дисциплинированны. Они беспрекословно подчиняются тем, кто их посылает: искателям «черного золота», инженерам-нефтяникам.

Под взглядом автоматов земля как бы становится прозрачной, и человек видит то, что укрыто от него многометровой толщей «слоеного пирога» земных пород.

Жизнь людей, которые обслуживают автомат, следя за его работой,— это в полном смысле слова жизнь на колесах. Специальный автобус, где смонтировано приборное хозяйство, — для них и место работы и место отдыха.

Шкаф с аппаратурой занимает переднюю часть кузова. Он не очень велик, а потому особенно удивительным кажется обилие приборов, которыми нафарширован автомат. Он буквально соткан из радиоламп, конденсаторов, сопротивлений и других радиодеталей.

Слов нет, конструкция сложна, но эта сложность гарантирует ее «боеспособность». Автоматическому разведчику не страшна температура до 150° и давление до 1 000 атмосфер, подчас встречающиеся в скважинах. Снаряды, ныряющие в подземные глубины, жароустойчивы и прочны. Они вполне подготовлены к ожидающим их превратностям, без заминки работая в тяжких условиях, несущих гибель всему живому.

Сведения, выносимые из «пекла», весьма обширны. Геологический разведчик «универсально образован». Пополняя и контролируя друг друга, доставленные им данные рисуют картину того, что происходит на глубине сотен, а зачастую и тысяч метров. Разумеется, у каждого из приборов свое определенное назначение. Двухметровые трубки снарядов — это ныряльщики; кабель, которым они поддерживаются, служит одновременно для погружений, подъемов и передачи наверх электрических сигналов земли, подслушанных в глубине, а аппаратура, смонтированная в кузове автобуса, составляет по этим данным рапорты, которые без труда расшифровываются геологами.

И все это автомат делает сам, ему нужно лишь задать режим и назначить масштаб графика, в котором он вычертит отчет о своем проникновении в скважину.

Не сразу, не вдруг появились у нефтяников замечательные автоматы, с которыми нам довелось познакомиться на государственном союзном заводе «Нефтеприбор». Извилист был путь к их созданию.

Долгое время сведения о породах, через которые проходит скважина, добывали при помощи длинной трубы с острыми краями. Столбик породы, вырезанный такой трубой, выдергивался, как морковка из грядки. От французского слова «ла каротт» — морковь — подобная процедура получила название каротаж. Представьте себе, с каким напряжением извлекалась такая многотонная «морковь» с глубины до 3 000 метров, и вы поймете, какой дорогой ценой получались сведения о том, что столь тщательно скрыто природой от человеческих глаз.

Хлопотно и трудоемко! Геофизики пошли иным путем. Они решили пропускать через породы, окружающие скважину, электрический ток. Каждая из пород пропускает его по-разному. Это различие в сопротивлении и позволяет судить о том, из чего слагаются стенки скважин.

Электрические разведчики осветили темное царство Плутона, но, чтобы действовать в земных глубинах с полной уверенностью, их данных было столь же недостаточно, как тусклого света спички для выполнения сложной хирургической операции. К тому же графический отчет о продвижении тока через породы, образующие стенки скважины, составлялся оператором вручную, и скорость обследования не превышала полукилометра в час. А когда, наконец, после ряда неудач вместо человека стал действовать автомат, исследование пошло в десять раз быстрее.

Так выглядит одна из важнейших деталей геофизического автомата. В этом своеобразном «лифте» ядерные частицы спускаются в недра земли...

Фото Г. Санько.

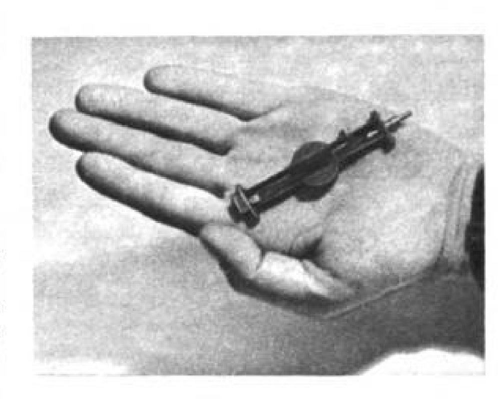
Но дело было не только в медлительности. Электрокароттаж обладал еще одним неприятным недостатком: приборы приходилось погружать в скважину тотчас же после извлечения из нее бура, не дожидаясь, пока металл труб защитит стенки от обвалов. Опускать же приборы в одетую металлом скважину не представлялось возможным. Отличный проводник электрического тока — металл труб — перехватывал его на пути к горным породам. Страницы подземной книги словно заливались пятнами черной туши.

Ощутив недостатки электроразведки, ученые продолжали свои поиски. Они воспользовались достижениями ядерной физики — принялись за изучение радиоактивного дыхания нашей планеты, измеряли гамма-излучение различных пластов земли. Этот способ был бы совсем хорош — земля сама посылала сигналы о своих богатствах,— но... на графиках, вычерчивающихся приборами, оставались белые пятна.

Чтобы стереть эти белые пятна, профессор Бруно Понтекорво, А. И. Заборовский, Ю. П. Булашевич и другие исследователи мобилизовали себе на подмогу элементарную частицу, входящую в состав атома,— нейтрон. В буквальном переводе с латинского нейтрон означает «ни то, ни другое». Он не несет ни положительного, ни отрицательного заряда, он нейтрален. Однако этот житель микромира оказался могучим снарядом ядерной артиллерии.

Нейтроны обстреливают породы стенок скважины. Ни металл обсадных труб, ни стенки снарядов, внутри которых совершают путешествие микроскопические бомбардиры, отнюдь не преграда для грозной канонады. Под обстрелом нейтронов четко обозначаются богатые нефтью и водой пласты. Линия графика перестает быть пунктиром. Всепроникающий нейтрон стер с графика белые пятна. Именно этот способ, соединенный с гамма- и электрообследованием, и лежит в основе действия автоматических кароттажных станций, выпускаемых заводом «Нефтеприбор».

Как мы уже говорили, автоматическая кароттажная станция — «универсально образованный» автомат. Собираемая ею информация носит весьма разносторонний характер. Трудно поверить, но весь этот комплекс сведений приносят сигналы столь слабые, что сдвинуть с их помощью стрелку обычного электроизмерительного прибора так же трудно, как моторчику от патефона привести в движение автомобиль. Но, тем не менее, это так. Подземные электрические сигналы, возникающие под действием нейтронов, усиливаются электронным усилителем и затем улавливаются прибором, легко умещающимся на ладони,— миниатюрным зеркальным гальванометром особо тонкой конструкции. Этот крошка-прибор почти не знает инерции, трение его частей неощутимо мало даже по сравнению с трением в самых маленьких дамских часах.

Крошка-прибор, улавливающий подземные сигналы, легко размещается на ладони.

Прибыв по кабелю из-под земли и претерпев изменения в электронных приборах, электросигналы поворачивают рамку гальванометра с малюсеньким зеркальцем. Зеркальце, в свою очередь, «раскачивает» падающий на него тонкий луч света. Движение «зайчика» уверенно выводит на движущемся рулоне фотобумаги линию графика.

Прибывшие из глубины сигналы как бы расходятся по двум руслам аппаратуры. В одном записываются их доклады, в другом, не дожидаясь проявления фотоленты, изыскатель может вести непосредственное наблюдение, всматриваясь в экран, где движутся «зайчики». Этот экран — форточка, распахнутая в подземелье.

Автоматическая разведка прочно вошла в обиход искателей нефти. Марка завода «Нефтеприбор» известна не только в Советском Союзе. Выпущенные им автоматы успешно используются в Китае, Румынии, Польше. Скоро они появятся и в Индии.

Толпящиеся на заводском дворе автомобили кароттажных станций поначалу кажутся похожими, как близнецы. Но на самом деле это не так. Разные способы разведки, специфические условия промыслов диктуют свои требования, которые обязаны учитывать конструкторы. Но главное все же не в разнице, а в сходстве: автоматам поручают важнейшую работу, и они справляются с ней, в полном смысле слова из-под земли добывая сведения о наличии нефти.

ХУДОЖНИКИ-МАРИНИСТЫ

Труд художника-мариниста — увлекательный, но нелегкий и нередко опасный труд, требующий большой выдержки и, главное, безграничной любви к морю, к людям моря. Ни в одной другой стране маринисты не имеют такого «выбора морей», как у нас. От Черного до Белого, от Каспийского до Баренцова, от Балтийского до Охотского — каждое из них имеет свой, неповторимый характер, свои особенности. И моряки очень разные и в то же время очень схожие, как схожи, вероятно, моряки всех стран мира, потому что мореплавание — профессия, объединяющая людей.

Основная тема творчества советских маринистов — человек и море. Не просто морской пейзаж, а пейзаж, проникнутый пафосом борьбы и созидания, труд рыбаков Севера и Атлантики, героическое прошлое и славное настоящее русского флота, советские докеры и кораблестроители... Морская тема особенно увлекла советских художников в послевоенные годы. Во многих республиках, городах при союзах художников организовались группы маринистов. Секция маринистов была создана при Оргкомитете Союза советских художников. На кораблях, в рыболовецких колхозах, на морских промыслах художники-маринисты стали своими людьми.

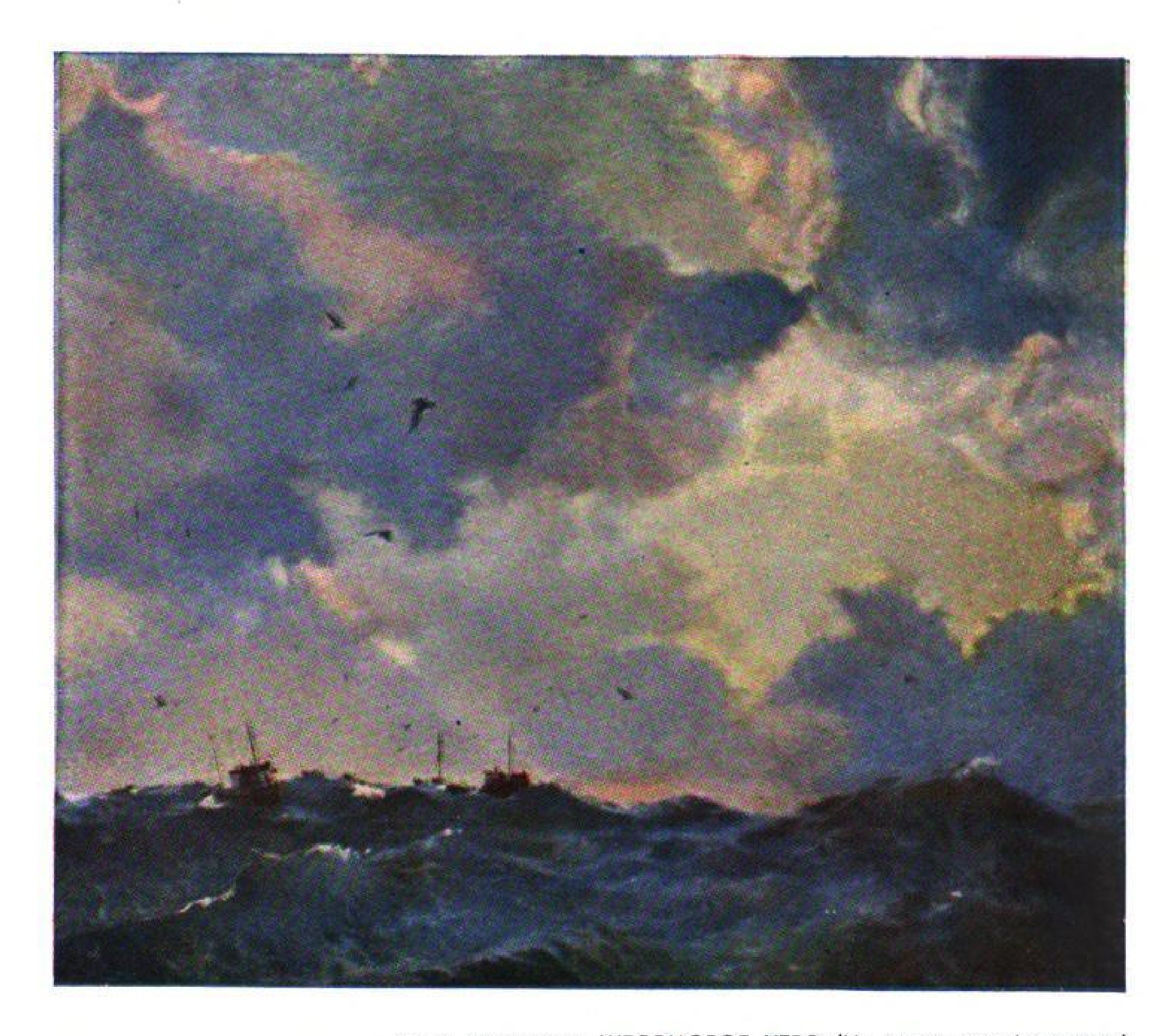
Художники ходят в заграничные плавания, зимуют с полярниками на Крайнем Севере, плавают на траулерах и китобойцах. Москвич М. Бирштейн был участником рейса из Калининграда во Владивосток; неутомимый путешественник по северным морям И. Рубан создал цикл, посвященный дрейфующей станции «Северный полюс-4», теперь на очереди Антарктика, поселок Мирный.

В этом году многие маринисты отправятся в путешествия по странам мира: М. Мальцев пойдет на танкере в Китай, художник А. Бантиков собирается в Индию, Н. Цейтлин — во Вьетнам, скульптор Н. Тимошин будет участником похода китобойной флотилии «Слава».

Возросшая творческая активность художников-маринистов уже в 1954 году дала возможность организовать всесоюзную выставку работ, посвященных морской тематике. Эта выставка была, по существу, первым творческим отчетом маринистов в таком масштабе. Вторая выставка, открывшаяся в конце 1955 года, показала, что рост профессионального и идейного уровня художников продолжается.

На наших вкладках — работы художников-маринистов, экспонировавшиеся на выставке 1955 года.

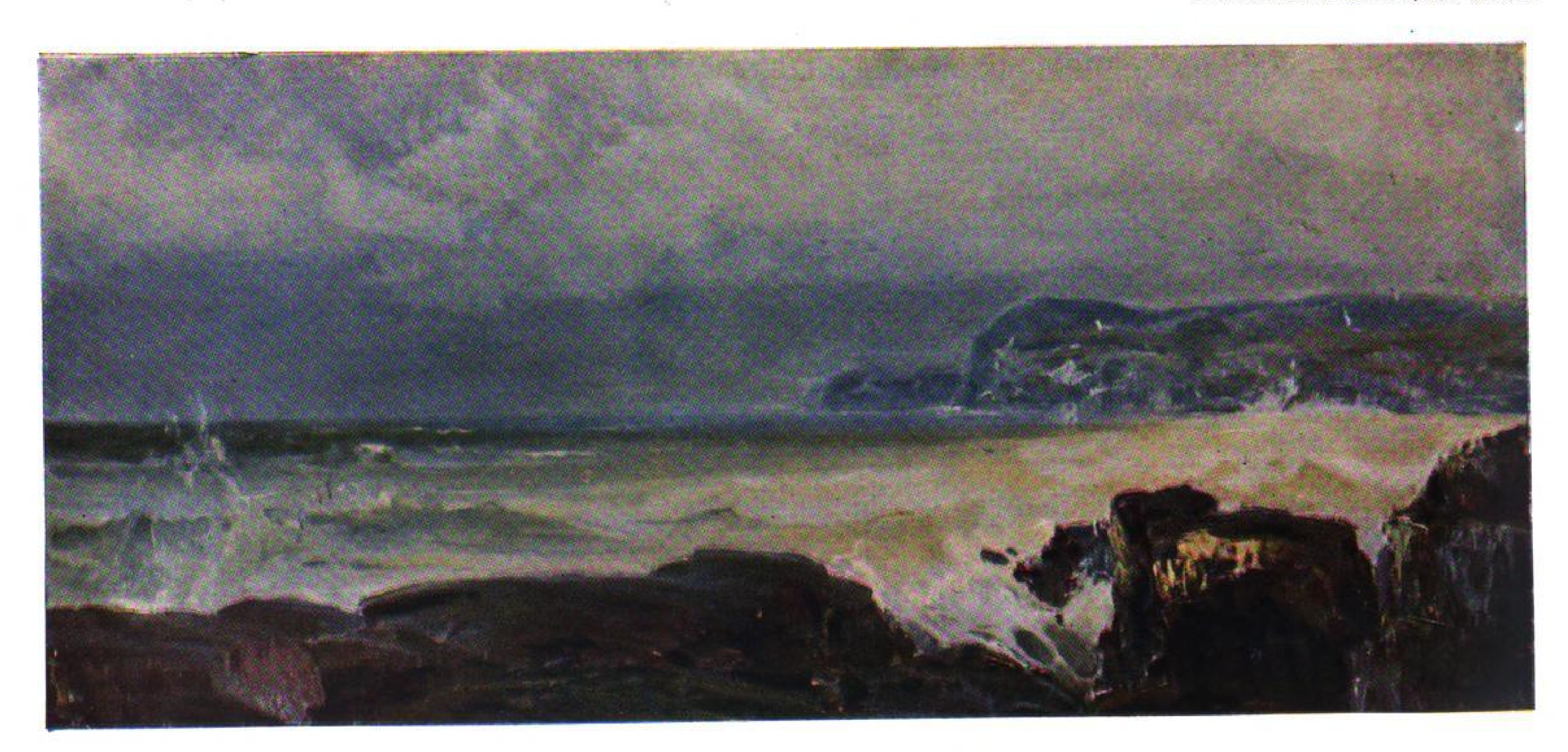
Заслуженный деятель искусств Латвийской ССР Э. Калныньш (он родился в 1904 году) — один из крупнейших советских пейзажистов. Следует отметить, что климат Риги — города рыбаков и яхтсменов — всегда был благоприятным для маринистов. И пейзажи Калныньша свидетельствуют о том, что жанр марины в республике успешно развивается. «Штормовое утро» — одна из лучших работ на выставке. В ней есть ощущение простора и ве-

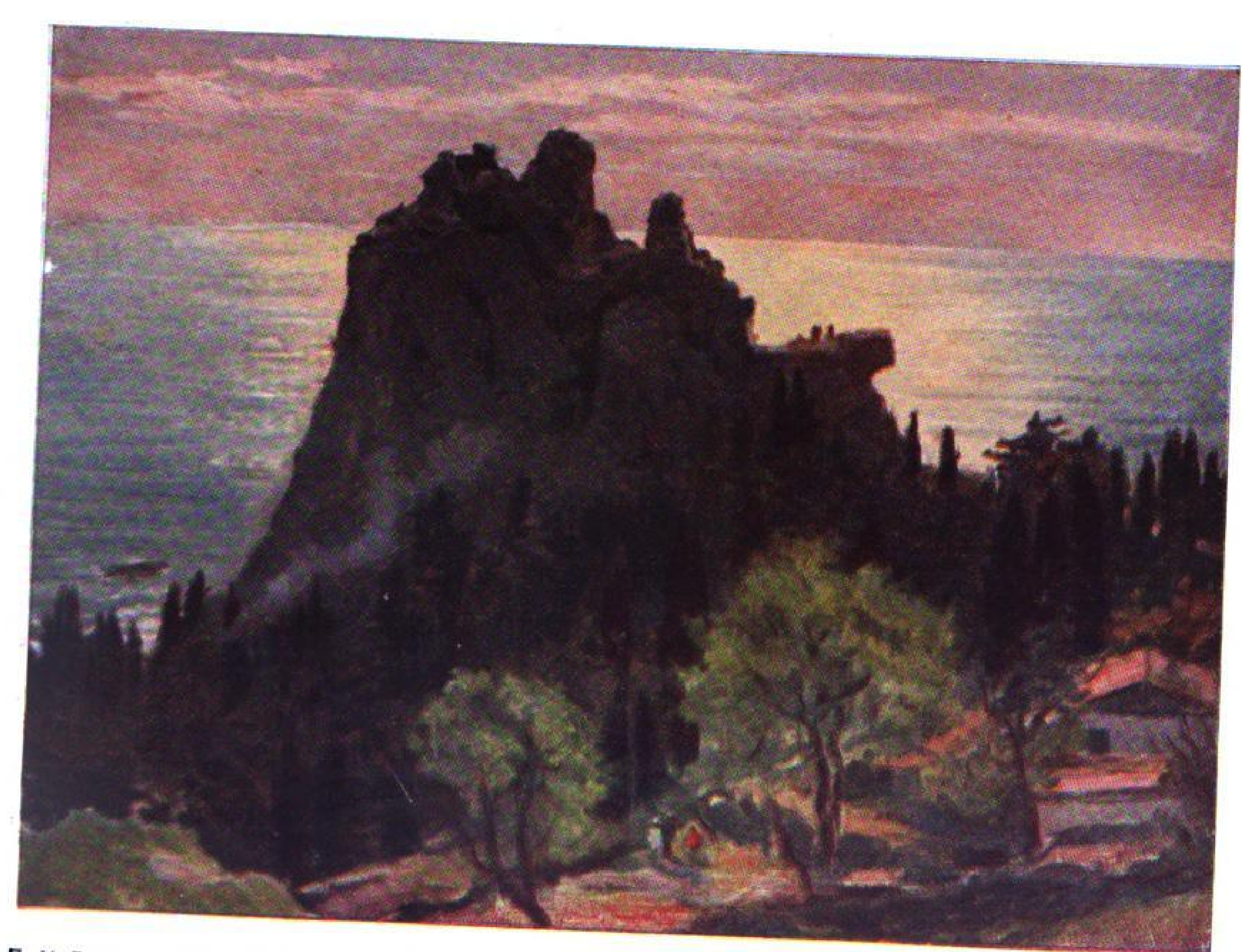
Э. Ф. Калныньш. ШТОРМОВОЕ УТРО (На промысле Атлантики).

В. В. Мешков. БАРЕНЦОВО МОРЕ.

И. Ф. Титов. НА ПРОСТОРАХ ОКЕАНА.

П. И. Баранов. КРЫМСКИЙ ПЕЙЗАЖ.

личия, картина исполнена темпераментно и свежо.

И. Титов — постоянный участник всесоюзных выставок. Он выступал и как портретист и как жанрист, но морской пейзаж, морская тема — основное в его творчестве. Неутомимый труженик, И. Титов много работал на Дальнем Востоке (Камчатка, Курильские острова, Амур).

М. Мальцев постоянно возвращается к образам советских моряков. Кроме «Сигнальщика», на выставке экспонировались его полотна: «У орудия», «Рыбак», «На рейде».

Е. Львов долгие годы работает в жанре морского пейзажа. «У берегов Камчатки» — одно из его последних произведений. Львов, так же как и Калныньш, — романтик, излюбленный его мотив — неспокойное, бурное, грозное море.

В. В. Мешкова наши зрители хорошо знают как блестящего «сухопутного» пейзажиста. «Первый снег в Карелии», «Баренцово море» — спокойное, сдержанное повествование о суровой карельской природе.

На наших вкладках печатается также репродукция картины «Крымский пейзаж» художника П. Баранова, известного графика, автора серии литографий «На кораблях Черноморского флота». Эти литографии были также представлены на второй всесоюзной выставке маринистов.

А. ГАСТЕВ

М. В. Мальцев. СИГНАЛЬЩИК.

Е. А. Львов. У БЕРЕГОВ КАМЧАТКИ.

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Поэма

Алексей МАРКОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

«ЗЛОЙ» ПОМОР

Был Ломоносову соседом
Седой ботаник Сигизбек.
Любил посплетничать
в беседах,
Но в общем добрый человек,
Скорей, ни рыба и ни мясо...
Да суть не в нем, а в сыновьях,
В трех братьях, рослых
лоботрясах,
Что сеяли в округе страх.
Лишь на копейку парни
выпьют,
А, поглядишь, пьяны на рупь...
Окно, задравшись, камнем
выбьют,
Гоняют кошек, детвору...

...И как-то утром объявились
В академическом саду [1],
Бранясь, копытили, носились,
Ломали ветки на ходу.
Глядел Михайло из окошка,
Как пьяные топтали сад,—
Похож он на страну немножко
Во власти варваров-солдат...

А в этот самый час, под вечер
Шумахер с Таубертом шли
И государственные речи
Неторопливые вели.
— Да, это верно, Ломоносов,—
Один другому отвечал,—
Во все дела суется носом,
Хоть в чем-нибудь бы
промолчал.
— Мешает нам в большой
работе,—
Другой со вздохом говорил,—
Явился новый Аристотель:
Закон открыл, закон закрыл...
Нам это хорошо знакомо...
Его еще научит жизнь!

У ломоносовского дома
Вдруг чьи-то крики раздались.
Друзья пройти хотели мимо,
Но почему-то не смогли.
Один воскликнул:
— Нестерпимо!
Да эти парни хуже тли...
Растенья топчут из Китая!
Какой погибнет огород!
Остановить разбой желая,
Уже открыл Шумахер рот,
Но... тут в окошке — он увидел —
Михал Васильевич стоял.
Толкнул соседа. — Пусть
он выйдет,
Устроит, может быть, скандал...
Горяч помор, в нем
много дури...
Такие все здесь мужики.
Скорей отсюда. Будет буря!
Пойдет «ученый» в кулаки!
Поняв друг друга с полуслова,
Хихикнув, отошли они.
— Считай, что дельце тут
готово!

Он не бежит еще! Взгляни!

...Какой покой теперь в покоях!
Михайло выбегает в сад...

И на земле лежат все трое,
Все: старший, средний,
младший брат.
И просят у него прощенья...
Ну что ж, и быть бы по сему...

Схватив тяжелые поленья,
Собратья тут грозят ему.

Оглоблю выдернул, неистов,
Михайло, и как тот Буслай,
Оглоблею взмахнул
со свистом:
— Кто храбрый! Пробуй,
наступай!

..В академическом задоре
Ученые кричали с мест:
— От Ломоносова нам горе!
Его немедля под арест!

...Не покидал он в наказанье
Под стражей комнаты своей
И на ученые собранья
Не смел являться много дней...
Но что поделаешь!
Ничтожно
В его защиту голосов.
Иной к тому же осторожно
Закроет губы на засов.
Был в стороне Тредиаковский:
Подальше, дескать, от греха,
Откуда знать, в быту каковский
Противник моего стиха!

Один лишь неподкупный Рихман
Ученых к совести призвал:
— Ведь знаем лоботрясов
сих мы...
Не токмо сердце, и металл
Был доведён бы до каленья,
Когда бы видел, как они
Топтали ценные растенья,
Точь-в-точь татары в оны дни...

И, может, Рихману обязан
Михайло тем, что не секли
Его, не давшего ни разу
Порочить честь своей земли.

Но как и с кем сравнить
Теплова —
Академическую мышь!
Припоминал поступок новый:
— Мол, мне сказал он:
«На те шиш!»
Не помню точно обстоятельств,
Но помню, это было здесь.
И снова уронил ты, братец,
Ученого святую честь!..

А речь его красна на диво,
Подвешен хорошо язык!
Ведь кто трудиться не привык,
Тот говорит всегда красиво!
Взглянул на Тауберта Миллер,
На Миллера взгляд бросил тот,
Единодушно заключили:
На нашу мельницу он льет...

Страшнее ворога предатель,
Который к тем, кто посильней,
Свое, родное все утратив,
Переметнется от друзей...

ВЕЛИКИЙ ДАР

Да разве дело в том,
кто первый,
Какой принадлежит стране!
Приоритетов шумных перлы
К чему, сказать по правде, мне!
Служить бы без оглядки людям
Планеты всей! На том стою.
Неужто мы считаться будем,
Принесши толику свою!
Мы не цари, и нам не нужно
Дворцы границей ограждать.
Не лучше ль ограждать нам
дружбу —
Деяний всех прекрасных мать!

Но не ходи в моря большие,
Когда ты в малых не ходил,
Не полюбив края родные,
Любить весь мир не хватит сил!
И научитесь для начала
Любить березу, речку ту,
Что на волнах своих качала,
Как колыбель,
твою мечту.
Сумейте земляка заметить,
Лицом к лицу встречаясь с ним.
Чем черт не шутит: в целом
свете
Он, может быть, незаменим!!
Доколе будет так в России:
Коль имя русское, оно
Звучит как будто некрасиво,
Будь хоть пророком, все
равно!..
Принадлежат слова Ивану,
И все слыхали, он сказал,
А их припишут Антуану,
Засим его на пьедестал...

Ничто и никогда в природе
Не исчезает без следа.
Жизнь как уходит, так
приходит,
Материальная всегда!
Кто знает, может, надо было
Черту столетьям подвести,
Чтоб истину с такою силой
И простотою обрести.
И, может быть, сказавши это,
Декарт бессмертный распахнул
Окошко в солнечное лето
И воздух грудью всей
вдохнул...
Идет вот этот мир прекрасный
Своим незыблемым путем,
Согласны мы иль не согласны,
Пойдем за ним иль не пойдем.

Шел век за веком, и прозренье
Вдруг объявлялось слепотой,
Вдруг возводилось
в преступленье
Пред олигархией святой.
Богоотступников рисуя,
Стояли над костром дымы,
Чернь бунтовала, голосуя,
Нет, не за свет — за царство
тьмы!
Своих пророков изгоняла
Она, кидая камни в них...
Как будто ей недоставало
Оков и крепостей глухих.
Михайле надо было толком
Измерить, взвесить, доказать
Ретортой чуткой, лупой зоркой,
Чтоб так же самому сказать:
«Ничто и никогда в природе
Не исчезает без следа.
Жизнь как уходит, так
приходит,
Материальная всегда...»

Пусть правду, сказанную мною,
Крамольной завтра назовут
И, сговорившись за спиною,
Меня к ответу призовут,
Отречься от нее предложат:
У них короткий разговор,
В России добродушной тоже
Бросать умеют на костер.

Окончание. Начало см. «Огонек» № 30.

[1] Академический сад — ботанический сад («огород») Академии наук.

Но что бы ни случилось
с нами
И как бы ни зажали рот,
Своими вечными путями
Жизнь бесконечная идет.

Не угадали вы, профессор:
Многострадальный ваш закон
Никак не тронул мракобесов,
И не задел ученых он!
«Возможно ль, чтоб у нас,
в Расее,
Какой-нибудь родился свет!
Ведь где не сеялись идеи,
Там жатвы не бывает, нет!
И Ломоносова открытье
Не открывает ничего,
Нет, не назвать никак
событьем
Богоотступный труд его!»

Но разве не уловит взором
На целом свете кто-нибудь
Того, что ярким метеором
Успело над землей блеснуть!
За сотни верст его заметил
Глядевший вдаль Лавуазье...
И лишь теперь на всей планете
Об этом свете знали все.

Приятнее в устах чужого
Российским немцам сей закон,
И шлют приветственное слово
Из Петербурга за кордон.
Неважно, что француз
известный
Почти и намекал порой,
Что в этом торжестве чудесном
Не он вина, не он герой,
Лишь взгляды разделил
другого...
Но и подумать не хотят,
Когда уж мнение готово
И ты для всех высок и свят.

ГРОМ БЕЗ ДОЖДЯ

...Такая на дороге пыль!
Идешь, как будто по подушкам,
Плывут, цепляясь за шпиль,
Большие тучи в небе душном.
Хотя бы капелька одна
Упала на сухую землю...
И куры что-то у окна,
Не как всегда, к дождю
не дремлют.
Сверкнули молнии, скрестясь,
Точь-в-точь наточенные шпаги.
Насторожился мир, дивясь
Святых архангелов отваге.
— Смотри-ка, Рихман, вот
когда
Там электричества громады.
Не дымным воском города,
А вот чем освещать бы надо.
Скорее по своим домам [1],
Нас ждут машины громовые,
И что сегодня скажут нам
Они в истории впервые!

Михал Васильич побежал
К усадьбе чуть ли не рысцою,
Спеша, он тяжело дышал...
Запахло в воздухе грозою.

Из-под железа брызги искр
Блестят и гаснут светляками.
Михайло на свой страх и риск
Хватает молнию руками.

Вблизи перевернулся гром,
Взорвал он воздух канонадой.
Бревенчатый тряхнуло дом,
И где-то загорелось рядом.
— Эй, к Рихману бегите!
С ним,
Мне чудится, случилось горе!..
«Вдруг ты упал, огнем палим,
Стихии злой не переспоря!..»

...Кто знал, что в этом человеке,
Суровом для врагов всегда,
Тепла разлиты были реки;
Беда других — его беда.
И он то к графу Воронцову,
А то к Шувалову идет:
— Детишки Рихмана без крова...
Одежды нету у сирот!
Не для науки ль их родитель
Погиб, когда вы от окна
Подальше отошли, увидев,
Как молний движется стена!
Забившись в уголок,
крестились:
«О, боже! Мимо пронеси!»,
Когда мы насмерть с ним
трудились
Не для себя, а для Руси!
Но отвечал на то игриво,
Собой любуясь, Воронцов:
— Еще отделались счастливо:
Один остался жив-здоров!
Ах, батенька, куда полезли!
На бога руку поднимать!
Гораздо было бы полезней
Пред громом на колени
стать!
— Я рад поверить в черта
даже,
Но что поделать, граф, когда,
Когда исследованья наши
Не говорят ни нет, ни да!
Вам повезло, что вы незрячи,
Сужденья нету своего,
А кто ничем не озадачен,—
Сомненья не грызут того!
— Ты говоришь с великим
чувством,
Мой друг, о небе и земле.
Но несравненно ты искусней
В литературном ремесле!..

На том и кончились старанья,
Лишь больше он врагов нажил.

И вот однажды утром ранним,
Когда снежок уж порошил,
Он завернул в семейство друга.
Подняв детишек на плечо,
Поцеловал их горячо
И в путь отправился сквозь
вьюгу.
А рядом скорбная вдова,
Напрасно в мыслях подбирая
Для благодарности слова,
Брела безмолвно, как немая.
Детей в усадьбу он принес:
— Вот этот дом — ваш дом,
ребята!
Главу держать повыше надо!
Не задирайте только нос!..

ЗАРЫТОЕ БОГАТСТВО

Михайло, за работой сидя,
Глотками черный кофе пил.
— А я сквозь ставни свет
увидел,
На огонек зайти решил...—
Промолвил Дормидонт,
не смея
От двери в комнату шагнуть.
Михайло с искренностью всею
Его встречает: — Гостем будь!
Садись! Как раз я ставлю
точку...
На Ломоносове, как снег,
Льняного полотна сорочка.
«Такую встретишь не на всех,—
Гость мельком для себя
отметил.—
Вот это дельная жена...
Так мать печется лишь
о детях...
Видать, душевная она...»

— Вот видишь, друг, над чем
ломаю
Дурную голову свою:
Проект подробный составляю,
В сенат с прошеньем подаю,
Чтобы во все концы России
Мастеровых послать людей,
Всю землю жилы золотые
Обволокли с древнейших дней.
Мне письма пишут отовсюду,
Породы шлют... Вон, на столе!..
Российскому понятно люду,
Какая мощь лежит в земле.
Служитель трогал минералы
И пробовал на вкус, на цвет.
— А говорят, в России мало,
Почти совсем богатства нет!..
— Да, да! Завода три имеем
И рады уж почти до слез:
«Ах, в нашей лапотной Расее
И столько меди родилось!»
Да кто сказал, что худосочна
Земля великая вовек!
И кто тот скверный человек,
Снабдивший картой нас
порочной!
Какой-то пришлый негодяй,

Увитый лаврами «ученый»
Оклеветал наш отчий край,
Поправши честности законы,
Набив утробу, как свинья!
Кому-то, видно, нужно это,
Чтоб дальше родина моя
Была разутой и раздетой,
Чтоб деревянною была,
Когда соседние державы
Железной потрясают славой,
Щетинясь и бесясь от зла.

Открыть бы все земные недра,
Достать железо, уголь, нефть,
Что залегли на километры
В российской нашей стороне.
Был изменен бы нищий облик
От моря к морю всей земли,
Там, где вчера в болотах
топли,—
Могучие б сады цвели.
Вот карта, сделанная мною,
Какие где богатства есть,
Что подарит ядро земное...
Подарков всех не перечесть.
Ведь где уронишь каплю пота,
Там серебро взойдет тотчас.
В земных слоях, как в дивных
сотах,
Янтарь сияньем встретит нас.
Но сыновей, к труду любезных,
Немного подучить бы нам:
Ведь надо знать, что суть
полезно,
А что в природе просто хлам.

Взъярились «мудрецы» в сенате:
Всю землю вздумал ковырять!
С ума профессор знатный
спятил,
Расходы, хлопоты опять!
А пользы... Посчитай, пойди-ка,
Уж больно Ломоносов скор!
Всегда с какой-нибудь
«великой»
Идеей носится помор.
Да мало, что ли, на Урале
Заводы всякие дымят!
Он хочет, чтобы все искали
Везде какой-то «божий клад»!
Нет, хватит одного помора!
Один, и то ведь жить нельзя!
И что ни день — чинит раздоры,
Расправой каждому грозя.
А что касается вопроса —
Золотоносных скрытых жил,
Тут прав, пожалуй, Ломоносов,
Кладя на это столько сил.
Неплохо золото для кружев...
И можно группу снарядить...
Пусть для отечества послужат.
За это нас не осудить!

Михал Васильич, улыбаясь,
Шел свежим берегом Невы.
Волна, дремотно просыпаясь,
Была небесной синевы.
Еще сторожевые башни
Кой-где не погасили свет,
И тьма живет еще вчерашним,
Цепляясь слабо за рассвет.

Но тщетно. Брызнула лучами
Адмиралтейская игла,
И, зябко поводя плечами,
Уходит сумрачная мгла.
«Ага, вступает свет в работу!
Тьма расступилася без сил! —
Как бы своим недоброхотам
Михал Васильич говорил.—
У вас глаза, но вы незрячи.
А я двадцатый вижу век,
Дышу его порой горячей,
В том веке свой я человек.
Я вижу, как из недр глубоких
Рванулись в воздух корабли,
Простором чистым и широким,
Как будто молнией, прошли.
Я вижу землю — сад плодовый,
И дружбу вечную племен
В сиянье солнца золотого
Взамен разрозненных знамен.»

ЕГО ЗАБОТЫ

Горит оплывшая свеча,
Блестят слезами капли воска.
По белому листу строча,
Перо слова выводит броско:
«К вам обращаюсь скорбно я,
Иван Иванович Шувалов,
Душа истерзана моя,
Невмоготу и жить мне стало...
Идет на убыль русский люд,
Нехватка и лекарств и хлеба,
Когда мы вьем себе уют
Под розовым столичным небом.
Просторов мало на Руси!
Веками степи наши дремлют,—
Пойди, засей и всласть коси,
Ждут новоселов эти земли!
Лишь дайте волю мужику —
И зацветет пустыня скоро,
Он может повернуть реку,
И может своротить он гору.
Скажите, есть еще страна
Обильней матушки России!
На мир хватило б полотна,
Что соткала она одна,
А здесь раздетые, босые...
В стране леса стоят стеной,
Лесов таких не сыщешь
в свете,
Но снежной лютою зимой
В домах холодных мерзнут
дети...

Я в этих дерзостных строках
Хочу вас, наконец, заверить:
Коль на засовах в тюрьмах
двери,
Деяньям царским близок крах.
За то, что мыслят по-иному,
Не можно живота лишать,
Судьбу безжалостно решать,
С семьею разлучив и домом.
Не хватит и Сибирей нам!
Заставить мыслить по ранжиру!
(И это ли не стыд, не срам
России на глазах у мира!)
Не хватит рук у палачей,
Не выдержат страданий дыбы.
Я знаю, нет таких ночей,
Что задержать рассвет
могли бы!

Светлейший друг, скажу
притом:

---

[1] В домах Ломоносова и Рихмана самими учеными были установлены самодельные громовые машины из-за отсутствия лабораторий.

Природа лишь тогда прекрасна,
Когда во всем она, во всем —
В цветах, в мечтах —
разнообразна!»

Вошла в который раз жена
И села рядом тихо-тихо...
Ей тоже, видно, не до сна,
Когда ему бывает лихо.
С июльской теплотой листвы
Коснулись плеч ее ладони,
Коснулись жаркой головы:
— Уже рассвет, и в церкви
звóнят!
Ты отдохнул бы... Ну, приляг!
Уже вон и свеча доходит...
Ну, всякий мелочный пустяк
Тебя так из себя выводит.
Наверно, кто-нибудь опять
Сказал, чтобы обидеть, слово.
Не надо так переживать,
Мой дорогой... Ты мой
суровый!
У нас, Михайло, дочка есть,
Побереги свое здоровье!
Со всяким на рожон не лезь...
Морщинка вот еще...
Над бровью...

— Послушай, Лизанька,
прочту...—
Читал послание напамять,
Рубил слова он на лету
Неукротимыми руками.
— Потише, дом разбудишь
весь!
Покоя нет ни днем, ни ночью...
— Ты видишь, Лиза. Я вот
здесь
Судьбой народа озабочен,
А царский двор спокойно спит,
Усталый после всех приемов...
И ходит стража — верный
щит —
У коронованного дома.
Там полагают, всех умней
Они, пригретые царицей,
И не считают за людей
Того, кто за стеной толпится.
Но честь страны лежит на нас,
Пускай одежды ветхи, серы.
А те, кто наверху, — балласт,
Влюбленный лишь в себя
без меры.
И, может, даже не прочтут
Письмо сердечное на троне,
Моих волнений не поймут,
Посланье никого не тронет...
И все ж правительство — не вы,
А мы, не зримые царями,
Мы не склоняем головы
В глазах историй перед вами!

(Михал Васильич, дорогой!
Тревожиться совсем не надо!
Хотя возможен ли покой,
Когда на свете непорядок!
Насчет письма не тратьте сил.
Мы адресатами не нищи.
Его, слыхал я, получил
Бесстрашный Александр
Радищев.
Он произнес хвалу свинцу,
Довольно внятно намекая,
Чтобы по Зимнему дворцу
Прошлась мортира полковая...)

СХВАТКА

Он, обнимавшийся с волною,
Как с яростным гривастым
львом,
Палимый холодом, что зноем,
Сквозь ветер шедший
напролом,
Простой, земной,
обыкновенный,
Он, самый рядовой в ряду,
Сбивавший об утес колена,
Отлично цену знал труду!
Он, помышлявший о высотах,
Чтобы в гостях побыть у звезд,
Мечтавший о воздухолетах,
Поймавший молнию за хвост,
Он, услыхавший рокот гулкий
Подземных благоносных сил,
Где злато, словно бы
в шкатулке,
Которое весь мир копил,
Где, приложив умело руки,
Получишь уголь, нефть, руду,
Он, съевший соли пуд в науке,
Отлично цену знал труду.
Он, распознавший атом-чудо,
Вперед взглянув на сотни лет,
Защитник крепостного люда,
Свидетель всенародных бед,
Был страшен тем, кого, бывало,
С поличным зá руку ловил.
Хлопот им доставлял немало,
За что и был весьма немил.
И как не может побрататься
С врагами честный прокурор,
Так многим, многим
тунеядцам
Не мог быть другом
«злой» помор.

...Заносчивый, надменный
Шлёцер
Пожил в России года два,
Откуда, где и как придется
В тетрадь повыписал слова
И порешил: приспело время
Писать грамматику ему,
Учить невежественно племя
На русском разуму-уму.
Труды, что Ломоносов сóздал,
Назвал работой черновой,
Иначе — кирпичами просто,
Из коих храм построит свой.
И обозвать посмел невежей
Того,
кто был такой один,—
Кто ветром северным и свежим
Прошел по темноте трясин
Гнилых, застойных толкований
В мудреной путанице дней,
Кто разбирался в мирозданье,
Как Шлёцер в комнате своей.

И Ломоносов наш царице
Челом покорно в ноги бьет!
Ее он молит заступиться
Не за себя, а за народ.
Ее он матушкой России
Сегодня называть не прочь,
Дабы ему в года лихие
Пришла бы чем-нибудь помочь.
Не для себя, а для отчизны,
Для завтрашних, грядущих
дней
Согласен претерпеть от жизни
Все омерзительное в ней:
Насмешки, даже униженья
От злобой пышущих врагов,
Стоять согласен на коленях
Перед престолом
бог богов!
Но легче от зимы добиться
Тепла, когда трещит мороз,
Чем снисхожденья от царицы,
Не слышащей мольбы и слез.
Она не матушка России,
Скорее мачеха ее,
В любимчиках у ней другие,
А здешним детям не житье.
И становился взгляд угрюмым,
Суровым и усталым рот.
Михал Васильич чаще думал:
Не сбросишь этот тяжкий гнет.
И тщетно он сгорает в драке,
Напрасны чаянья и труд,—
Умрет он, недруги-собаки
Все думы в клочья разорвут.
И не узнать уже потомкам,
Над чем старался век помор,
Придя с одной худой котомкой
В Москву из дальних Холмогор.

Где отыскать сейчас опору,
Когда пустыня лишь вокруг!
И поросль юная нескоро
Взойдет на поприще наук.
Но чем враги его спесивей,
Тем будет беспощадней он,
Найдет в себе Михайло силы:
Он русскою землей рожден,
Не привыкать с морской
стихией
Вести неравный, долгий бой...
И перед недругом России
Он не поникнет головой!

Из Академии несутся,
Перемежаясь, голоса:
— Невежда вы!
— Гусак вы куцый!
— Петух крикливый!
— Вы лиса!
Слышны любезности из окон,
Здесь брызжут страсти
через край.
И диспут так зашел далёко,
Что хоть водою разливай.
Стремится Тауберт ретивый
Внушить собранью, доказать,
Что «Шлёцер наш
трудолюбивый
Сумел открыть...
Сумел сказать...»
Встает Михайло Ломоносов:
— Да, он по-новому сказал,
Немало разрешил вопросов.—
Невольно притихает зал.—
Он говорит, что слово
«русский»
Произошло от корня
«прусский»,
Такое имя, как«Иван»,—
От скандинавского «Нормáнн»...
Зашевелился даже Миллер,
Таращa в рукопись глаза.
Все недруги главы склонили,
Как будто близится гроза.
— В стране вы без году
неделя,
И нас по-русски обучать!!
А мы, что пришлый
ни намелет,
Хвалы готовы расточать!!
Профессору ответил Шлёцер:
— На мужиков своих кричи!
Раз вам язык свой не дается,
Придется нам вас обучить...
Ему захлопал кто-то справа:
«Под корень Шлёцер
подрубил!»
Еще минута — хлынет лава
Хлопков сиятельных светил.
Но рано кое-кто смеется:
Укрощена мгновенно прыть.
— Вы обучать пришли нас,
Шлёцер,
Прошу на русском говорить!
Скажите, что такое грабли!
Споткнулся у того язык,
На лбу блеснули пота капли,
И на затылок сполз парик.
— Глубокочтимый
председатель,—
Истошно Шлёцер завопил,—
С меня довольно издевательств,
Все слушать не хватает сил!
— Вам, ясно, не под силу
русский,
Тогда прошу сказать,
мой свет,
В латыни, может, вы искусны,
Поскольку вы языковед!
И Шлёцер раздраженным
тоном
Ругаться на латыни стал,
Да так смешно, так искаженно,
Что не сдержался, прыснул зал.
Языковед рванулся к двери,
Михайло прокричал вослед:
— Остановись! Не в полной
мере
Поговорил с тобой, мой свет!
Почем в Швейцарии пушнина!
Почем в Британьи русский лес!
Но Шлёцер показал лишь
спину
И под молчание исчез.

Как после жаркого сраженья,
Михайло ворот расстегнул.
Тут, подбирая выраженья,
К нему подвинувши свой стул,
Заговорил слащаво Миллер:
— Ошибся в человеке я.
В глаза мне подпустил
он пыли,
Не скроешь... Были с ним
друзья...
Он приносил моей супруге
Гвоздики по воскресным дням..
— Что ж не печетесь вы
о друге!
Вступиться надо было б вам!

ГОСТЬ

Калитку дергал за кольцо
Мужик угрюмый с палкой
толстой.

Хозяйка вышла на крыльцо,
Худая, небольшого роста.
— Я к Ломоносову пришел!
Слова хозяйка подбирая,
Сказала: — Можно... Хорошо...
Земляк! Из одного с ним края!
Войдите! — пригласила в дом,
Засуетилась хлопотливо:
— Мы тоже вот Михайлу ждем,
Садитесь... А хотите пива! —
И кружку пенную на стол.
Гость отодвинул угощенье,
Мол, нешто я к тебе пришел!
Она зарделась от смущенья.
Он мрачно размышлял о ней:
«Уставила свои гляделки...
Не хочется на вас, чертей,
Смотреть за ваши все
проделки!
У иноземцев курс один,
Вы скреплены единой
кровью,
Наверно, будешь до седин
Михайле подрывать здоровье...
Какого человека вы
Презреньем окружили, злобой!
Такой разумной головы
По свету поищи, попробуй!»

Хозяин показался тут,
Ногами тяжело ступая:
— Меня здесь, Лиза, гости
ждут!
Ах, боже, радость-то какая!
Никак земляк, Иван Шубной!
(Друзья тотчас расцеловались.)
— Ты все такой же молодой,
Как будто мы не расставались!
— А ты немножечко устал...
Не помнишь о здоровье, Миша!
— Нет, старина, я старым стал,
Считай, уже в отставку вышел...
Из комнаты другой внесла
Жена с подошвой мягкой
обувь.
— Ну, как живешь! Ну, как
дела!
Что ж пиво ты не пьешь!
Попробуй!
— Михайло, знаешь, дело
есть...—
Шубной — на стол рисунков
гору.
— А ну-ка, что мы видим
здесь!
Ах, ночью белой Холмогоры!
Да это ж здорово, гляди...
Кто мастер!
— Мой Федот[1]... Годится!
— Давай ко мне его веди!
— За тем-то и пришел
в столицу.

За часом минул час второй,
Поморы юность вспоминали,
Пускай несладкую порой,
Но разве помнятся печали!

[1] Федот Шубин — в будущем великий скульптор.

Ладонью бороду утер,
Заговорил Шубной лукаво:
— Дошла до нас,
до Холмогор,
Твоя, Михал Васильич, слава.
Не любишь будто, говорят,
Ты академиков нерусских.
— Откуда взял ты это, брат!
Ужель такой мой разум узкий!
И нешто Рихман был врагом!
А кто его сирот пригрел!
Для них родимым стал мой
дом,
Не чувствуют сиротства дети!
А разве Эйлер — ворог мой!
Когда б не он, меня б не знали,
Пожалуй, и в стране родной.
...Тепловы, Шлёцеры едва ли
Сказали б про мои труды,—
Они их заживо хоронят,
Молчат, набравши в рот воды,
Хулы, и той ведь не проронят,
Чтоб безопаснее пастись
В моих замолчанных
открытьях,
И кормятся чужим всю жизнь.
Могу ли этот сброд любить я!

Ну, а моя, Иван, жена!
Мне вовсе с ней не одиноко,
А ведь не русская она!
Взгляни, состарилась до срока...
Подумай хорошенько сам,
Нетрудно в этом разобраться:
Я только бью по подлецам
И никогда по чужестранцам.
И если уж пошло на то,
Я ль нападаю! Я в защите!
Ведь я один, а против — сто.
Стать на колени! Нет,
простите!
Избави бог! Они за это
Тебя преследовать начнут,
Начнут тебя сживать со света,
И мало что поможет тут.
В ход бросят все вооруженье;
Подкоп, подсиживанье, лесть,
И каждое твое движенье
Сумеют с точностью учесть.
А спайка: все за одного,
Один — за всех... Тягайся
с ними!
А ты посмотришь — никого,
Кругом бездушная пустыня.
Руки тебе не даст Теплов,
Перебежал он в лагерь вражий.
Такой тебя продать готов,
Назвать врагом отчизны даже!
Где взять поддержку нам,
ну где!
Тредиаковский осторожный
Не станет помогать в беде:
«В опалу угодишь, возможно!»
И нас поодиночке бьют.
Притом,
кому черед не вышел,
Они с тем пиво вместе пьют,
Спят под одной
по-братски
крышей...
— Зачем их только
Петр Великий
Сюда завез! — сказал
Шубной.—
Отдал в полон иноязыким
Народ не чей-нибудь, родной!
— Те иноземцы не такие.
Они хотели всей душой
Не вставшей на ноги России
Помочь вступить на путь
большой.
Тем надо памятники ставить
За бескорыстный, честный
труд.
Не пожалели те оставить
На благо русских сердце тут.
Но по тому святому следу
Направили свои стопы
Другие, уж не то, что деды,
До крови жáдны, что клопы.

Великий русский мой народ,
Да не отдай бразды правленья
Тому, кто в этот край идет,
Оставив отчие владенья,
«На ловлю счастья и чинов...»

«НЕТ, ВЕСЬ Я НЕ УМРУ...»

Лежит он в стиранной сорочке...
А за окном бурлит апрель,
И слышно, лопаются почки,
Секундам счет ведет капель.
Глаза закроет — мерно, валко
Качает, будто бы волной,
Дремоту навевает прялка,
Жужжит, как улей, за стеной...

Больной откинул одеяло,
Прохладой осушило лоб.
Едва минута миновала,
Опять озноб, опять озноб...
И снова пульса перебои,
В глазах рябит от темноты.
Я знаю, сердце, что с тобою,
Я знаю, как устало ты...
Ты словно раненая птица,
И тяжело поднять крыло.
И как еще ты можешь биться,
Ведь ты давно сгореть могло!

Чредой проходит год за годом
Неравной, длительной борьбы
Во славу русского народа,
За торжество его судьбы.

А у ворот у Воскресенских
В литавры били в этот час:
Для празднеств основанья
вески,
В Москве такое первый раз.
Открытье университета
Проходит в праздничной
Москве...
И чуть не с самого рассвета
Скворцы резвятся в синеве.

...Ученые в нарядах строгих,
Ученики из Спасских школ
И гости, только что с дороги,
Иной с десяток верст прошел.
В неловких зипунах крестьяне,
Проездом бывшие в Москве,
Судили издали собранье,
Расположившись на траве.
Все: и купец, и даже нищий,—
Не пропустили торжества.
Блестели в дегте голенища
В тот ясный день
у большинства...

С фасадных стен изображеньем
Шувалов сверху вниз глядел,
Желал успешного ученья,
Усталый от забот и дел.
Как будто русский храм науки
Обдумал он и основал,
И должен славить стар и мал
Его натруженные руки.

И гордая стояла здесь
Семья ученых Петербурга:
Теплов, раззолочённый весь,
Шумахер с Таубертом юрким.
Но только не было того,
Кто в жизни с самого начала
Не для кармана своего,
Не для того, чтобы звучала
В устах фамилия его,
Мечтал о том, когда в народе
Потухнет раболепья страх,
И сил, которых не находим,
Найдем мы в мудрых букварях,
И будет виден свет России
За тридевять земель вокруг!
И вот его не пригласили
На торжество. Забыли вдруг.
Хотя бы, что ли, ради жеста
Высокий пригласил совет
Его, наметившего место,
Где встанет университет,
Какие в окнах будут рамы,
К тому же цветники везде,
Какие надобны программы
И факультет какой и где...
Его, кто обивал пороги
Шувалова, прося, моля,
Чуть ли не кланяясь в ноги:
Мол, просит русская земля,
Похлопочите пред царицей,—
Науки красят бытие,
Могу, хотите, помолиться
За ваше здравье и ее!
...Забыли вдруг, не пригласили.
И, может, сердце оттого
Все реже бьется, обессилев,
Не упрекая никого.

— Поповский, говоришь,
какой-то!
Впусти же, Лизанька, скорей!
Да створку, наконец, открой ты,
Я не простыну, вот ей-ей!

Садись, Николенька,
спасибо,
Не забываешь старика...
Печален ты! Стряслось
что-либо!
Иль просто из-за пустяка!
А, понимаю... Что ж ты это!
Еще настанут времена,—
Не только университетам
Присвоят наши имена.
Всё на Руси, где сердца
пламень,
Где вложен жар моей души,
Всё, всё содеянное нами,
Как нашу славу ни души,
В веках за нами остается
Недоброхотам на беду,
Уже в столетиях поется
Гимн беззаветному труду.
Не складывай, Никола, руки
И сей добро — оно взойдет!
И с благодарным словом внуки
Пожнут его в какой-то год.
Лишь тем я нынче озабочен:
Вдруг мой живой, горячий труд
Глупцами будет позолочен,
Его «святыней» понесут,
Хвалы безмерно расточая,
И несогласных всех со мной
В особый списочек включая
Иль обходя их стороной!!
Хочу я, дорогие люди,
Чтоб спорили со мной всегда!
Пускай уже меня не будет,
Вы спорьте, это не беда!

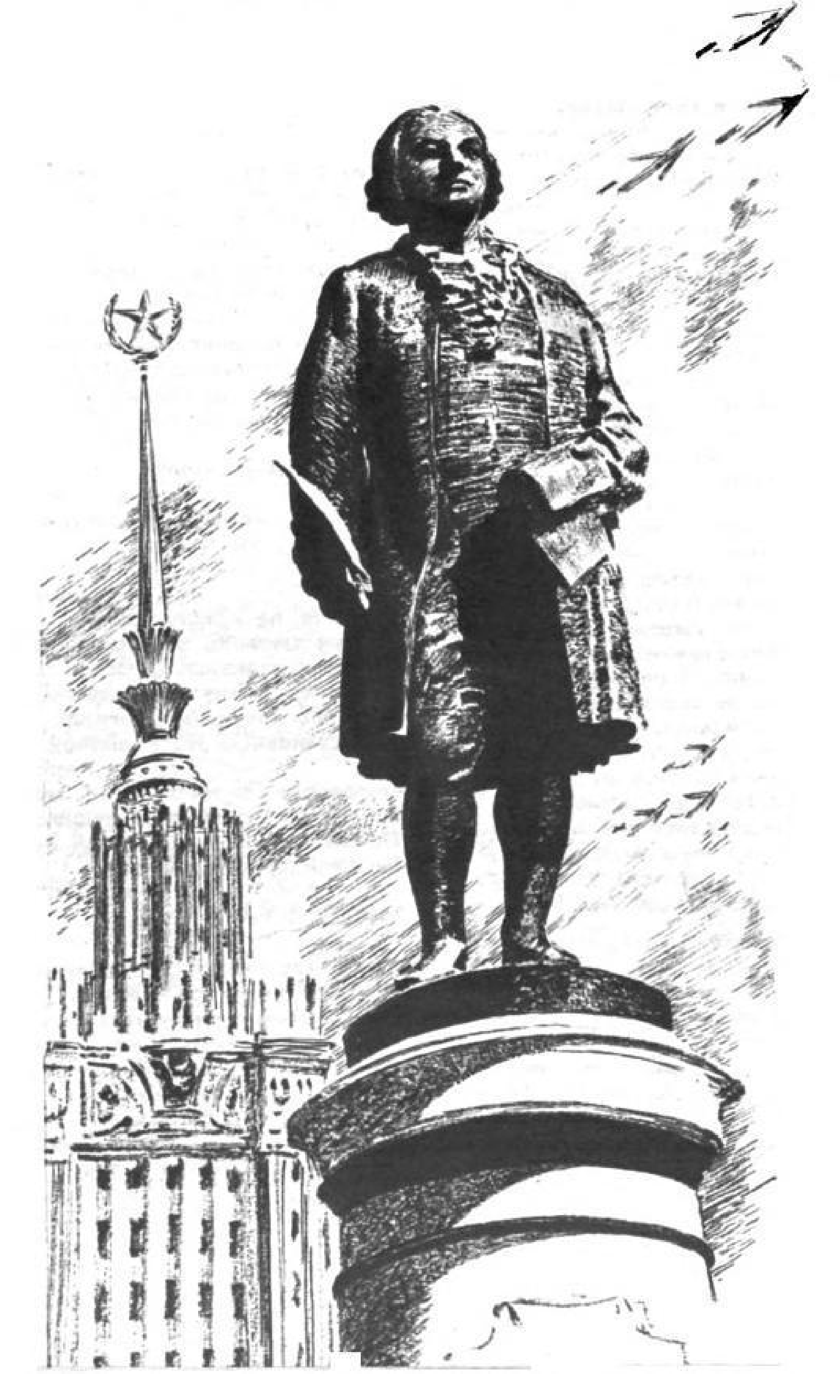
Сверкают мраморные грани,
Купаясь в утренних лучах.
Возвысилось, как сказка,
зданье
На тихих Ленинских горах.
А горы издали — подкова,
Что опоясала Москву.
Гордится дом красой суровой,
Звездой прорезав синеву.

Сюда вошли якут и немец,
И для француза вход открыт,
Здесь и рыбак с Янцзы, что
пенясь,
Обняться с Волгой норовит.
Как всенародный дружбы
слиток,
Сияет университет.
И в даль, что сумраком
покрыта,
Он посылает мирный свет.
А ночью смех и фейерверки,
И в платьях пестрых, как цветы,
Недавнишние пионерки,
Своей стесняясь красоты,
Идут студентки...
И веселье
Не смолкнет до утра теперь.
Сегодня праздник — новоселье,
Распахнута радушно дверь,—
Открытье университета,
И трубы медные поют,
В ответ в летах минувших
где-то
Литавры голос подают.

И он, тогда не приглашенный,
Пришел сюда издалека,
Стоит
родной,
живой,
влюбленный,
Над ним проходят облака...

Он встал на площади, как
слепок
Судьбы народа моего,
Что в счастье сдержан, в горе
крепок,
Не тронь — не тронет никого!

1950—1955

Голубое созвездие Куры

И. МЕСХИ

Фото В. Джейранова.

На стыке среднего и нижнего течения Куры, где она прорезает хребет Боздаг, в минувшей пятилетке вступил в строй самый крупный в Закавказье Мингечаурский гидроузел.

Намывная мингечаурская плотина поднимается на высоту 87 метров. Разлученные Курой холмы Боздага соединились.

Мингечаурское «море» разлилось за плотиной так широко, что стало догонять по размерам озеро Севан. В это «море» должны поместиться полторы Куры. Оно еще не заполнено, поэтому не все турбины работают на полную мощность. Энергия идет пока только на Апшерон, сумгаитским алюминщикам, руставским металлургам. В этом году ее получил и соседний, Евлахский район. Строятся линии передач в винодельческий Агдам, в город шелка — Нуху. Много энергии затребует скоро и сам Мингечаур, новый город Советского Азербайджана.

Трудно поверить, что город этот насчитывает всего несколько лет. По вечерам весь он залит огнями. Ярко светится Дом культуры. В городе две средние школы, музыкальное училище. На улицах растут деревья, переселенные из затопленного Самухского леса. Работает завод сельскохозяйственных машин.

В шестой пятилетке в Мингечауре будет введен в действие хлопчатобумажный комбинат.

Город стоит в центре хлопкосеющей прикуринской полосы, и полоса эта расширяется: гидроузел дает воду Кура-Араксинской низменности и Ширвани. В этом году уже действующий магистральный Верхне-Карабахский канал добросит мингечаурские воды до самого Аракса. Строятся магистральный Верхне-Ширванский канал, оросительные и дренажные сети. В ближайшие годы будет возвращено к жизни около миллиона гектаров опаленных зноем, густо просоленных земель.

На помощь Мингечауру придет Варваринский энергетический гидроузел, возникающий ниже по реке. После того, как вода отработает на турбинах, Варвара̀ пошлет ее в степь по трем магистральным каналам: Нижне-Карабахскому, Главному Ширванскому и Нижне-Ширванскому.

Свыше года мощный земснаряд гонит по пульпопроводу грунт со дна Куры в евлахский ахмаз.

Ахмаз — это староречье, яма с застойной водой. Долина нижней Куры вся в таких ахмазах. Река здесь сильно петляет, русло приподнято песчаными наносами, и во время паводка Кура переливается, затопляет берега, губит посевы, заболачивает местность. Тысячи колхозников в горячую весеннюю пору отрывались от дел на обвалование берегов. Многих косила малярия.

Мингечаур покончил разом со всеми проделками Куры. Плотина отрегулировала сток воды в реке. Хлопкоробы могут работать спокойно. Евлахский ахмаз засыпают. На этом месте будет разбит парк.

Мингечаур помог и Куринскому пароходству. Уровень воды обеспечит теперь нормальный грузооборот из Каспия до Евлаха.

Исчезает и страшный бич этих мест — малярия.

В шестой пятилетке на экономической карте появится еще одна голубая звезда — условный знак гидроэлектростанции: начнет строиться ГЭС на Куре — Акстафинская.

Акстафа — небольшой хлопкосеющий район Азербайджана — полна сейчас геологами, гидрогеологами, топографами, горняками. Здесь производят съемки, бурят скважины, закладывают шахты и штольни. Скоро придут люди, покинувшие плотину Мингечаурской ГЭС. Акстафинская плотина будет чуть ниже ее, но зато почти в три раза длиннее. Водохранилище большой емкости напоит плодородные почвы Кировабад-Казахского массива, на котором появятся новые хлопковые плантации, сады и виноградники.

Все эти станции вместе со старейшей на Кавказе электростанцией ЗАГЭС и с двумя новыми грузинскими электростанциями, ЧитахевГЭС и ОртачалГЭС, составят большое голубое созвездие самой крупной в Закавказье реки.

На строительстве Варваринского энергетического гидроузла.

Мингечаур. Ночью у Дома культуры.

У ДЕЖУРНОГО ПО ГОРОДУ

К вечеру все чаще звонят телефоны в комнате дежурного по городу. Слева — подполковник милиции Н. Я. Петров, справа — заместитель дежурного майор милиции П. Ф. Волохов.

←

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. ТИХАНОВА.

ГОЛОСА В ТЕЛЕФОННОЙ ТРУБКЕ

Нас стало семеро, не считая Джека, старой овчарки, которая мирно лежит в углу и не сводит глаз со своего проводника Петра Максимова, немолодого уже человека, работающего в столичном уголовном розыске со дня возвращения из армии.

Теперь нас, двух корреспондентов, включили в оперативную группу, и в случае происшествия мы выедем на место действия вместе с работником угрозыска, следователем, экспертом, врачом и проводником служебно-розыскной собаки. Вот нас и будет семеро.

А пока мы сидим в небольшой комнате на Петровке, 38, у дежурного по городу.

Сейчас полдень. Нам придется долго пробыть здесь: пока серьезных происшествий нет. Их можно ожидать к вечеру, а то и глубокой ночью.

Конечно, и сейчас звонят телефоны и вспыхивают сигнальные лампочки на коммутаторах. Со станции скорой помощи сообщают, что машина выехала к Кировским воротам: какой-то мужчина упал без чувств. Взволнованный женский голос просит разыскать затерявшегося в городской сутолоке семилетнего Володю, а вскоре из отделения милиции доносят, что найден заблудившийся мальчик семи лет, «назвавший себя Володей». Квартирная склока завершилась тем, что соседка обварила соседку кипятком, и об этом стало известно в нашей дежурной комнате. Кто-то разыскивает брата, которого нет уже второй день, а вот возбужденный голос спрашивает, как быть с заблудившейся лошадью. Оказывается, она уже вторые сутки как перешла на милицейский паек, и никто не интересуется ее судьбой. Тут даже видавший виды дежурный стал в тупик.

Время тянется медленно. Подполковник милиции Николай Яковлевич Петров успокаивает нас, что происшествия, вероятно, все-таки будут, хотя в первые дни недели обычно тихо. Он предлагает почитать на досуге журнал «Советская милиция». Перелистывая один из номеров, узнаем, что в США в этом отношении гораздо оживленнее: в 1955 году там совершено 2 255 тысяч тяжелых преступлений. У дежурного по Нью-Йорку мы не сидели бы без дела...

К вечеру все чаще звонит телефон. Зарегистрирован хулиганский поступок: кто-то с верхнего этажа бросил на улицу бутылку из-под водки и угодил в прохожего. В квартире милиционер застал, однако, мирную картину: друзья распивали... молоко. И хотя от них разило вином на километр, они утверждали, что «в рот не брали». Экспертиза уличила «любителей молока».

Но вот подполковник Петров отдает команду:

— Оперативная группа — к выезду!

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Мы мчимся на синей машине с красной полосой и надписью: «Милиция». Водитель держится середины улицы, гудок сирены открывает нам светофоры. Задержан поток машин, и наша «Победа» резко поворачивает с Колхозной площади на 1-ю Мещанскую.

Ограбление совершено вблизи Рижского вокзала. Жертвой стал приезжий из города Нелидово В. Д. Галактионов.

←

На месте преступления в подъезде дома возле Рижского вокзала. Сотрудники уголовного розыска собирают вещественные доказательства.

Он сидит перед нами, окровавленный и потрясенный. И тут же мы видим двух молодых, здоровых парней. Это грабители.

— Что ищешь, папаша? — спросили они, завидев Галактионова, остановившегося в раздумье.

— Магазин одежды, костюмчик себе купить хочу...

— Это можно! Деньги есть? Мигом устроим!

Каким наивным простаком оказался нелидовский слесарь! Он доверился неизвестным ему людям... А они обманом завели старика в подъезд дома и внезапно ударили кирпичом по голове. Галактионов сопротивлялся, но грабители успели выхватить у него из кармана 800 рублей и бросились бежать.

— Стой! — раздались властные окрики, и трое милицейских работников стали преследовать преступников.

Работник угрозыска Николай Романенко, старшина Василий Кургузов и старшина Василий Трофимов уже следили за шатавшимися без дела молодыми людьми, которые заходили в магазины, втирались в толпу у прилавков.

В отделении милиции грабителей сразу признали: старые знакомые! Они уже бывали здесь неоднократно. Виктору Бурыкину всего 26 лет, но он не работает. Еще моложе Вячеслав Букреев.

ДЖЕК ТЕРЯЕТ СЛЕД

Наша синяя с красной полосой машина несется на Каляевскую, где совершена кража. Идет сильный ливень с грозой, и, хотя всего десятый час вечера, на улице темно и пустынно. Дождем и воспользовались преступники. Они проникли в квартиру первого этажа через окно, выходящее на задний, глухой двор.

Автомобиль затормозил у ворот. Эксперт О. Ю. Пересункин несет свой чемодан, в котором содержится все необходимое для работы, начиная от лупы и кончая стамеской. Петр Максимов ведет Джека. Возьмет ли он след в такую погоду? Джек — известная розыскная собака. Ей уже десять лет, и ее похождения даже описаны криминалистами. Джек раскрыл кражу в мастерской Военторга и нашел преступника на чердаке семиэтажного дома, где тот спрятался в глубине вентиляционной трубы. Недавно собака указала на убийцу женщины. Джеку, впрочем, не пришлось далеко ходить: это был сосед по квартире.

В комнатах, где произошла кража, все сохранено в таком виде, как оставили преступники. Им, вероятно, помешали, и они ограничились одним чемоданом: впопыхах выкинули лежавший там пылесос и засунули в чемодан вещи из шкафа.

— След! — скомандовал Максимов.

Собака вздрогнула и бросилась обнюхивать предметы в комнате. Уткнувшись носом, она искала след, подходила к окну и возвращалась обратно к шкафу. Потом рывком вскочила на подоконник, прыгнула во двор. Это был темный и захламленный закоулок. Максимов последовал за своим питомцем, повторяя время от времени: «След! След!» Собака рванулась в подворотню. Она обходила освещенные места, держалась в тени, бежала вдоль высокой каменной стены. Логично рассуждая, именно этим путем мог бежать преступник. Максимов едва поспевал за собакой. Закоулками она вывела его к проходу во внутренний двор. Здесь на пути ее разлилась широкая лужа. Собака заметалась из стороны в сторону, задрожала и жалобно завыла. Она потеряла след...

Несколько раз Джек возвращался к луже, но дальше не шел. А ливень продолжался с еще большей силой.

Максимов повел собаку по темным уголкам огромного многокорпусного дома, поднялся с ней на чердак и обшарил его, надеясь наткнуться на краденые вещи, которые воры нередко прячут в укромных местах. Джек больше не нападал на след. Ливень лишил собаку ее замечательных качеств.

Между тем в комнатах шел тщательный осмотр. Олег Юрьевич

Пересункин разложил на столе орудия своего производства: стеклышки, пластилин для взятия слепков вмятин, краски, кисточку. Он искал следы пальцев преступников, тщательно осматривал стекла и рамы.

— Есть! — облегченно вздохнул он и начал снимать оттиск оставленного следа.

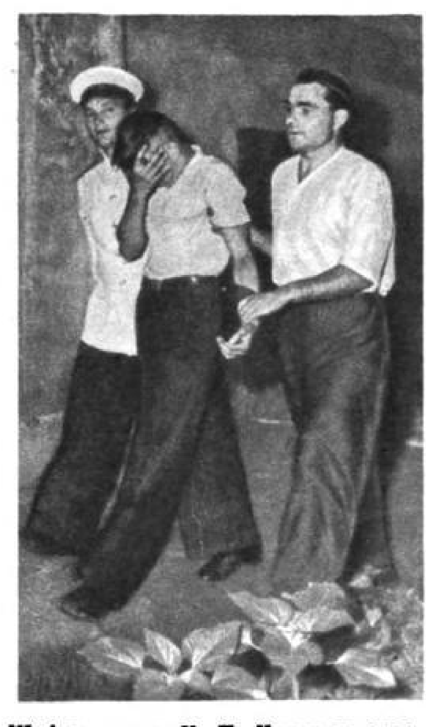
Потом эксперт принялся за обследование пылесоса, который, несомненно, побывал в руках воров. И, действительно, на металлических трубках отчетливо отпечатались их потные пальцы.

Кража не была раскрыта немедленно, но узел завязан, и по нему работники уголовного розыска ведут расследование.

...Много разнообразных лабораторий помогают работникам уголовного розыска находить преступников. Вот над круглым вертящимся столом склонились две женщины. Над ними висит большая бестеневая лампа, какие применяются в операционных. Н. А. Губанова — врач. Ее соседка Н. А. Лаврова — биолог. Нет, здесь не хирургический кабинет. В этой лаборатории производится исследование вещественных доказательств. Рубашка, которая лежит на столе, принадлежит хулигану. На ней пятна крови. Чья она? Не жертвы ли его? Возможно, что кровавые пятна раскроют нечто большее, чем хулиганство...

ТУФЛИ СТОПТАНЫ ВОВНУТРЬ

И нам рассказали о том, как лаборатория помогла раскрыть крупную шайку грабителей. В течение короткого времени в разных районах города было совершено несколько дерзких ограблений, в том числе народной артистки СССР Александры Александровны Яблочкиной. Во всех грабежах чувствовался единый «почерк» опытной шайки. Хотя розыск преступников велся настойчиво и в

Шофер такси И. П. Ивлев и старшина милиции П. П. Кожевников ведут «кавалера» из Центрального парка, пойманного с поличным. Он усиленно прячет лицо от фотоаппарата.

разных направлениях, все же не давал результатов. Правда, на базе скупленных вещей было найдено краденое платье, но обнаружить, кто его продал, не удалось: он скрылся под вымышленной фамилией. И вдруг в одном из скупочных магазинов задержали молодого человека, продававшего туфли.

— Чьи они?

— Матери.

Работник уголовного розыска С. В. Дерковский заметил, что туфли имеют характерный износ каблуков — вовнутрь. Именно на это обратила внимание милиции ограбленная недавно женщина.

Пришлось пойти к матери молодого человека, продававшего туфли. Она утверждала, что это ее туфли. Призвали на помощь экспертов, установивших, что и молодой человек и его мать говорят неправду. Так начали разматывать клубок преступлений.

На чердаке дома, где жил задержанный, нашли несколько чемоданов с крадеными вещами. Потом попались и главари шайки, воры-рецидивисты Василий Малютин и Константин Дубов, известный в воровском мире под кличкой Дубок. Его поймали в тот момент, когда он, одетый под мастерового, пришел к своему агенту с корзинкой в руках. В корзинке оказались воровские инструменты, в том числе «фомич» — орудие взлома, оставившее далеко позади примитивную «фомку». Под скромным внешним видом скрывался отъявленный преступник.

Были в шайке и скупщики краденого, и агенты, выезжавшие для продажи вещей в другие города, и наводчики, выискивавшие очередную жертву, сновавшие для этого по клубам, завязывавшие знакомства с артистами, писателями. Участником шайки была и некая Маргарита, завсегдатай ЦДРИ, которая и навела бандитов на квартиру известной советской актрисы.

Похищенные у А. А. Яблочкиной старинные часы нашли на улице Герцена у портного К. В. Щербанова, оказавшегося главным продавцом краденых вещей. Золотые часы взял себе Дубов. Дарственную надпись он стер, но оставил номер часов. А у Александры Александровны случайно сохранился с 1914 года счет от фирмы Павел Буре. Номер сошелся: 139 483.

У преступников отобрали краденых вещей почти на двести тысяч рублей.

Так от простой пары женских туфель протянулась ниточка к опасной шайке грабителей.

КАВАЛЕР ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПАРКА

Уже поздней ночью оперативная группа снова выехала на происшествие. Было около двух часов, когда автомобиль повез нас в район Центрального парка культуры и отдыха имени Горького. И вот что мы узнали.

Шофер такси Иван Прокофьевич Ивлев, потерявший, вероятно, надежду найти пассажира и мирно дремавший в столь поздний час, вдруг заметил, что молодой человек, стоявший с девушкой на тротуаре, неожиданно бросился бежать и на ходу вскочил в трамвай, направлявшийся к Крымской площади.

Его спутница тоже побежала за вагоном, крича:

— Остановите! Остановите!

Видя, что она не в силах задержать трамвай, девушка беспомощно опустила руки.

Ивлев быстро завел машину и подъехал к ней.

— Что случилось? — спросил он.

— Мои часы...— только успела она сказать и села в машину.

Ивлев погнался за трамваем. Увидев это, молодой человек выскочил из трамвая и бросился бежать по Метростроевской улице. К преследователям присоединился старшина милиции Петр Петрович Кожевников. В общем, на том же самом такси молодого человека доставили в отделение милиции. Документов у него не оказалось. Если верить его словам, он два дня назад приехал в Москву из Харьковской области и зовут его Владимиром Ивановичем Лебедевым. Так ли это, будет проверено милицией. Нас же интересует другое: что произошло между молодыми людьми.

Восемнадцатилетняя шлифовщица Московского автозавода имени Лихачева Зоя М. гуляла в парке со своей подругой. К ним подошел молодой человек; знакомство завязалось легко и просто. Кавалер был весел и галантен. Вдвоем они проводили подругу и остановились вблизи дома Зои. Беседа протекала мирно. Вдруг кавалер попросил:

— Дай часики примерить...

Ничего не подозревавшая Зоя отдала ему свои золотые часы. Он надел их на руку.

— Теперь часы мои!

Она приняла это за шутку.

— Отдай...

— А если я прирежу,— сказал он, доставая нож.

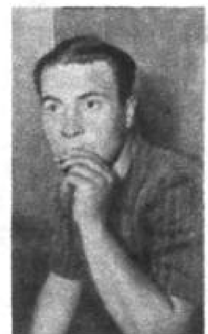
Зоя все еще не верила такому превращению.

— Ну... отдай...

— А если я задушу?— он уже шел по направлению к трамваю.

Остальное известно. В кармане кавалера нашли зоины часы, которые снова вернулись к ней благодаря бескорыстной помощи шофера Ивана Ивлева и бдительности старшины Петра Кожевникова. А молодая девушка будет, вероятно, более осмотрительна в выборе знакомых...

Уже светало, когда милицейская автомашина привезла нас обратно в дежурную комнату. Город спал. Реже звонил телефон, и реже зажигались сигнальные лампочки на настольном коммутаторе...

Эти молодые люди ограбили приезжего из Нелидова: Виктор Бурыкин и Вячеслав Букреев не впервые задерживаются органами милиции.

Джек идет по следу. Сзади проводник П. А. Максимов.

Группа работников угрозыска на квартире, где совершена кража. Старший эксперт О. Ю. Пересункин ищет следы пальцев преступников на оконном стекле.

В лаборатории научно-технического отдела Н. А. Губанова (справа) и Н. А. Лаврова исследуют вещественные доказательства.

Писатели и книги

Павел Антокольский

В день шестидесятилетия Павла Антокольского от всего сердца приветствовали его многочисленные читатели, друзья, поздравляя поэта с награждением орденом Трудового Красного Знамени.

Талантливый представитель старшего поколения советских поэтов, Павел Антокольский находится в расцвете творческих сил и попрежнему радует нас образностью поэтического слова, молодостью и свежестью восприятия жизни, значимостью поднимаемых тем.

Первая книга стихов Антокольского вышла в свет в 1922 году и сразу привлекла внимание читателей. Им была близка революционная романтика, чистое дыхание которой живет в стихах Антокольского, их привлекало стремление поэта к философским обобщениям, их радовала высокая культура стиха. В большом коллективе советских поэтов, где много поэтов «хороших и разных», Антокольский с самого начала литературной деятельности занял по праву принадлежащее ему видное место.

В начале литературной деятельности Антокольский много работал над историческими темами. Его особенно интересовали переломные эпохи, он воссоздал в своих произведениях волнующие картины Французской буржуазной революции конца XVIII века, Парижской Коммуны. В драматической поэме Антокольского перед нами предстал трагический образ Франсуа Вийона.

В тридцатых годах Антокольский все смелее обращается к темам современности. Его вдохновляет великая победа советского народа — строителя социализма, он взволнованно пишет о новых людях, о нашей эпохе.

С особой силой раскрылось дарование Антокольского в годы Отечественной войны. В суровую военную пору он создает поэму, посвященную памяти сына, погибшего на фронте смертью храбрых. Написанная с большим эмоциональным подъемом, поэма стала одним из наиболее значительных произведений советской литературы военных лет.

Велико значение работы Антокольского над поэтическими переводами. Блестящий представитель советской школы поэтического перевода, он много сделал для дружбы братских литератур нашей страны.

Виссарион САЯНОВ

Повесть о мечте

Иван Панькин

Начало одной жизни

Всю жизнь мальчик мечтал о море, широком и привольном, как небо. Мальчика звали Ваня Остужев, родился он в глухой мордовской деревушке в первые годы Советской власти. Он мечтал о море.

Но прежде чем мальчик увидел море, он много испытал: нянчил ребенка у торговки-нэпманки, работал в цирке, затем кочевал с беспризорниками по стране, пока не попал в трудовую колонию, где впервые почувствовал радость труда. После долгих странствий увидел море.

И когда ванин попутчик Сережа скинул с ног драные ботинки, собираясь полоскать в море грязные портянки, Ваня закричал:

— Не смей этого делать! Не смей! — и затем добавил: — Нельзя в такой красоте полоскать портянки...

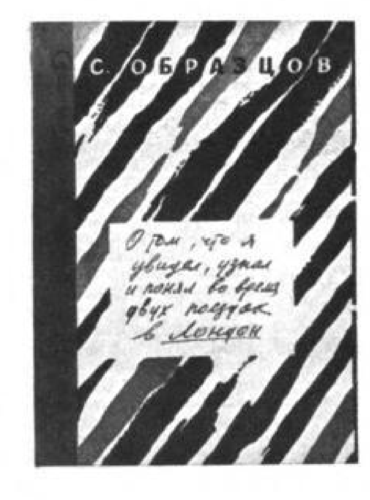
Мечта о море, красивом и чистом, у Вани Остужева связывалась с мечтой о светлой жизни.

Обо всем этом рассказал Иван Панькин в автобиографической повести «Начало одной жизни». Она очень цельная, эта книга, первая книга Ивана Панькина. Непритязательная повесть о трудном детстве, о человеческой мечте волнует своей поэтичной простотой.

Г. ЕРЕТНОВ

Иван Панькин. Начало одной жизни. Повесть. Новосибирское книжное издательство. 1956. 215 стр.

«НАДО БОЛЬШЕ ЗНАТЬ ДРУГ ДРУГА, ЛЮДИ, БОЛЬШЕ!..»

Эта, в сущности, очень простая и мудрая мысль М. Горького, высказанная им почти полвека назад,— эпиграф к чудесной книге С. Образцова «О том, что я увидел, узнал и понял во время двух поездок в Лондон»,— определяет главное в ней. С этой мыслью С. Образцов отправился в Лондон, взялся за перо, она направляла объектив его фотоаппарата.

Впервые попав вместе с Образцовым в Лондон, мы знаем о городе столько же, сколько и автор книги. Перед нами с самого детства тоже маячил средневековый Лондон «Принца и нищего», город Оливера Твиста и Пикквика, город Форсайтов. Но вот мы ходим по сегодняшнему городу, стоим у ярких витрин магазинов, листаем книги, смеемся на праздничном базаре, где веселятся «кокни» — жители Ист-Энда, отдыхаем на траве Гайд-парка, слышим в тишине и безлюдье ночного Лондона бой часов Биг Бена и чувствуем: без того, что рассказал о Лондоне С. Образцов, читатель его книги уже не сможет представить себе столицу Великобритании.

В том, что рассказывает всякий истинный художник, наверное, нет незначительных фактов. Впрочем, может быть, незначительное показывается им с такой неожиданной стороны, что становится существенным. Детские игрушки и уличные музыканты, смена королевского караула у Букингемского дворца и руины разрушенных войной зданий, которых особенно много в Ист-Энде; лебеди, плавающие в каждом пруду, и прыгающие огни реклам магазинов, театров, мюзик-холлов... А палка в одной из комнат двухэтажного дома на старинной улице маленького городка Стратфорда-на-Эвене — палка-приспособление, с помощью которой четыреста лет назад учился ходить мальчик по имени Вильям Шекспир?.. Палка, «вокруг которой топали маленькие босые ноги Шекспира»!..

И, закрывая эту прелестно изданную «Советским писателем» книгу Образцова, оформление, рисунки и фотографии которой выполнены автором, повторяя вслед за ним:

Гуд бай, мистер Ланди!
Ай хоуп ту си ю эгейн!
Я надеюсь увидеть тебя
еще раз! —

мы не сомневаемся, что такие встречи станут теперь более частыми.

Ф. СВЕТОВ

С. Образцов. О том, что я увидел, узнал и понял во время двух поездок в Лондон. «Советский писатель». 1956. 212 стр.

Уэллс в СССР

Утром 22 июля 1934 года москвичи встречали известного английского писателя Герберта Уэллса. Самолет прибыл в 8 часов 10 минут. Кинооператоры «Союзкинохроники» обратились к Уэллсу с просьбой сказать несколько слов для звукового киновыпуска. Улыбаясь, Уэллс говорил в микрофон: «Ленин во время нашей встречи в 1920 году сказал мне: «Приезжайте через десять лет и тогда посмотрите нашу страну». Прошло четырнадцать лет, но я всетаки приехал».

Во время первого своего пребывания в Советской России Герберт Уэллс познакомился с жизнью Советского государства. Он встречался и разговаривал с В. И. Лениным, был у А. М. Горького и И. П. Павлова, знакомился с постановкой школьного образования. «К 1920 г. Россия представляла собой еще невиданную картину современной цивилизации, находящейся в состоянии полнейшего упадка. Железные дороги ржавели и постепенно выходили из употребления, города разрушались»,— отметил Уэллс в своей записной книжке. Писатель в то время не поверил в реальность ленинского плана преобразования России.

Спустя четырнадцать лет Уэллс снова приехал в нашу страну. Теперь он воочию убедился в реальности ленинской мечты, увидел грандиозные преобразования во всех областях хозяйственной и культурной жизни страны. Вместе с Уэллсом приехал его сын — профессор зоологии Лондонского университета.

Герберт Уэллс всегда интересовался работами ученых. «Павлов производит исследования, удивительные по своему масштабу и остроумию, над умственной жизнью животных»,— говорил писатель в 1920 году. И во время своего второго приезда в СССР он опять был гостем И. П. Павлова.

Малоизвестные фотографии, помещаемые здесь, публикуются по материалам Центрального государственного архива кинофонофотодокументов СССР.

В. ЗЕМСКОВ,
Ю. ХОДЖАЕВ

Герберт Уэллс с сыном на аэродроме.

Герберт Уэллс в гостях у Ивана Павлова.

А. Ромодановская. МОСКВА, КРЕМЛЬ. «ИВАН ВЕЛИКИЙ».

ЦАРЬ-ПУШКА.

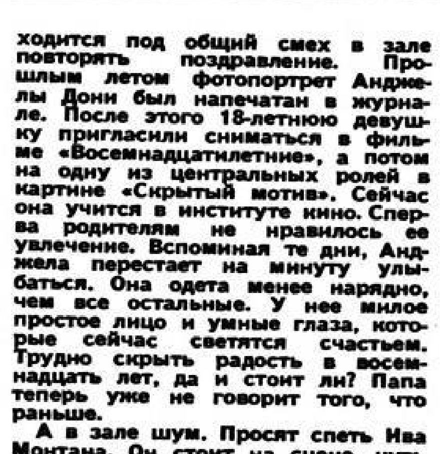
А. Ромодановская. УСПЕНСКИЙ СОБОР.

НА СОБОРНОЙ ПЛОЩАДИ.

Встречи за кадром

Андрей НОВИКОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

В жюри конкурса: Симона Синьоре, Ив Монтан, Джузеппе Де Сантис.

В замке Сант Анджело тихо. Здесь теперь музей оружия. В бойницах торчат маленькие древние пушки. На одной из площадок, неподалеку от бара с табличкой на двери, рекомендующей пить «кока-кола», вытянули свои хищные стволы немецкие противотанковые пушки периода второй мировой войны, шестиствольные минометы. Когда-то с этой площадки, как рассказывают гиды, бросилась в Тибр Флория Тоска.

Я спускался по одной из боковых лестниц, когда мне навстречу вышли солдаты в старинной яркожелтой форме и треуголках. Они вели на расстрел... живого Каварадосси.

— Стоп! — закричал невидимый человек громко и властно, как только может кричать режиссер на съемке. Солдаты остановились и начали счищать пыль со студийных ботфортов и собственных полуботинок. Каварадосси, которому надлежало быть расстрелянным,— тенор Франко Коралли, он поет всего четыре года. «Надежда будущего фильма»,— сказал о нем режиссер. Это первая работа певца в кино.

Пожилой человек стремительно бежит по лестнице, придерживая рукой шляпу. Это режиссер Карминэ Галлоне.

— Браво, реджиста! — кричат, аплодируя, осветители, постановочные рабочие, гримеры. Юмор не покидает их, хотя никто из них не имеет постоянного места службы, за исключением небольшой группы людей, работающих в фирмах, да тех, кто на студиях следит за состоянием аппаратуры.

— Вот так и бегите, как я,— говорит Галлоне актерам.

Обращаясь ко мне, он рассказывает:

— Фильм «Тоска», который я сейчас снимаю,— моя сорок третья звуковая картина. Сколько было немых? Ну, этого я сейчас никак не вспомню. Ведь когда-то я снимал «Мишеля Строгова» (по Жюлю Верну) со знаменитым Мозжухиным и вторично с немецким актером Вольприхтом. Хочу снять этот фильм и в третий раз — на широкий экран... А теперь обо всем вас интересующем расскажет Джузеппе Раттуно, наш оператор, а мне надо торопиться. Всего шесть недель на съемки.

Джузеппе Раттуно молод, хотя уже шестнадцать лет работает в кино. «Тоска» — его второй самостоятельный фильм, первым был «Хлеб, любовь и...».

Нам казалось, что снимать в замке оператору гораздо труднее, чем в павильоне.

— Нет, легче,— ответил Раттуно.— Единственное затруднение — с записью звука. В стенах замка мешает гулкий резонанс.

Голос Галлоне раздавался где-то в глубине замка. Каварадосси вторично повели на расстрел.

* * *

— Я снимаю комедию «Дорогая шуба», — рассказал мне режиссер Глауко Пеллигрини, — в реалистической манере. Это фильм о девушке, которой по ошибке досталась дорогая шуба из куницы. В течение семи дней накануне рождества происходят все приключения, заканчивающиеся для героини вполне благополучно.

— Что вы будете делать дальше?

— Думаю о двух фильмах. Один— о Гольдони, другой — о последних годах жизни Верди. Центральная роль в этом фильме очень сложна, она полна глубокого драматизма. Такую роль мог бы сыграть хорошо Черкасов. Я видел его в «Депутате Балтики», «Иване Грозном», «Александре Невском».

Кончен короткий отдых. Арендованный фирмой павильон не простаивает. Режиссер, не успевший что-то снять, может доснимать и потом, но за свои деньги.

Пеллигрини снова у камеры, дает последние указания. Съемка продолжается.

На натурной площадке киногорода... Кремль. Разглядывая кусочек «чужой Москвы», я узнаю, что «Кремль» построен для фильма «Война и мир», который снимает американский режиссер Кинг Видор. Этот боевик запустили в производство две фирмы — итальянская «Де Лаурентис» и американская «Парамоунт». Он обойдется неслыханно дорого и будет идти более четырех часов, при участии шестидесяти актеров из разных стран и десяти тысяч статистов. Пока что журналы печатают отдельные кадры. На фото очаровательная Элен соблазняет Пьера Безухова, молодого красавца, отнюдь не толстого и не в очках, как то представлялось Л. Н. Толстому. Неожиданно миловидна изящная княжна Марья.

* * *

...Вечерние сумерки обволакивают Рим. У подъезда старого особняка — палаццо Бронкаччо — сегодня особенно много народа: редакция прогрессивного журнала «Вие нуове» проводит здесь шестой конкурс на лучшую актрису. В нынешнем году в конкурсе приняло участие более сорока тысяч девушек. Сегодня заключительный тур,— двенадцать актрис претендуют на первое место.

Проходят участницы конкурса. Нарядные, словно невесты, они одеты в длинные платья. Мамы сидят на стульях вдоль стен и не сводят глаз со своих дочерей, ревниво сравнивая их с соперницами.

В залах полно народа. Встреченные овацией, с трудом протискиваются к местам для членов жюри Симона Синьоре и Ив Монтан. Конкурс начался. На эстраде — девушка с номером один, приколотым к платью. Гаснет свет, и мы видим ее уже на экране. Вот она улыбается, ходит, поворачивается во все стороны, смеется и даже подмигивает,— словом, показывает все то, что в течение многих дней проделывала дома перед зеркалом, мечтая стать кинозвездой. Большинство участниц конкурса видит себя на экране впервые, а это совсем не то, что в жизни. Некоторым, как, впрочем, и публике, сразу становится ясно, что от профессии киноактрисы им придется отказаться.

Конкурс «Вие нуове» посвящен поискам типажей для итальянского кино, отбору актрис, которые могли бы выразить что-то новое в реалистических фильмах. Даже буржуазная пресса вынуждена признать объективность этого конкурса.

Первое место присуждается Анджеле Дони. Ей надевают через плечо ленту с надписью «1956». Ив Монтан вручает победительнице букет цветов и целует ее в обе щеки. Фоторепортеры не успели снять этот момент. Монтану приходится под общий смех в зале повторять поздравление. Прошлым летом фотопортрет Анджелы Дони был напечатан в журнале. После этого 18-летнюю девушку пригласили сниматься в фильме «Восемнадцатилетние», а потом на одну из центральных ролей в картине «Скрытый мотив». Сейчас она учится в институте кино. Сперва родителям не нравилось ее увлечение. Вспоминая те дни, Анджела перестает на минуту улыбаться. Она одета менее нарядно, чем все остальные. У нее милое простое лицо и умные глаза, которые сейчас светятся счастьем. Трудно скрыть радость в восемнадцать лет, да и стоит ли? Папа теперь уже не говорит того, что раньше.

А в зале шум. Просят спеть Ива Монтана. Он стоит на сцене, чуть застенчивый, похожий на парня, который не знает, куда ему девать руки. И эта простота роднит его с залом.

— Нет аккомпаниатора,— отвечает в зал Ив. Уроженец Италии, он разговаривает с публикой по-итальянски. И зал больше не настаивает: здесь понимают, что мастер не может петь в сопровождении случайного пианиста.

Кончился вечер, и Монтан делится со мной впечатлениями:

— У нас во Франции прогрессивные кинематографисты таких конкурсов не устраивают. Мне очень понравилась идея конкурса, его организация, хорошая, демократическая публика.

Ив Монтан говорит о своих планах:

— Осенью приедем к вам в Москву, намечены концерты в Ленинграде, Харькове и, что особенно меня волнует, в Сталинграде. Пользуясь случаем, прошу вас передать читателям «Огонька» мой сердечный привет. Я желаю советским людям успехов в работе. Пусть дальше развивается дело мира, продолжается разрядка международной напряженности. До скорой встречи! Да! — добавляет Монтан и берет под руку подошедшую Симону Синьоре.— Все, что вы записали, передайте от нас обоих.

Уходит и режиссер Де Сантис, постановщик фильмов «Горький рис», «Рим в 11 часов», «Нет мира под оливами», «Утраченные грезы». Он снимает новый фильм с участием Монтана — «Люди и волки». Это киноповесть о человеческой солидарности.

Де Сантису не терпится поскорее встретиться со своими героями — «лупаро» (так называют в горах охотников за волками),— поскорее создать живых Терезу и Рикуччо, которые пока существуют только в сценарии и воображении автора.

— И все же это не совсем то, что я хотел бы снимать,— говорит он.— Из-за условий цензуры мы стали делать намного меньше фильмов, чем три — четыре года назад. Те, кто вкладывает деньги в производство фильма, ничем не гарантированы, что картина выйдет на экраны. Да и режиссеры не могут спокойно работать, не зная, какой кусок из фильма вырежут, разрешат ли вообще выпуск.

Рим. 1956 год.

Победительница конкурса Анджела Дони.

В ОРЕНБУРГСКИХ СТЕПЯХ

Совхоз «Комсомольский» на целине. Чкаловская область.

Репортаж

А. СОФРОНОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото Н. Козловского.

В Азии 10% надбавки

Будем откровенны: поселок строителей плотины Ириклинского водохранилища производил неважное впечатление. Стены домов с обсыпавшейся штукатуркой, серой, всклокоченной дранкой. Около домов нет растительности. Да и само место неровное, в буераках, удаленное от воды. Это тем более выглядело странным, что другой берег реки Урал, зеленый, был более удобным для поселка. Мы спросили:

— Почему не строили поселок на том берегу?

— Там Европа.

— И что же?

— Там жить невыгодно.

— Кому?

— Всем, приехавшим из Европы.

— А здесь чем лучше?

— Здесь Азия... Все, кто командирован сюда на строительство, получают к заработной плате десять процентов надбавки за то, что живут на азиатской территории.

Вот уж хотелось, даже будучи неверующим, воскликнуть: господи!

— Я, видите ли, работаю здесь всего второй год,— словно оправдываясь, говорил начальник строительства инженер Гордеев группе областных партийных и хозяйственных работников. Их волновало одно: Орско-Халиловскому промышленному узлу не хватало воды для металлургических предприятий. По плану шестой пятилетки здесь предполагается строительство новых заводов и расширение старых. Известно, что металлургия требует много воды. Вода же здесь лимитирует развитие промышленности.

Мы сидели в кабинете Гордеева. О ходе строительства расспрашивал секретарь Чкаловского обкома КПСС Дмитрий Степанович Полянский.

— Какие вопросы не решаются?

— Кадров не хватает,— отвечал Гордеев,— нет главного механика, главного энергетика... Тяжело хворает главный инженер. К этому здесь привыкли... Строительство тянется больше пятнадцати лет...

— А молодые инженеры есть?

— Есть, конечно. Они и исполняют обязанности...

— А может, стоит их выдвинуть? Вы доверяете молодым?

— Доверяем, но с этим вопросом надо разобраться.

— Конечно, надо. Но и надо помнить, что людям в подвешенном состоянии трудно работать...

— Трудно... я всего второй год здесь,— повторил Гордеев.

— Скажите, а о строительстве оросительной системы, питающейся от водохранилища, вы думали?

— Нет, пока не думали... Это уж пусть кто-нибудь другой строит.

— А рационально ли это?

— Нет, конечно... С точки зрения государственной... новый подрядчик обойдется много дороже.

— Тогда, может, следует вам начать строить оросительную систему? Тридцать тысяч гектаров орошаемой земли вдоволь снабдят наши промышленные центры овощами. Вы рассматривали этот вопрос? — обратился секретарь обкома к секретарю Ново-Орского сельского райкома Н. С. Шебаршову.— Ведь водохранилище находится на территории вашего района.

— Не рассматривали еще,— ответил Шебаршов.

— А вы? — Вопрос относился на этот раз к секретарям горкомов.

— Вплотную не рассматривали,— ответил секретарь Ново-Троицкого горкома Е. В. Лазарев.

— Сами мы этот вопрос решить не можем,— сказал секретарь Орского горкома М. А. Железнов.

— Не можете, это верно,— согласился Полянский,— но решать его нужно сейчас, параллельно со строительством водохранилища. Сколько будет стоить оросительная сеть? — обратился он к Гордееву.

— Тысяч десять на гектар.

— Многовато... Тысяч семь,— сказал Полянский.— И консервный завод надо строить здесь же. Не так ли?

— Это, конечно, да, но...— Гордеев не закончил фразу, видимо, так и не решив, что за этим «но» должно следовать.

...Еще не вобравшее в свои берега воды Урала лежало зеркально-гладкое водохранилище. К воде спускались пустынные, поросшие травой берега. Не было на воде ни паруса, ни рыбачьего баркаса... Ни одного строения на берегу. Слева, там, где строилась плотина, грохотали грузовики с породой, глубоко дышал бетонный завод, а здесь водохранилище, перед тем, как сузиться у плотины, было еще широким. Стояла тишина; южноуральские высокие незабудки неслышно покачивались под легким ветерком. И думалось в этой тишине: не бываем ли мы иногда слишком медлительны в решении насущных вопросов нашей жизни? В самом деле, растущая чкаловская металлургия получит воду для своих заводов. Это важно. Но почему одновременно не решить и второй важный вопрос — орошение 30 тысяч гектаров, прилегающих к Ириклинскому водохранилищу, имея в виду получить изобилие овощей для многих тысяч металлургов? Ведь подумали же о том, что поселок надо строить хоть и в неудобном месте, но на азиатской земле, где полагается 10 процентов надбавки к заработной плате?! Мы не против надбавки, если она предусмотрена законом. Но мы за то, чтобы сейчас решать вопросы в их полном объеме, имея в виду интересы многих тысяч людей.

Вот какие думы приходили в голову на берегу Ириклинского водохранилища, когда над тихими водами вились первые чайки, появившиеся в оренбургской степи.

Бузулукские пряники

Солнечным, теплым днем оказались мы в Бузулукском бору. Настоенный нагретой сосной воздух заполнял грудь. Светлокоричневые стволы сосен уходили в синее небо. Хорошо в бору! И чего только тут нет! О нем говорят: лесной музей. Это, пожалуй,— точное определение. Но можно прибавить и другое: лесная лаборатория. Более ста лет ведутся в бору научные работы и изыскания. Ученые-лесоводы и лесоводы-практики на основе Бузулукского бора сделали немало открытий для отечественного лесоводства. С 1852 года в бору происходит искусственное разведение леса, а с 1843 года испытываются различные формы рубки леса. Здесь шумят двухсотлетние сосны, а вблизи от них поднимаются молодые сосенки... Рассыпан по лесу кустарник. Тут и черемуха, и вишня, и крушина ломкая, и бересклет, и небольшие деревца — остролистый клен и ракитник. А травы и цветы с названиями, звучащими, как стихи: фиалка удивительная, папоротник-орляк, лесной колокольчик, герань кроваво-красная, осока песчаная!.. И звери: лоси и косули, куница и белка, барсуки и лисицы, горностаи и норки... А бабочки: аполлоны, сатиры, парусники, бражники, перламутровки и голубянки... А жуки: листоеды и долгоносики, златки и дровосеки... И здесь же неутомимый труженик — рыжий лесной муравей...

Хорошо в Бузулукском бору! Сообщенная нам дата искусственного разведения леса — 1852 год — не удивляет. Едешь по шуршащей лесной дороге и ви-

---

Окончание. См. № 30.

дишь и квадраты молодых сосен и аккуратную вырубку. Чувствуются опытный хозяйский глаз, рачительная рука, чувствуется забота о лесе. А когда попадаешь в город Бузулук, охватывает тебя какое-то расположение и к самому городу и к его жителям. Есть у нас еще города, за которыми, к сожалению, смотрят плохо: дома не ремонтируют, за дорогами не следят, деревьев не высаживают. Есть, чего греха таить! О Бузулуке этого не скажешь. Почти весь деревянный, сделанный руками искусных мастеров-плотников, стоит он, укрытый тенью широких деревьев. Чистые улицы. Белая сирень за заборами. Учительницы, с букетами цветов возвращающиеся из школы (были мы в Бузулуке в пору экзаменов). Стайки учащихся библиотечного техникума и педагогического училища. Есть в этом городе и что-то еще от старого, дореволюционного. В городском саду стоит деревянный театр-ротонда, расширенный с боков, сцена, видавшая виды. Пожилой человек в матросской тельняшке, оказавшийся комендантом сада, говорил нам:

— Театр еще купцы строили. А здесь они шампанское пили,— он указал на места, где когда-то рядом со стульями для зрителей стояли буфетные стойки.

И вдруг почудилось: выйдет в сад пьяный трагик из «Талантов и поклонников», подойдет к нам и, покачиваясь, жалобно рявкнет: «Где мой Вася?».

Комендант показал нам на высокий, раскидистый тополь:

— В 1877 году посажен... Первый тополь в этом саду... А город Бузулук начался в 1781 году...

Еще не стар Бузулук. Но есть своя история у него. Будешь в Бузулуке — тебе обязательно покажут здание — здесь был штаб Василия Чапаева. Скажут тебе и о том, что приезжал сюда Лев Николаевич Толстой. Отсюда 29 июня 1871 года писал он жене:

«Пишу из Бузулука. Это 90 верст от нас (от «самарского имения» Толстого.— А. С.). Мы поехали сюда с Степой вдвоем, переночевали и нынче, 29 вечером едем домой. Поездка очень удалась... Такой настоящей, сельской и большой ярмарки я не видал еще.

Разных народов больше 10, табуны киргизских лошадей, уральских, сибирских».

У нас нет прямого свидетельства о том, были ли на бузулукской ярмарке 1871 года, которую посетил Лев Толстой, пряники. Вероятно, были... Какая ж ярмарка без пряников?! Но ранней весной 1956 года в Бузулуке, как сообщили нам об этом жители, пряников не было. И совсем не потому, что в Бузулуке, переставшем быть купеческим городом, нет больше ярмарок.

Весной этого года в Бузулук приехал из Чкалова секретарь обкома Полянский. Человек он был в области новый, в лицо его еще не знали. Он зашел в хлебный магазин и попросил: «Дайте двести граммов хлеба». Продавщица с удивлением посмотрела на него. «Мы продаем только буханками». «Но мне не нужна буханка». «Иначе не торгуем». Тогда Полянский сказал: «Дайте мне двести граммов пряников». Здесь уже продавщица так посмотрела на незнакомца, словно он упал с луны. «Пряников у нас не бывает»,— сказала она.

Я не знаю, какие разговоры происходили у секретаря обкома с бузулукскими партийными и советскими работниками, но могу сказать, что, когда нам довелось быть в Бузулуке, в магазинах торговали пряниками и тортами, хлеб развешивали любым весом. И самое интересное в том, что городские хлебные фонды не были увеличены ни на один килограмм муки.

Возможно, мне возразят: стоит ли в нашу бурную эпоху обращать внимание на такие «мелочи», как пряники. Думается, что не только стоит, но просто необходимо. В самом деле, можно сохранить, провести через войны русскую лесную жемчужину — Бузулукский бор,— сохранить и придать новый, советский облик старому, купеческому городу, в котором живут пытливые до знаний и охочие до труда наши замечательные юноши и девушки... Но оказывается возможным утерять секрет изготовления пряников? Ой, не в этих секретах дело! Дело в так называемой местной инициативе. Были времена, когда некоторые старательные работники на местах ожидали директив и указаний даже в вопросе изготовления пряников. К счастью, времена эти прошли.

...Возле сельского Бузулукского райкома партии мы встретили двух женщин. Они были чем-то взволнованы. Секретарь райкома Василий Федорович Ланин сказал нам:

— Это лучшие доярки колхоза имени Андреева Елизавета Семеновна Ращупкина и Антонина Ивановна Овчинникова. Они вступили в партию. Мы им только что вручили кандидатские книжки.

Разговорившись, мы узнали, что Елизавета Ращупкина и Антонина Овчинникова на 1 июня уже надоили по 2 200 литров молока, взяв обязательство за год надоить по 3 500 литров.

— Очень помогла нам подкормка коров молодой рожью,— сказала Овчинникова.— Мы ее косим, кормим коров, и коровы довольны... Ну и мы, конечно, сейчас довольны. А будет еще больше молока...

— А на сколько больше? — спросил Овчинникову секретарь райкома.

— Намного больше, Василий Федорович... Намного!

— Ручаемся вам,— дополнила ответ подруги Елизавета Ращупкина.

Вот это и есть настоящая местная инициатива!

Счастье — работать на таком заводе

В кабинет директора Южуралмашзавода Алексея Петровича Харина вошел молодой слесарь в замасленной спецовке. Окинув быстрым взглядом длинный стол, покрытый зеленым сукном, на котором стояли спортивные кубки и фигуры различной формы — результат успехов заводского физкультурного коллектива,— слесарь остановился возле стола директора.

— Садитесь,— сказал Харин.

— Ничего, Алексей Петрович... Можно один вопрос?

— Пожалуйста... Да вы садитесь.

Слесарь сел на краешек кресла.

— Я могу жениться? — вдруг спросил он и покраснел.

— Нет, еще не можешь,— ответил Харин.— Месяца через два, пожалуй...

— Точно?

— Точно.— Харин улыбнулся.— В конце августа.

— Спасибо, Алексей Петрович. До августа можно обождать.— Слесарь поднялся, пожал руку и вышел из кабинета.

Человеку, который воспримет этот разговор всерьез, может показаться странным, что директор такого крупного завода занимается столь необычным делом — благословляет молодых, назначает сроки свадеб. Но необычного здесь ничего нет. Больше половины рабочих и служащих Южуралмашзавода — молодежь. До той поры, пока не заноет сладко сердце и властно не потянет юношу и девушку друг к другу, каждый из них живет в заводских общежитиях. А раз свадьба, — значит, нужна квартира.

— Что ж, приходится и этим заниматься! Устройство жизни молодых — важное дело,— говорил Харин, когда мы проезжали мимо домов, стоящих в лесах.— У нас здесь все есть: и техникум и школы... Много заочников. Тяга к техническому образованию у молодежи очень велика.

Старый степной Орск, место, в котором изнывал в ссылке Тарас Шевченко, сейчас трудно узнать. Второй по значению в области, он бурно растет вокруг крупных промышленных предприятий.

Когда-то академик Ферсман, побывавший с экспедицией в этих краях, воскликнул: «Сказочны богатства Орского района!». На этих богатствах и зиждется мощная промышленность Орска.

Алексей Петрович Харин, показывая нам завод, говорит:

— Завод наш очень молодой. На базе эвакуированного сюда Краматорского завода начал он с 1942 года расти возле старого Орска. Пятнадцать лет назад здесь еще паслись верблюды... Пустырь был. А теперь вон какая стройка!.. Когда закончим весь цикл, наш завод будет почти равен Уралмашу.

Слова Харина особенно убедительно звучали здесь, на дворе, напоминавшем огромную строительную площадку. Вдоль тротуаров на заводском дворе росли зеленые деревья, летели по ветру отцветающие яблоневые лепестки.

— Это все наши посадки. В прошлом году урожай яблок собрали. Все же посадили полторы тысячи стволов... Ранет главным образом... С этим делом у нас неплохо... И со спортом,— говорил Харин, указывая на играющих в волейбол молодых рабочих.— Строим прямо около цехов спортивные площадки... Пусть играют во время обеда. А вот со столовой неважно. Строится поблизости фабрика-кухня. Но когда будет построена, неизвестно. А нынешние цеховые столовые тесны...

Мы вошли в высокое, гулкое помещение цеха сборочных конструкций.

— Вот оно, наше царство железа,— сказал Харин.

Действительно, это было царство железа и стали, со звоном и грохотом больших металлических деталей, озаренных холодным, серебристо-синим цветом электросварки. Всегда, когда слышишь разговоры об экспорте наших ма-

Ириклинское водохранилище Ново-Орского района. Чкаловской области.

шин, представляешь это несколько абстрактно: идут железнодорожные платформы, на них погружены, в одном случае в ящиках, в другом — под открытым небом, смазанные тавотом детали машин. Здесь же воочию видишь, что такое экспорт, из чего он составляется.

Мы стояли со слесарями бригады Балицкого, монтировавшими двухсоттонный ковш для Китая.

— А вон там,— и начальник цеха Марченко показал в сторону высоко поднявшейся конструкции,— собирают коксовыталкиватель для Румынии. Раньше монтировали весь агрегат, теперь монтируем по секциям.

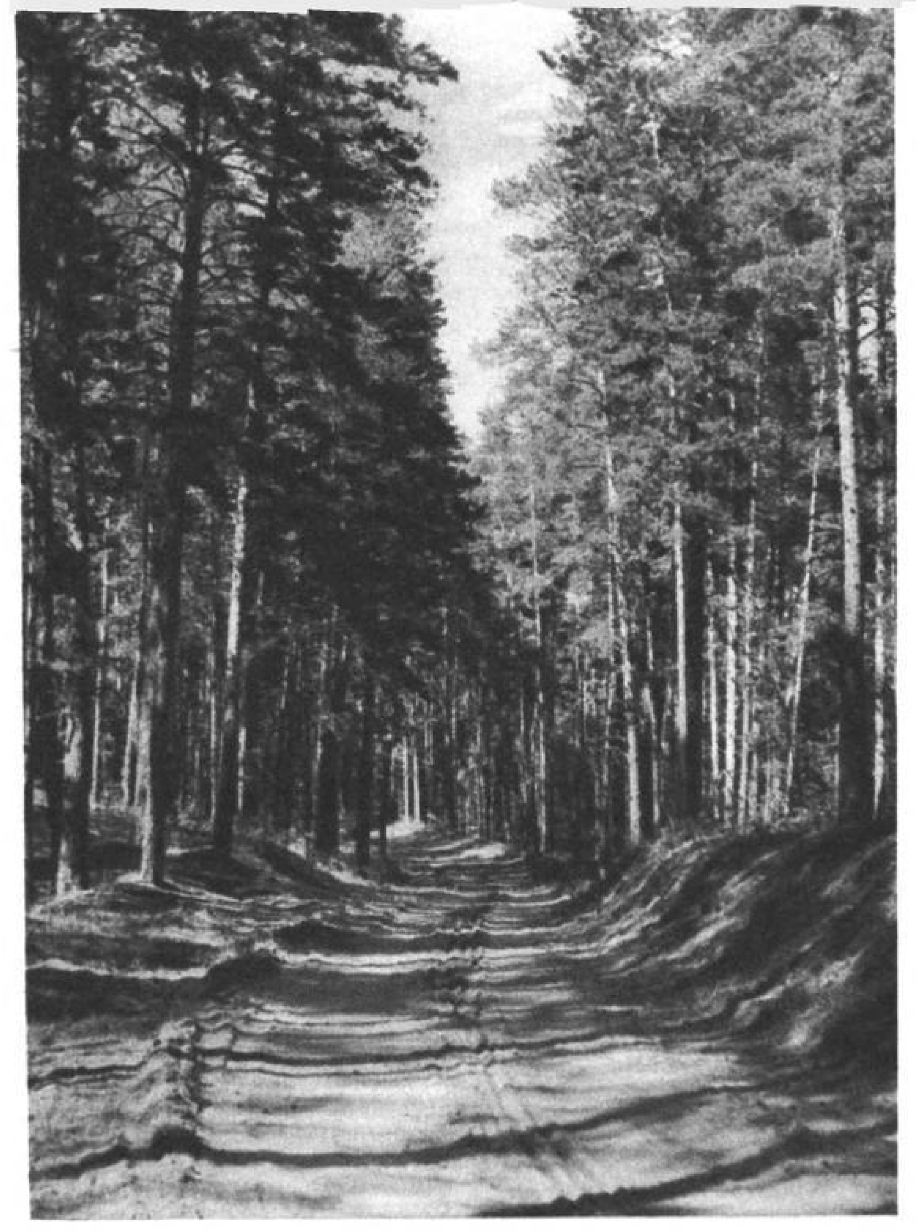
Конечно, когда слышишь слово «коксовыталкиватель», то представляется он для человека несведущего какой-то небольшой деталью. Но когда узнаешь подробности, представление меняется. Такой коксовыталкиватель с трамбовочным устройством весит 320 тонн. Высота его при полном монтаже — 22 метра. Устанавливается на нем 26 моторов. Время, необходимое для изготовления, исчисляется девятью месяцами. Для перевозки необходимо 44 вагона. Вот что такое коксовыталкиватель.

Изделия чкаловцев можно увидеть и в Нижнем Тагиле, и в Кузнецке, и на «Запорожстали», и в Ново-Троицке. Продукция Южуралмашзавода идет в Польшу, Китай, Румынию, Венгрию. Сейчас тут приступают к изготовлению прокатного стана и комплекса коксовых машин для металлургического комбината, строящегося советскими специалистами в Индии.

На заводе работают 250 конструкторов и 150 технологов. Вот что представляет собой Южуралмашзавод, на котором директору, кроме руководства предприятием, еще приходится давать советы будущим молодоженам, смотреть за посадкой яблонь и сокрушаться по поводу проигрыша заводской футбольной команды соседу — команде никелькомбината.

— Там хитрый директор... Он посадил своих футболистов перед игрой на казарменное положение, кормил по специальному рациону... Вот мы и проиграли,— весело говорил нам Алексей Петрович.— Но ничего, мы еще возьмем реванш.

Молодого слесаря, с которым Харин разговаривал по поводу женитьбы, мы не видели. Но можно смело сказать: большое счастье для молодого человека нашего времени — работать на таком заводе.

Бузулукский бор.

Четыре девятки

Многим привлекателен Орск, но есть одно обстоятельство, которое заставляет тяжело вздыхать любого жителя, патриота своего города.

— Вы знаете, на наши головы ежесуточно падает 1 200 тонн пыли... Примерно тысяча тонн выбрасывается никелевым комбинатом и тонн 200—300 — теплоцентралью,— сказала нам секретарь горкома Мария Сергеевна Хромова.

— Неужели этому нельзя помешать?

— Работают в этой области, но пока результаты слабые...

Примерно так же ответил нам и директор никелевого комбината Сергей Максимович Тепикин, тот самый, который при подготовке своих футболистов к матчу перехитрил Харина. По его ответу мы поняли, что бороться с пылью, летящей из труб комбината, много тяжелее, чем бороться с моральной неустойчивостью футболистов перед матчем. Еще, к сожалению, нет эффективных пылеулавливателей, хотя работы в этом направлении ведутся. Можно только прибавить: ведутся недостаточно интенсивно.

Я боюсь быть неточным в последовательном описании производственного процесса получения никеля из руды. Но, пожалуй, бесконечно цитируемые строки Маяковского:

«Изводишь,
единого слова ради,
тысячи тонн
словесной руды» —

можно в равной мере отнести к процессу получения никеля и кобальта. Вот действительно тысячи тонн руды — сложный процесс перехода ископаемого из одного состояния в другое. Здесь и измельчение до требуемых габаритов, и прохождение агломерационной линии, и плавка в шахтных печах; здесь же сжигание кокса вдуваемым воздухом и соединение руды с известняком, пиритом и гипсом. И вот на каком-то этапе получается химическое соединение, именуемое штейном. И уже совсем на близких подступах к никелю — новое, более сложное соединение—файнштейн, измельчаемый позже на шаровых мельницах и отправляющийся в многоподовые и трубчатые печи, где, как говорят металлурги, идет «обжиг намертво», до полного удаления серы. Из отправляемого затем в электропечи огарка — закиси никеля — и получается тот самый никель, добавка которого в шихту мартеновских печей чудесно изменяет свойства стали. Можно из этого никеля отливать и аноды, и тогда при электролизе получают металл, имеющий 9,999 чистого состава. Его так и зовут — четыре девятки. Это никель особой чистоты. Попутно с ним получается кобальт.

Пять рудников питают комбинат рудой. Огромное количество транспорта устремляется на рудный двор, густо засыпаемый крупной, тяжелой пылью. Если в городе ты видишь издалека дымные колеблющиеся столбы, повисшие в воздухе над комбинатом, то здесь уже чувствуешь, как пыль ударяет тебя, падая на голову, на плечи... А в это время в небольших деревянных ящиках, аккуратно запакованный, словно шоколад, из маленького складского помещения отправляется готовый никель. Где-то там, позади, остались печи, огонь, изнуряющий жар, остался цех электролиза с сладковато-кислым парным запахом и зеленью на пластинках. Остались сотни, тысячи людей... А здесь два человека, стоящие у холодного пресса, режут в размер тонкие пластинки никеля. И пойдет он путешествовать и входить в составы других металлов, укрепляя и улучшая их. Тысячи новых машин, вся новая техника опирается на никель. Знаменитые счетные машины, реле, тончайшие металлические ленты, электропилы... Да разве можно перечислить все случаи, когда никель облагораживает другие металлы!

А еще и кобальт. Турбины реактивных самолетов. Газовые турбины и автоматическое оружие. Все победиты, берущие кобальт как цементирующее вещество. И, наконец, летающий снаряд, который когда-нибудь оторвется от нашей земли и понесется к другой планете. Можно было бы много добрых слов сказать еще о никелевом комбинате, его рабочих и инженерах. Это могучий творческий коллектив, неустанно работающий над усовершенствованием производственных процессов. Достаточно отметить, что каждый шестой человек на заводе — изобретатель...

Борис Петрович Шерман, главный инженер комбината, говорил:

— На заводе можно многое делать. Мысль наших изобретателей неистощима. Но нас убивают вопросы снабжения. Не дай бог, если вам придет какая-либо идея в июне. Раньше нового года вы все равно ничего не получите, к тому же надо посылать еще целую группу в Москву защищать заявки.

Мы пишем заявки, например, на трубы для горячего дутья — ответа нет. Главк сам, как правило, не решает, до министерства не доходит. Нам сейчас позарез нужно десять километров кабеля. Обращались к заместителю министра Костину — ни ответа, ни привета. Нам нужно 18 тонн листового железа для вытяжных труб — не можем получить. У нас прекрасный экспериментальный цех. Можем применять радиоактивные изотопы, получили их — оборудования нет... Да что это... Нужна пружинка. Цена ей — полтинник... А нам ее изготавливать несколько часов. Получить не можем... Мы так считаем, что в органах снабжения должны быть какие-то резервы для введения новой техники. Надо добиться, чтобы материально-техническое снабжение для новой техники шло по «зеленой улице». Народ сейчас окрылен, изобретательская мысль проявляет себя на каждом шагу. Все это требует реальной поддержки.

Со словами главного инженера никелевого комбината можно было только соглашаться.

Вот она, целина!

Мы сидели в Адамовском райкоме партии. Секретарь райкома Вениамин Александрович Теляковский, спокойный, голубоглазый человек, перебирая костяшки деревянных счетов, говорил нам:

— Сегодня в совхозе «Комсомольском» совещание бригадиров по вопросу ремонта комбайнов. Может, поедем вместе?

И мы поехали. По дороге в машине Теляковский рассказывал:

— За три года посевная площадь района увеличилась более чем в пять раз. Если в 1953 году мы сеяли 94 тысячи гектаров, то в этом году у нас 537 тысяч гектаров посева. За последние два года в районе организовано семь новых совхозов...

По сторонам дороги лежали поля с высокими всходами. Недавно прошли дожди по области, и все люди находились в том сладком и одновременно тревожном состоянии ожидания, которое свойственно крестьянину, наблюдающему созревание хлебного колоса. Ехали мы по степи, пока не показались крыши стандартных домиков и ровная улица с несколькими, недавно высаженными деревцами. Кое-где на скамейках у домов си-

дели молодые женщины, нянча детей.

— Детей здесь больше родилось, чем деревьев посажено,— сказал Теляковский, сокрушенно смотря на редкие посадки.

Машина остановилась возле конторы совхоза. Вскоре началось совещание. Сперва долго и горячо спорили о том, где ремонтировать комбайны: в бригадах или в ремонтных мастерских, а потом стали атаковать приехавших вопросами. Их было очень много, и каждый из них говорил прежде всего о глубокой заинтересованности людей в работе совхоза, желании осесть надолго в этих местах. Вместе с этим было немало критических замечаний в адрес руководителей совхоза и, в частности, директора Михаила Григорьевича Голованова.

О чем же говорили целинники? В совхозе нет клуба. Нет и по проекту не предполагается. Не только в совхозе «Комсомольский», но и в других. Это неправильно. Думается, что Министерство совхозов СССР должно пересмотреть этот вопрос и сейчас в уже работающих совхозах начать строительство клубов. Надо ли доказывать, как они необходимы целинникам, жадно тянущимся к культуре!

— Нам нужны свои небольшие кирпичные заводы. Процесс производства кирпича несложен. Материала сколько угодно. Стандартные дома хороши внешне, но холодные. Шлаковата должна быть положена в три слоя, а кладется в два,— говорил бригадир 6-й бригады Бабошко.— У нас в эту зиму снег соскабливали ножом со стен. Коридоры и стены должны быть глухие? Ни у кого сомнений нет. А у нас не так. Свет зажжешь в доме — на улице через щели видно.

Председатель поселкового Совета Юдин говорил:

— Я болею за наших так называемых частных застройщиков. Многие из них вместо шифера дома покрыли толем. Знаете наши ветра? Толь задрал ветер, с крыши снес. Нужен шифер, товарищи.

— Школу нужно строить фундаментальную, десятилетку... Мы сюда всерьез приехали.

Выступает крупный, рослый тракторист, не назвавший своего имени.

— Видите, какой уродился, не мелкий... Мне 54-й, 56-й размер нужен... Полтора года не могу костюм купить... Сюда снабженцы-временщики приезжают, выслушают, и больше мы их не видим.

— А можно ли в совхозе зеркало купить? А детские туфли? Неужели всякий раз в район нужно ехать?

Тракторист Сорокалетов, с красным обветренным лицом, рассказывает:

— У меня два сына... Я хочу им штаны купить... А они только синего цвета. Почему других цветов нет?

...Долго шел этот разговор, то утихая, то всплескиваясь вновь. И было много справедливого в словах целинников. В совхозах, организованных год—два назад, уже как-то отстоялись основные кадры. О том, что люди приехали сюда надолго, можно судить хотя бы по тому, что совхоз «Комсомольский» сдает в этом году не менее двух с половиной миллионов пудов хлеба, перекроет убытки прошлого года и окупит только урожаем 1956 года все суммы, затраченные на его организацию.

...На оренбургских целинных землях один из трактористов нам сказал:

— Целина победила! — и этим самым неразрывно соединил себя с целиной.

...И снова машина мчится по степи мимо рослых всходов пшеницы. Неоглядно зеленое море. На первый взгляд степь безжизненна. Но это не так. Где-то утки пролетят, или гуси вдруг поднимутся, к досаде охотников. Суслики перечеркнут дорогу. Но больше всего здесь, на целине, сурков. Живут они семьями в вырытых ими норах. Любопытны до крайности. То и дело поднимаются они, как столбики, и оглашают степь пронзительным, стригущим свистом. Но и трусливы они: камнем ныряют в норы, едва увидят человека...

К совхозу «Озерному» мы приехали к вечеру и сразу же отправились в бригаду Александра Романенко. Был прохладный звездный вечер. Меж двух красных вагончиков стоял длинный стол, на нем — колеблемые ветром свечи.

Александр Романенко, сидевший за столом рядом со своей женой, рассказывал о первых днях жизни на целине:

— Я здесь проложил первую борозду. А приехал сюда 28 марта 1954 года. Ехали вместе с директором совхоза Антоном Александровичем Лебедевым... Весна была, ростепель... В степи наткнулись на геологов. Обогрелись коекак... Еще люди подтягивались... Хуже всего было с водой. Вода была с головастиками, с жучками всякими. Совхоз наш называется «Озерным», а воду питьевую возим за тридцать километров... Но сейчас все другое... Есть поселок... Урожай будет в этом году.

Трепетало пламя свечей, и временами казалось, что вот они сейчас совсем погаснут. Но пламя выравнивалось, и уходили в темноту стены вагончиков. Я сидел рядом с молодой женщиной. Это была Валентина Букатина. Около нее сидел ее муж Алексей Букатин.

— Поженились мы здесь, на целине,— сказала Валентина.— Дочь у нас уже есть, Людмила... Хотите посмотреть?

Мы пошли в вагончик, где, прикрытая теплым одеяльцем, безмятежно спала, разметав ручки на подушке, девочка с нежными льняными волосиками.

Бригада Александра Романенко держит переходящее знамя. Она участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1955 года. Какой-то степенностью веет от всей бригады. Здесь есть агрегаты, на которых работают целыми семьями. За столом сидел Иван Родионович Мартыненко, старый комбайнер. Старый потому, что с 1938 года работает комбайнером...

— Хотя мне в этом году исполнилось шестьдесят лет, но я сюда приехал, потому что не хочу стареть... Здесь и дочь Вера работает с мужем Владимиром Сараевым и сын Иван. В прошлом году я на комбайне более 450 гектаров скосил, а в этом году хлеба будет больше, хочу 540 гектаров дать... Тут ведь у нас жизнь особая,— вдруг как-то проникновенно заговорил Иван Родионович.— Те, которые ухари, разбежались: не по зубам целина пришлась... Иные тут гулянку только и видели. К девчатам на свидание на тракторах катали... Так мы их проводили обратно. Просились некоторые обратно...

Много планов у целинников. Может быть, здесь, ночью в степи, особенно почувствовалось желание жить оседло, отстраиваться, желание построить клуб, баню, да хорошую, а не ту, что построили. Школу-десятилетку вместо семилетней теперешней, хороший дом для детских яслей. Организовать спортивный коллектив. Найти руководителя духового оркестра. Инструменты есть, а руководителя нет...

Уже совсем ночью расстались мы с бригадой Романенко и отправились на ночевку в поселок, к директору совхоза Антону Александровичу Лебедеву. Последние месяцы он прибаливал, плохо было с сердцем. На другой день он уезжал лечиться в Кисловодск. Мы удивились и расстроились, увидев Антона Александровича бодрствующим.

Антон Александрович положил перед нами пачку любительских фотоснимков, запечатлевших первые дни совхоза. Первый колышек. Первая палатка на снегу. Первый дом. Первый урожай. Как это все просто сейчас! Еще и книги не написаны о подвиге целинников. И картин и пьес глубоких нет, а все уже здесь становится историей.

— Что хорошо у нас было — хлеб хороший был... Пекарь попался исправный,— глуховатым голосом говорил Лебедев, наверно, в тысячный раз рассматривая снимки.— А в остальном целина кормила... И рыба здесь в озерах... И птицы много, охотились на нее. Но, конечно, не праздник!.. Буран помню октябрьский. Понимаете, в октябре? Палатки посрывало. Крыши на домах завернуло... О рыбаках наших страшно подумать, они сети выбирали... Скот наш, думали, заметет и людей с ним... В октябре, понимаете? Но ничего, обошлось, все живы остались. А другой раз — пожар... Камыши загорелись... А в камышах кабаны, дичь... Вроде заповедника там... И пожар пришлось гасить.

Антон Александрович, как карты, тасует фотоснимки:

— Я ведь до этого на Ставропольщине директором совхоза работал. Хороший край, но скажу... За одиннадцать лет своей работы там я наездил 55 тысяч километров, а здесь те же 55 тысяч за шесть месяцев.

Вот и снова цифра, и снова сравнения.

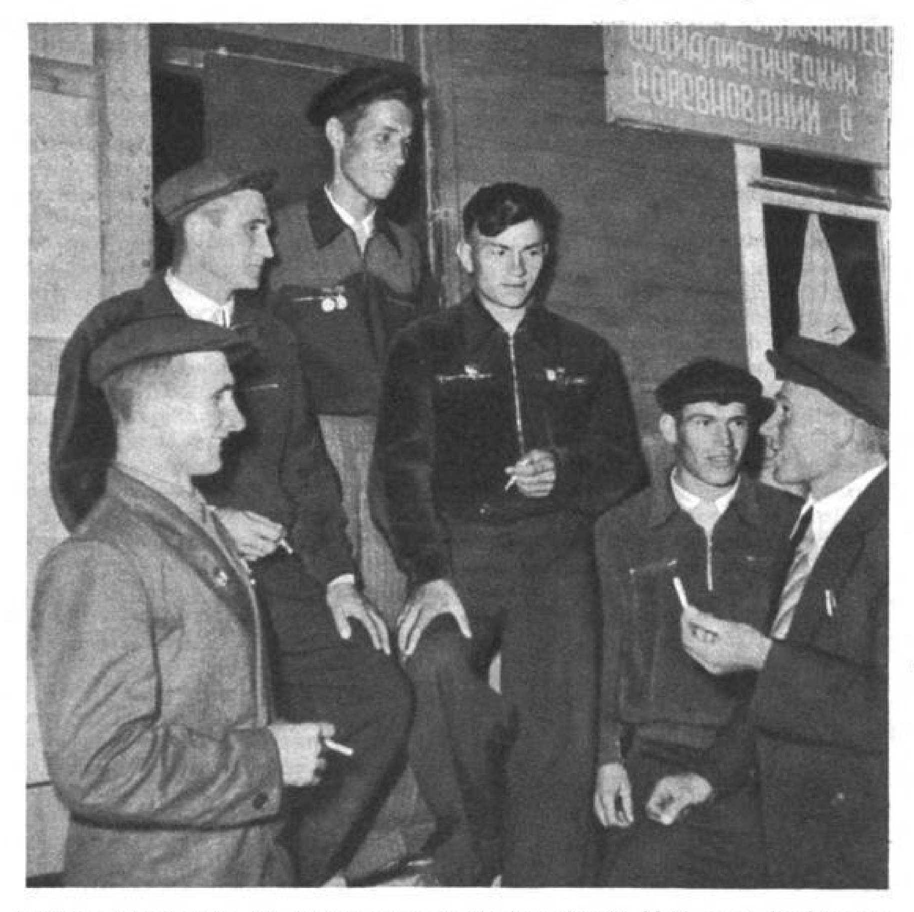
Да, люди на целине победили. Могучий урожай 1956 года, сотни миллионов пудов зерна — это результат славного подвига целинников, по призыву Коммунистической партии шагнувших в далекие степи, в морозы и бураны, испытавших великие трудности первых месяцев, мужественно выстоявших в схватке с природой, полюбивших необъятные степи, что, как бескрайнее море, покрылись сейчас волнующейся пшеницей.

Весь наш народ разделяет задушевные слова, с какими недавно Никита Сергеевич Хрущев обратился к целинникам совхоза имени XIX съезда, Адамовского района, Чкаловской области:

«Разрешите приветствовать вас, пионеров освоения целины, от имени ЦК КПСС. Вы первыми откликнулись на призыв партии и пошли на трудное дело, поехали туда, куда позвала партия. Я проехал ваши поля и от всей души говорю: слов нет, чтобы передать ту радость, которая охватила нас при виде хлебов. Находились скептики, не верившие в целину. Но вот прошло два года, и мы видим замечательные результаты, видим прекрасный хлеб. Нынешний урожай добьет маловеров. Желаю вам без потерь убрать урожай, дать нашей Родине больше зерна».

* * *

И вот уже снова самолет поднимается над городом Чкаловом. Бегут под крыльями зеленые поля, перелески, мелькают крутые изгибы реки Урал. Закончено путешествие, а в сердце остаются замечательные люди, их трудовые подвиги, их патриотический порыв, их простая и мудрая жизнь.

Совхоз «Озерный». Трактористы — участники ВСХВ 1955 года (слева направо): Петр Починов, Владимир Сараев, Сергей Архипов, Василий Тюнин, Алексей Букатин, бригадир-полевод Александр Романенко.

Как выбирали Катерину

Евг. ПОПОВКИН

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Ефрем Чирикин, передавая бразды правления новому председателю колхоза Савелию Заброде, с унылой снисходительностью поучал:

— Принимаешь когда дела, готовься к их сдаче... Тогда у тебя на душе легко будет...

И вот не прошло и года, как сняли и Савелия.

На памяти старожилов Миролюбовки — отдаленного от райцентра и на редкость запущенного села — было уже одиннадцать председателей. Троих из них выдвинули на другую работу, и они уехали, а восемь и поныне обитают в Миролюбовке и благополучно здравствуют. Они пристроились к малообременительным должностям, спелись, и, хотя каждого в свое время снимали (не во гнев им будь сказано!) за явной непригодностью, друзья-приятели чувствуют себя недурно и живут не столько своим печальным прошлым, сколько радужным будущим. Каждый втайне вынашивает мечту, что еще придет час и миролюбовцы снова призовут его к руководящему кормилу.

На собраниях и совещаниях они усаживаются поближе к президиуму, охотно подают советы и, как сострил страховой агент Попсуй-Шапка, представляют собой миролюбовский «Малый хурал».

Нет, нельзя не поведать хотя бы вкратце о столь примечательных людях! Повстречайся они гоголевскому пасичнику Рудому Паньку, тот восторженно сказал бы о любом из них: «Эх, голова! Что за истории умел он отпускать!»

Первым артельным головой в Миролюбовке был Максим Сапего. О нем и сейчас местные старики говорят: «Тот самый Максим, что на тракторе «фордзон» объезжал все крестины и свадьбы...»

Сменил его бойкий и словоохотливый Кузьма Лупейко. Не тот Кузьма Лупейко, что живет в большом доме под железом, как раз напротив криницы с журавлем, а его двоюродный брат, Кузьма Миронович Лупейко, полнотелый здоровяк с цветущим лицом, который проживает на той же улице, но наискосок от криницы с журавлем.

Рудый Панько, доведись ему познакомиться с Лупейко, наверняка сказал бы: «Прекрасный человек Кузьма Миронович! Какой у него дом в Миролюбовке! Какие у него яблони и груши под самыми окнами!»

Правда, руководящая деятельность Кузьмы Мироновича не сопровождалась ничем особенным. Только тем и прославился он, что за два года соорудил на общественный счет четыре добрые хаты себе и ближайшим родичам. И хотя давно уже замечено, что «...толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие... и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят»,— но слетел и Кузьма Лупейко, даром что был он толстым. А не удержался Кузьма Миронович на должности головы из-за того, что, по меткому выражению всезнающей бабки Мокрозубихи, он «хвостиком виляє і курочек хапає».

Потом прислали из райцентра для наведения порядка в артельных делах Аверьяна Малявку.

В противоположность своему шустрому и оборотистому предшественнику был Аверьян Малявка человек тщедушный и неразговорчивый, вялый, как дождевой червь. Порядка в делах Малявка не навел, но зато обнаружил такую чрезмерную приверженность к нежному полу, к мало популярному в здешних местах волокитству, что долго просидеть в Миролюбовке не удалось и ему. Не свершив на хозяйственной ниве ни больших, ни малых подвигов, кроме разве того, что разбазарил поросят с колхозной свинофермы, Аверьян Малявка стал укладывать вещички в свой походный баульчик. На прощание он нарек всех представителей мужского пола в Миролюбовке «отелловцами», получил в ответ титул «недораскритикованного» и, оставив вдовствующей школьной сторожихе Явдохе Пивень на память о себе двойняшку, отбыл в неизвестном направлении.

Доходили после этого до миролюбовцев слухи, что председательствовал Малявка поочередно в Бродах, Надеждовке, еще где-то, а сейчас силится поднять на должный уровень кирпичное производство в Солонцеватом. Время от времени нагружает этот гуляка клунками с картошкой, бураком, гречневой крупой бидарку, раскатывает по хуторам и селам, сумрачно сбрасывает клунки у подворья своих кратковременных подруг жизни и так же сумрачно возвращается к марсельской черепице и кирпичу.

Слышали также миролюбовцы, будто Аверьяна Малявку пытались сунуть еще в какой-то колхоз, но как только заводили об этом речь, он испуганно бормотал:

— Пожалейте!.. Если не меня, то деточек малых...

Среди других достопримечательных миролюбовских председателей, вкусивших и сладость и горечь руководства, несомненно, надо упомянуть и Зиновия Непейпиво и Ефрема Чирикина.

Зиновий Непейпиво, мужчина с бычьей шеей и кроткими глазами, пуще всего в жизни любил посидеть в теплой компании, а если уж таковой не было, то в одиночестве у тихой речки. Взором, полным мягкой благостности, он наблюдал за клевом и предавался приятным размышлениям о том, как прекрасно устроена Вселенная. Закинешь удочку — и вот тебе карасик, линек!.. А то и подлещик. Если бы ко всему этому еще и колхоз не шел почему-то под гору, ах, как Зиновий Непейпиво был бы доволен!

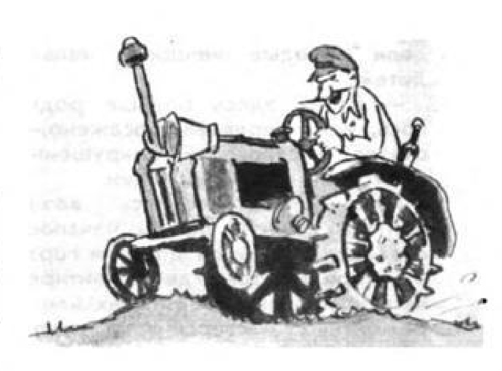
Но и при плачевных делах в миролюбовском колхозе Зиновий Каллистратович раздобрел, округлился в поясе и при ходьбе даже как бы стал задыхаться...

Что же касается удивительной его фамилии, то тут произошло очевидное недоразумение. В действительности Зиновий Непейпиво пил пиво, однако предпочитал этому грубому, ячменному напитку более нежный, пшеничный. Во всяком случае, никто не смог бы сказать, что от него хоть один день не пахло спиртным. Никто не сказал бы также, что можно было обычно к вечеру понять ход мыслей Зиновия Каллистратовича. К исходу дня он уже совершенно не мог поворотить языком и, мерцая кроткими глазами, нес такой вздор, такую невообразимую околесицу, что никто ничего не в состоянии был разобрать...

И, наконец, Ефрем Чирикин — рыжеватый мужчина лет пятидесяти, внешностью отдаленно напоминающий покойного царя Николая Второго... Оправдывая изречение, что каждый может быть велик даже в малом, Чирикин был снят колхозниками за то, что был велик единственно в таланте держать речи... Рудый Панько не преминул бы упомянуть, что Ефрем Чирикин необыкновенно живописно говорил, когда нужно было кого убеждать. Как он говорил! Боже, как он говорил! И никто, как он, не умел давать обещаний и тут же их забывать.

Тем не менее среди отставных председателей Ефрем Чирикин был вроде центральной фигуры. Он не разрешал себе пропустить ни одного собрания или даже узкого совещания, готовился к ним, как к празднику: подстригал рыжие усы и бородку, надевал чистый пиджак, покупал пачку папирос... Вот тогда уж он говорил!

...Недели за две до описываемых событий миролюбовцы, по совету нового секретаря райкома,

сняли с председательского поста и упомянутого уже нами Савелия Заброду.

Вернувшись в райцентр, секретарь райкома вызвал инструктора Удовиченко и сказал:

— К миролюбовскому колхозу ты, дорогой товарищ, прикреплен? Ты! Так вот, поезжай-ка туда, посиди с недельку, помоги подобрать дельного руководителя... Хватит людям мучиться из-за болтунов и бездельников!..

— Кого же? — растерянно спросил Удовиченко. — Из миролюбовских?

— Да что, у нас людей хороших мало? — рассердился секретарь.— В Миролюбовке есть, например, замечательный бригадир Екатерина Зарянко... Настоящий вожак будет... Всех пьяниц и лежебок перетряхнет...

— Зарянко перетряхнет, это точно! Ее давно бы следовало выдвинуть, — сказал инструктор. Помрачнев, он добавил: — Только не изберут... Уже два раза проваливали.

— А ты убеди собрание... Сумей проявить гибкость...

Удовиченко сел на мотоцикл и поехал в Миролюбовку.

Собрание, созванное там на другой день, началось как и обычно. Экс-председатели заняли места на первой скамейке, стали дружно подавать советы о составе президиума.

Но как только инструктор райкома высказался в том духе, что на пост председателя вполне подходит Катерина Зарянко, отставники-председатели, глядя друг на друга, сказали:

— Э, как бы не так!

— Нехай район подбросит нам кого поавторитетней,— догматическим тоном заявил Максим Сапего. — Эта Катря на улице еще мисочки из грязюки лепила, когда я колхоз становил...

— А я, относительно, соображаю, что не надо нам чужих, — возразил Кузьма Лупейко. И, обведя своим кротким взглядом соседей по скамье, добавил: — Резерв, относительно, имеется...

Удовиченко послушал-послушал и, поразмыслив, предложил отложить выборы на недельку:

— Посоветуйтесь, подумайте... Может, и мы подберем вам когонибудь...

Наутро, не заезжая в райком, Удовиченко направился в Солонцеватое, на кирпичный завод.

Аверьян Малявка сидел в холодке, под деревьями, обедал. Он уже опорожнил две тарелки с борщом и принялся за вареники. Увидев слезавшего у ворот с мотоцикла райкомовского работника, Малявка привычно затосковал.

«По твою душу, Аверьян», — сказал он самому себе. И, едва Удовиченко подошел и поздоровался, пасмурно буркнул:

— Уже знаю.

— Что ты знаешь?

— Я уже четырежды был колхозным головой... Кого другого везите в Миролюбовку, только не меня!

Удовиченко заверил, что никто и не собирается убирать его с кирпичного поприща.

— Просто съездим на денек — два к миролюбовцам. Рассчитываю на твою помощь в одном деле...

Малявка продолжал есть, но мысли его были не возле вареников. На давно небритом, вспотевшем лице Аверьяна читалось: «Дескать, выговоры вы объявлять любите, а как приспичит — подавай Малявку!»

— Что же я там делать буду, в Миролюбовке? — спросил он с набитым ртом.

— Ровным счетом ничего... Будешь ходить за мной и смотреть.

На это Аверьян Малявка согласился.

...Появление его в Миролюбовке, да еще в сопровождении райкомовского инструктора, вызвало у многих целый переполох.

Огородница Олена Чепурная, заметившая одной из первых, как степенно вышагивает Малявка по рядкам помидоров и ранней капусты, всплеснула руками:

— Царица небесная! Обратно дармоеда лысого на нашу шею привезли!

— Хрустнет теперь и то, что еще осталось, — убежденно предсказала ее подружка Фрося.

А Малявка тенью шествовал за инструктором, и в походке его было что-то зловеще-загадочное. С огородов он проследовал за Удовиченко к свинарнику, затем оба заглянули на кузницу. Здесь Малявка глубокомысленно пощупал ржавые бороны, покачал головой. У колхозной конторы Аверьян молча постоял перед пустующей Доской почета.

Кузьма Лупейко, слонявшийся без видимой нужды у конторы, подошел к нему и, часто мигая грустными глазами, сказал вместо приветствия:

— Смекаю, Аверьян Матвеевич, рискуешь обратно переселяться на земельку?

— А хоть бы и так! — заносчиво ответил Малявка и тотчас же сообразил, что ляпнул не то, что следовало.

— Относительно, понятно, — с наигранной веселостью проговорил Кузьма Миронович и, с минуту подумав, исчез.

Вечером на собрании Удовиченко посадил директора кирпичного завода рядом с собой в президиуме. Малявка ловил на себе любопытно-настороженные взгляды, и у него вдруг засосало под ложечкой: «Выберут, чего доброго, по старой памяти... Пропал ты, Аверьян...»

Вперив тревожный взгляд в переполненный зал, Малявка принялся обдумывать, какой даст себе отвод, и втихомолку даже прослезился: так получалось жалостливо.

Кислое выражение его лица не утаилось от Удовиченко.

— Держись бодрее, а то всю обедню мне испортишь, — сказал он и даже похлопал Аверьяна по плечу.

Тот уныло развел руками, кивнул. В ту же минуту кто-то из зала испуганно крикнул:

— Катерину председателем!

— Что ж, товарищи-колхозники, — сказал Удовиченко, поднявшись. — Давайте выбирать председателя колхоза... Сами понимаете, надо человека способного, толкового... Есть предложения? А то у меня...

Но Удовиченко не дали закончить.

— Катери-и-ину! — торопливо и с полным единодушием гаркнул весь зал.

Молчал только ошарашенный «Малый хурал».

«Огоньку» отвечают

«ГЛАВСЕЛЬЭЛЕКТРО» ПРЕДЛАГАЕТ

ИСПОЛЬЗОВАТЬ РЕСУРСЫ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ★ ПОЧИН МОЛОДЕЖИ СТАЛИНГРАДА ★ СЛОВО ЗА НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМИ ИНСТИТУТАМИ

В редакцию поступают письма, в которых читатели высказывают свои соображения по вопросу использования энергии малых рек, вносят рационализаторские предложения, предлагают свои изобретения. Ф. Г. Береславец поделился опытом успешной эксплуатации водяной турбины пропеллерного типа на Урале. Г. Д. Рослинов (Мурманская область) предлагает оригинальную модель турбины такого же типа. Схемы гидроэлектростанций прислали М. Г. Миронов (Омская область), тов. Малых (Люберцы, Московской области) и другие.

Горячо отозвалось на выступления журнала «Огонек» Главное управление сельских электростанций Министерства сельского хозяйства СССР — «Главсельэлектро». Признавая правильной мысль о возможности ускорения электрификации села, заместитель начальника управления И. Г. Смирнов пишет:

«В шестой пятилетке сельское хозяйство получит первый крупный вклад — до шестнадцати миллиардов киловатт-часов. Будут электрифицированы по основному плану колхозы, совхозы и МТС многих районов нашей страны путем подключения их к государственной электросети и сооружения районных и межрайонных электростанций при участии самих колхозов... В тех же районах, где электрификация по основному плану будет развернута примерно через пять лет, стоит прибегнуть к постройке местными силами небольших гидроэлектростанций, ветровых и других двигателей, чтобы в первую очередь население здесь имело электросвет и электроэнергию для самых неотложных нужд в хозяйстве».

Говоря об удовлетворении заявок сельских электрификаторов на столбовой лес, силовые трансформаторы, алюминиевые и стальные провода, изоляторы, ролики и т. п., И. Г. Смирнов считает необходимым организовать производство электроматериалов на предприятиях местной промышленности, не дожидаясь, пока поставки их будут выполнены централизованно.

«В Украинской ССР на предприятиях местной промышленности уже создано производство таких несложных изделий, как электрические патроны, выключатели, пробки, вилки. В Латвийской ССР подготовляют производство роликов и изоляторов».

Опыт Украины и Латвии должен быть использован всеми республиками, возможности для этого имеются всюду.

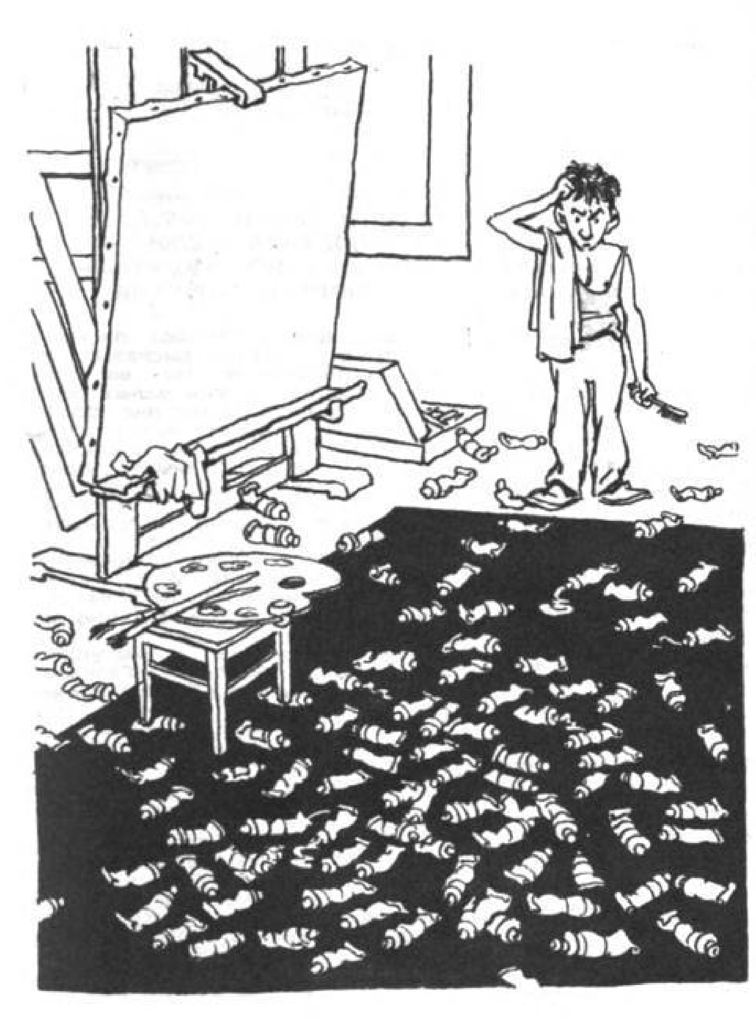
Большую помощь в ускорении электрификации сельского хозяйства может оказать наша славная молодежь и ее авангард — ленинский комсомол. Молодежь фабрик и заводов уже в этом году могла бы собрать некоторые электроматериалы из отходов производства, которых немало на каждом предприятии. Недавно молодежь города Сталинграда проявила замечательный почин, оказав помощь в электрификации колхозов Сталинградской области. Этот почин должен быть поддержан и развит.

Помощь местам в электрификации сельского хозяйства по-настоящему развертывается только теперь. И здесь первое слово за научными организациями, и прежде всего за Всесоюзным научно-исследовательским институтом электрификации сельского хозяйства».

* * *

По сообщению и. о. начальника отдела по изобретательству и рационализации Главного управления механизации и электрификации сельского хозяйства Министерства сельского хозяйства СССР товарища Г. Шинкаренко, многосекционный водяной двигатель конструкции М. И. Логина (о котором сообщалось в «Огоньке» № 22) принят к опытной проверке.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

— КУДА ЖЕ ДЕВАЛАСЬ ЗУБНАЯ ПАСТА?..
Рисунок Л. Самойлова (Рига).

ИНДИВИДУАЛИСТ

Изошутка Г. Оганова (Баку).

ИРАНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Считай труд за отдых, когда перед тобой великая цель.
Храбрый узнается на войне, мудрый — в гневе, друг — в нужде.
Внимательный слушатель вдохновляет оратора.
Сильно мешает быть умным усердное стремление казаться таким.
Где нет фруктовых деревьев, свекла сойдет за апельсин.
Когда счастье отвернулось, от киселя ломаются зубы.
В доме муравья и от росинки — наводнение.
Идешь в город одноглазых — закрой один глаз.
Болтуна бросили в ад, а он и там заговорил: «Дрова сырые».
Если бы при помощи крика можно было построить дом, то осел построил бы целую улицу.
Большой камень — верный знак, что им не ударят.
Слово свято, но трижды свято слово договора.

Перевел В. КАЩЕЕВ.

Морская волна

Не надо бояться
Девятого вала,
А надо купаться,
Коль лето настало!

Волна подымает,
Волна опускает;
Она понимает,
Она приласкает.

Она помогает
Уйти от обид;
Она не ругает,
Хотя и шумит!

Николай ГЛАЗКОВ

Юбилей гривенника

Мне хочется напомнить об одном юбиляре нынешнего года, маленьком и незаметном, но которому исполнилось ни много, ни мало двести пятьдесят лет. Мы общаемся с юбиляром повседневно — в магазинах, у касс метро, в трамваях, троллейбусах, автобусах. Это гривенник, начавший свою жизнь в 1706 году по указу Петра Первого.

До нас дошла целая семья гривенников петровских времен. Эти мелкие ходячие монеты различны по чеканке и клеймам, но все сделаны из чистого серебра и имеют равный вес. Исключение составляют монеты 1713 года, которые были, повидимому, отчеканены не русскими золотых дел мастерами, а пленными художниками-шведами.

Кроме ходовых десятикопеечных монет, на которых изображался орел с тремя коронами, скипетром и державой, существовали еще и гривенники особого рода. Равные по значимости всем остальным, они имели облик простой копейки. Как и на медных деньгах, на этих гривенниках дано изображение царя с копьем в руках. Не многие современники Петра Первого могли похвастаться обладанием такими монетами. Необычные гривенники назывались дáровыми. Царь жаловал их своим приближенным за особые заслуги.

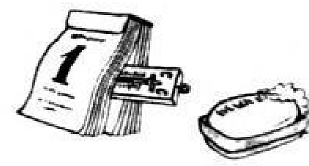
Получить в день рождения или именин серебряный ковшик, наполненный такими гривенниками, было в ту пору большой честью. Ковшик ставился на видное место и хранился как семейная реликвия.

Редкие дáровые гривенники, сохранившиеся до наших дней, украшают коллекции любителей старинных монет.

Е. АРЛАЗОРОВА

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин художников-маринистов, две страницы акварелей А. Ромадановской и две страницы цветных фотографий.

Китайские загадки

I

Появляется на свет толстым-претолстым,
Но с каждым днем становится все тоньше и тоньше.
В начале и в конце его холод,
А тепло посередине.

II

Когда оно чисто,— дома лежит,
Когда измазано,— в путь отправляется.
Ему открыты все дороги, все пути.
Возвращения его не ждет никто.

III

Любит мыться и купаться,
Но от этого только худеет.

IV

Когда он черный,—
За ним ухаживают.
Когда красный,—
Сам людей обслуживает.
Когда же он серый,—
Его выбрасывают.

Перевел Лу Гун.

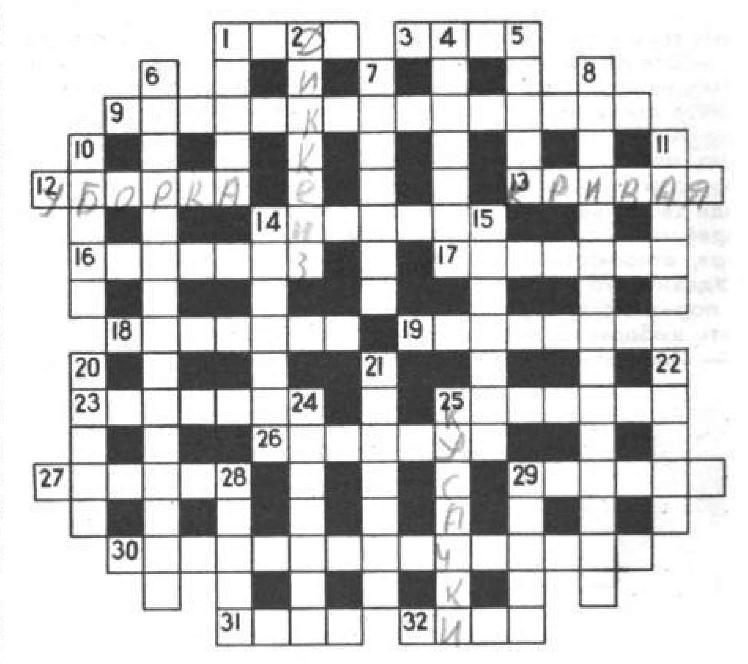
КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Момент поражения в спортивной борьбе. 3. Героические сказания. 9. Место добычи одного из видов топлива. 12. Сельскохозяйственная работа. 13. Линия на диаграмме. 14. Степень колебания. 16. Геологическая эпоха. 17. Травянистое растение. 18. Специалист, дающий заключение по спорному вопросу. 19. Шотландский народный танец. 23. Сплоченная группа людей. 25. Птица отряда рябков. 26. Вид транспорта. 27. Денежная единица Афганистана. 29. Город в Югославии. 30. Последовательность в изложении. 31. Пьеса М. Горького. 32. Могущество.

По вертикали:

1. Шелковая ткань. 2. Английский писатель. 4. Правильный образ действий и мыслей. 5. Роман Т. Драйзера. 6. Способ изготовления клише. 7. Обилие. 8. Равноценность. 10. Название равнинных областей в Южной Америке. 11. Цвет шерсти животного. 14. Оркестровый инструмент. 15. Удобрение. 20. Поэма А. Блока. 21. Заботы. 22. Писатель эпохи французского Возрождения. 24. Род машины. 25. Острогубцы. 28. Род декоративных и лекарственных растений. 29. Единица стиха.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали:

3. Ботев. 5. «Гудок». 8. Павлов. 10. Огород. 11. Богатство. 16. «Бородино». 17. Европеец. 18. Конгрев. 19. Лесовод. 22. Масленка. 23. Столовая. 24. «Искусство». 26. Листок. 27. Отклик. 28. Сфера. 29. Виток.

По вертикали:

1. Короб. 2. Конго. 4. Витамин. 5. Глиссер. 6. Палеонтология. 7. Водопроводчик. 9. Волоколамск. 10. Овцеводство. 12. Волопас. 13. Шиллинг. 14. Предлог. 15. Белград. 20. Секунда. 21. Власьев. 24. Иоффе. 25. Отрог.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 08446. Подп. к печ. 25/VII 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 653. Заказ № 1978. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В шанхайском парке.
— Здравия желаем!

Фото М. Сави

Цена номера 3 руб.
11-5